

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ПАМЯТЬ ВСЕХ СЛОВ

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

Сказания Меекханского пограничья

Роберт М. Вегнер

**Сказания Меекханского
пограничья. Память всех слов**

«АСТ»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Вегнер Р.

Сказания Меекханского пограничья. Память всех слов /
Р. Вегнер — «АСТ», 2015 — (Сказания Меекханского
пограничья)

ISBN 978-5-17-982811-2

Далеко в море есть остров, скрывающий древнюю тайну, остров, где льется кровь и царит черное колдовство – и где, если верить легендам, живет настоящее божество, исцеляющее одержимых. Именно туда отправляется Альтсин – бывший вор, а теперь монах. Пытаясь избавиться от бога войны, который поглощает его разум, он пойдет на все, но даже отчаяние не подготовило Альтсина к тому, что происходит на острове... А далеко на юге возвышается огромный белый город. В жилах здешних князей течет святая кровь, а подданным их не скрыться от взгляда всеведущего огненного ока. Сюда, чтобы найти своего брата Йатеха, прибывает Деана Д'Кллеан. Она осталась без собственных народа и семьи – и еще не подозревает, во что превратился ее брат. Тем более – какая роль уготована каждому из них в грядущей игре богов.

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-982811-2

© Вегнер Р., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	21
Интерлюдия	26
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	39
Интерлюдия	44
Глава 6	52
Интерлюдия	60
Глава 7	65
Глава 8	76
Интерлюдия	81
Глава 9	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Роберт М. Вегнер

Сказания Меекханского пограничья

Память всех слов

Copyright © 2015 by Robert M. Wegner

Copyright © 2015 by Powergraph

© Сергей Легеза, 2018, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta Dybowska

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Закоулок толстым, в пару футов, слоем заполняли старые тряпки, обломки ящиков, битые горшки и прочий мусор. И крысиные катышки, чья вонь придавала каждому вдоху своеобразный привкус. В тупичке этого царства находилась огромная бочка с отверстием, прикрытым тем, что некогда было, пожалуй, конской попоной, да такой, под которой конь и подох, а самой попоне пришлось еще несколько месяцев прикрывать его труп.

Перед бочкой сидела... вероятно, старуха: о поле этой кучи костей, завернутых в несколько тряпок, можно было лишь гадать. Седые космы спадали на грязное лицо, торчащие из обтрепанных рукавов руки заканчивались почерневшими когтями, а смрад, который она источала, заставлял и вонь крысиного помета внезапно обретать приятные нотки. На донце стоящего перед ней перевернутого ведра лежало шесть костей с разноцветными гранями, старых и выглаженных так, что увидеть на них точки было почти невозможно.

Старуха трясущимися руками загребала их в кожаный стаканчик, встряхивала и кидала, и каждый бросок ее вызывал стон у сидящего напротив мужчины – дворянина, если судить по короткому вамсу из добротного материала и по атласной рубаше, чьи манжеты были украшены монограммами.

– Две пики против королевы. Но на коне – бьет трех псов. Безголовая змея грызет мышь, – бормотала она.

Каждый бросок и каждая фраза, что она хрипела горловым шепотом, приводили к тому, что мужчина горбился все сильнее, а руки, которыми он загонял кости в стаканчик, все сильнее потели и тряслись. Но игру он не прерывал.

– Император и двор, – вспыхнул он внезапной радостью после очередного броска. – Император и двор, ты, старая обманщица!

Та покачала головой.

– Судьба не врет, судьба не обманывает, – сказала она с легким упреком в голосе и добавила: – Два броска. Два броска на смерть владыки. Что поставишь?

– Все, – широко улыбнулся мужчина. – Все и еще больше.

– Больше не нужно. Всего – хватит.

Кости спрятались в стаканчик.

Йатех молча следил за игрой, ни правил, ни ставок которой он не знал. Стоя под стеной, в нескольких шагах за спиной дворянина, он, казалось, оставался совершенно невидим для играющих. Сама же игра... он уже сумел понять, что для нее важны как выброшенные точки, так и цвета. Например, последний из сделанных бросков принес дворянину расклад от одного до шести на красных гранях.

Старая женщина встряхнула стаканчиком и метнула кости на деревянное донце ведра. Те широко покатались... и остановились, открыв черные грани, украшенные белыми точками. Одна, две, три, четыре, пять, шесть.

– Врата Дома Сна.

Мужчина побледнел.

Кости в стаканчике снова загрохотали и покатались по импровизированному столику.

От одного до шести, белые грани.

– Привратник вращает ключ. Врата отворяются. Смерть забирает владыку и его двор. Конец игры.

Мужчина странно рассмеялся, почти женским хихиканьем, одновременно поднимая бледную ладонь к губам.

– Еще один бросок, – прошептал он голосом, от которого по коже шли мурашки. – Один бросок. Ничего больше.

– Хорошо. Что поставишь?

– Все. Все...

– Все ты уже поставил. Нет больше ничего. – Костяной палец указал на выход из переулка. – Ступай навстречу своей судьбе.

Дворянин поднял голову, медленно, будто лунатик, словно только очнулся ото сна, протер глаза и, покачиваясь, двинулся в указанном направлении.

Йатех подождал немного, прежде чем подошел и занял место напротив старухи.

– Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает.

– Или проигрывает, Лабайя из Биука.

Он и не заметил, когда Канайонесс появилась на входе в закоулок, но сидящая перед ним женщина резво замахала руками, словно пытаясь сплести нечто из воздуха. Йатех перехватил ее ладони и прижал их к ведру. Кожаный стаканчик упал на землю, кости раскатились во все стороны, исчезнув в мусоре.

Их хозяйка с явным неодобрением прищелкнула языком.

– Ну-ну, после стольких-то лет – и такое-то приветствие... А я надеялась на кубок легкого вина и кусочек пирожного. – Она драматично вздохнула. – Скажи мне честно, ей все это еще не надоело? У нее храмы и часовенки в каждом городе, местечке и селе, даже здесь, не далее как в двух улицах отсюда стоит ее крупный храм, а она возвращается к корням. Ты и твои сестры... таинственные Прядильщицы Предназначения, что встречаются в темных переулках, в углу трактира, на перекрестках дорог. Всегда предлагают игру с Судьбой ради исполнения любого желания, которое только может быть у человека. Одна всегда выигрывает, вторая всегда проигрывает, третья... серединка на половинку. А после пары партий – бесследно исчезают. Эйфра и правда желает развлекаться?

Старуха перестала вырывать руки, зато косо взглянула за спину Йатеха.

– Но это действует, дитя. Действует, да еще как. Все знают историю о старой Лабайе, или Китчи-от-Улыбки, или Огевре, Госпоже Несчастий. И многие нас ищут. А рассказы о тех, кто нас нашел и выиграл благодаря этому лучшую судьбу, значат куда больше, чем тысячи жертв, всесождений, приносимых в тысячах храмов одновременно. Пробуждают веру, надежду... Так это происходило у начал мира и так будет происходить, когда звезды начнут падать на землю. Первоначальная Сила наполняется мечтаниями.

– Знаю, знаю. Любые средства хороши, чтобы обратить на себя внимание смертных. – Что-то прошелестело, треснуло с глухим звуком, когда Малышка Канна вошла глубже в переулок. – Странно, что я не слышу криков храмовой стражи... Или твоя госпожа решила меня остановить?

Йатех усилил хватку, полагая, что старуха сделает нечто глупое. Поручение Канайонесс было очень ясным: что бы ни происходило, он не может отпустить рук этой женщины или позволить ей потянуться к тому, чем она играла.

– Нет. Но знаешь, как говорят: ее миры – там, где стучат кости. А собственно, раз мы уже об этом – здесь тоже шла игра. Я – ее жрица, а ты как раз идешь по освященной земле, дитя. Смотри внимательней, куда ставишь ноги.

– Я смотрю. К тому же – я едва лишь почистила сапоги.

Девушка села рядом с Йатехом и подняла лежащий среди мусора стаканчик.

– Сколько же лет... – Она понюхала его, словно дегустатор, пробуя аромат редкого напитка. – Это тот самый, верно? Тот самый, которым ты сыграла с ней в кости и проиграла. Один бросок ради души одного человека...

Йатех почувствовал, что смотрит на него.

– Забавно... – продолжила она. – Знаешь, я не думала, что Эйфра настолько сентиментальна. Может, я буду такой же.

Она плеснула в ладони – и стаканчик исчез.

За вуалью грязных волос глаза старухи превратились в ледяные шарики.

– Фокусы, – фыркнула она презрительно. – Моя госпожа за тобой не гонится, нежеланное дитя, но если ты захочешь, чтобы она начала, – то заберет тебя с собой.

– Ох. За мной гонится уже столько всяких, что если однажды догонят, то будет их изрядное число.

Канайонесс вздохнула, потянулась за спину и достала стаканчик.

– Я думала, что у меня выйдет лучше, но, видно, руки начали забывать умения.

Она поставила емкость на донце ведра и подняла рассыпавшиеся кости.

– Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает, – пробормотала она. – И что? Сыграем? Йатех почувствовал, как женщина каменеет. Открыла и закрыла рот, словно лишившись речи.

– Один бросок. Одной костью. Меньшее значение – выигрывает. – Малышка Канна, казалось, не заметила выражения лица старухи.

– Что... что поставишь?

– Не спрашиваешь, на что сыграю я? Тот, – она махнула рукою к выходу из переулка, – играл на смерть жены и на наследство, которое мог бы с этого получить, верно? А я? Как полагаешь? На что сыграю?

Йатех увидел, как лоб Лабайи покрывают капельки пота.

– А на что хочешь?

– На встречу со знакомой персоной.

Воин уголком глаза отметил усмешку черноволосой девушки и был лишь благодарен, что не видит ее лица. Старуха побледнела.

– Я ищу ее вот уже много лет, но персона эта прекрасно прячется. Раз, несколько месяцев назад, нам почти удалось, но у меня отобрали возможность... разговора, а потом нас разделили. Теперь я хочу быть уверена, что найду ее и что она от меня не сбежит.

– И Судьба должна дать тебе такой шанс?

– Как видишь, я в отчаянии.

Лабайя прикрыла глаза и замерла на миг.

– Что поставишь? – Голос старухи нисколько не изменился, но в нем появилось... нечто мрачное.

– Ох, ты пришла, Эйфра. Я не думала, что ты появишься лично. – Девушка чуть наклонила голову набок, словно птица, что пытается лучше присмотреться к интересной блестяшке. – Керу'вельн, можешь ее отпустить.

Йатех выпустил худые запястья и невольно вытер руки о штаны. Кожа женщины миг назад сделалась ледяной и мокрой. Да старуха наверняка давным-давно не мылась. Он почувствовал прикосновение к плечу.

– Вынь меч.

Ифир скрежетнул об оковку ножен.

– Если я сниму руку с твоего плеча – убей ее. – Малышка Канна указала на Лабайю. – Целься в лицо.

Он упер клинок в ведро, направив рукоять в сторону сморщенного лица.

Ответила ему улыбка. Холодная и ироничная.

– Хочешь разозлить меня, Канайонесс? С той поры, как ты убегаешь, многие приносят жертвы в моих храмах с мольбами о твоей поимке. Безрезультатно. Пока что.

– Может, оттого, что я вне твоей власти, Эйфра. Хотя, если кому и удастся до меня добраться, ты ведь наверняка объявишь, что это результат твоей милости. Как обычно. А он не сумеет тебя ранить.

– Но вот мою служанку – сможет. А я плачу верностью за верность.

– Ну, если ты так говоришь...

Переулок наполняла тишина, даже отголоски с главной улицы исчезли.

– Пытаешься меня оскорбить? Чего ты хочешь?

– Я уже сказала.

– Я не вмешиваюсь в вашу войнушку. Соблюдаю нейтралитет.

Малышка Канна причмокнула, развеселившись.

– Нейтралитет... Напомни-ка мне, это что, такое мягкое определение трусости – или глупости? Никогда я не могла этого запомнить.

– Не провоцируй меня.

– А не то? Я вижу пот, что бороздит новые русла на лице твоей служанки, и все раздумываю: это ее страх или твой? Страх – хорошее чувство. Я не боюсь, ты помнишь? Вы забрали мой страх, убили его, а после позволили мне жить. Это очень глупо – позволять жить тому, чей страх убит вашими руками. Один бросок одной кости, честный, без твоих обычных фокусов. Низшая ставка выигрывает.

– Что ты поставишь?

– Все.

Он во второй раз увидел, что старухе не хватает слов.

– Один бросок одной кости, – повторила Малышка Канна. – Выигрывает меньшая. Бросаем одну и ту же кость, не используем Сил, не разрешены крики и толчки столика. И пение. Пение – тоже запрещено. Решительно. Тот, кто так делает, – проиграет. Это будет такое... – в словах ее таилась усмешка, – возвращение к корням. Что скажешь? Не хочешь вновь ощутить ту дрожь, когда все зависит от этой крохотной, перекатывающейся безделушки? Пережить момент, когда – прежде чем кость остановится – может произойти что угодно? Легко выигрывать у смертных, но разве тебе это не наскучило? Я – готова рискнуть. Ставлю все, а ты – встречу с персоной, которую я разыскиваю. Решайся, поскольку, если я выйду из этого закоулка, следующего шанса у тебя не будет.

Богиня, скрытая в теле жрицы, кивнула.

– Ты многого требуешь... Игра может оказаться не стоящей ставки. Даже для меня.

– Тогда – я увеличу твои шансы, Эйфра. Время до рождения и безумия. Ничья тоже отдаст победу тебе.

Установилась тишина. И когда уже казалось, что ничего из спора не выйдет, они дождались медленного кивка и хриплого шепота:

– Я согласна.

Канайонесс, не отпуская плечо Йатеха, свободной рукою вбросила одну кость в стаканчик.

– Я первая.

Она крутанула посудинкой.

Кость затанцевала на донце ведра, и шесть точек на красном поле издевательски им ухмыльнулись.

Хихиканье старухи звучало так, словно ремнем терли кусок стекла.

– Ты проиграла... проиграла... я еще не бросала, а ты уже проиграла. Судьба немилостива к тебе.

Малышка Канна даже не дрогнула.

– Твой бросок.

– Зачем, детка? Зачем? Я не могу выбросить семерку, а ничья приносит победу мне. Ты проиграла.

– Всякая игра должна иметь начало и конец. Эта не закончится, пока ты не бросишь.

Похожие на когти пальцы загнали кость в стаканчик.

– Ну, если правила так важны для тебя... – Лабайя энергично встряхнула посудинкой, – то пусть все формальности будут исполнены.

Разноцветный кубик покатился по донцу ведра.

Ладонь Канайонесс оторвалась от плеча Йатеха, а его меч выстрелил в сторону лица старой женщины. И тотчас та самая ладонь упала на его запястье, удержав клинок в полудюйме от морщинистого лица. Но было уже поздно.

Возможно, убежденная в своей победе богиня ослабила контроль над телом своей жрицы, а возможно, даже Бессмертных можно поймать врасплох, но хватило и того, что старуха вскрикнула испуганно и отпрыгнула назад, с размаху пнув ведро.

Кость упала с него и исчезла в куче мусора.

В закоулке снова воцарилась тишина, но на этот раз тишина эта была иной, чем в прошлый раз. Густой и мрачной. А когда Йатех взглянул на встающую с земли Лабайю, то увидел уже не старуху, но лишь Присутствие. Приведенную в бешенство богиню.

– Ты-ы-ы-ы... – Казалось, голос ее резал воздух.

Его госпожа ступила вперед и загадочно улыбнулась.

– Да?

– Ты меня обманула!

– Я? Я не использовала колдовства, не кричала и не трогала ведро. Я даже, клянусь милостью неопределенного высшего существа, не запела. У меня есть свидетель. – Она снова положила ему руку на плечо. – Это ты крикнула и перевернула столик. И как знать, может, ты еще и станцуешь, вечер ведь только начался. Ты проиграла.

Йатех не сводил взгляда с лица Лабайи. Глаза ее горели, волосы вставали дыбом, а кожа, казалось, сияла небесной синевой.

– Осторожней, – шепот Канайонесс звучал теперь на границе слышимости, – это тело не сумеет вместить все твое Присутствие. Еще несколько минут – и оно сгорит. А ты ведь платишь верностью за верность.

Звуки с главной улицы прокрались в закоулок – медленно и осторожно, как группка любопытных детишек, проникших туда, куда им ходить запрещали.

– Так-то лучше. – Девушка прищурилась. – Ты признаешь свой проигрыш?

Неожиданно раздалось тихое хихиканье:

– Но я не проигрывала. Я никогда не проигрываю, сладкая. Ты же помнишь? Судьба не оценивает выпавших костей, для нее выпавший Императорский Двор обладает такой же ценностью, что и Чума. Ох, что за взгляд. Но я сама согласилась на твои условия, верно? А потому – да, я признаю свой проигрыш, но ты, воровка душ, взамен кое-что сделаешь для меня.

– Мы не так договаривались.

– Знаю... знаю... и знаю также, что в нашем договоре ни слова не было о том, чтобы тыкать в женщину мечом. А потому не будем слишком мелочны. Я сдержу слово, но встреча встрече рознь. Ты, полагаю, хотела бы с ним поговорить, разъяснить несколько дел, напиться вина... но не обнаружить его за миг до того, как меч отделит его голову от тела. Он бы тогда не сумел от тебя сбежать, но ведь дело не в том, верно? Уверяю тебя, что я умею придерживаться буквы договора настолько же, как умеешь и ты. Итак?

Йатех уголком глаза глянул на Канайонесс. Та улыбалась.

– Ты помнишь ее?

– Что? Кого?

Старуха нахмурилась, а он едва не рассмеялся. Внезапные смены настроения, перескакивание с темы на тему в середине, казалось бы, невероятно важного разговора или молчание без причины... он уже успел узнать эту девицу насквозь, однако оказалось, что она умеет выводить из равновесия даже богов.

– Ее. Ту, которая всех ткнула лицами в болото из грязи и крови. Деликатно и ласково, но так, что вы начали им давиться. С тобой она сыграла на некую душу, поскольку не захотела смириться с предоставленным шансом, я ведь верно помню?

Глаза, скрытые под завесой седых косм, потемнели.

– Он убил всех моих детей в городах и поселениях вдоль всех Восточных Дхирвов, осквернил храмы, сжег книги и сровнял с землей круги ворожей. Он не заслужил иного.

– А мы – заслужили ли? Кто может это оценить? Ты проиграла ей бросок костей, но не сказала ли она тебе нечто, что ты помнишь до сего момента?

Лабайя облизнула губы:

– Зачем... тебе это?

– Я собираю ее слова. Всякое, что она произнесла. Ищу следы в святых книгах, легендах и мифах, но знаешь же, как оно бывает. Все это писалось через долгие годы после войны, порой – через множество поколений после нее, на основе сказаний, передаваемых от отца к сыну, куда всякий добавлял нечто от себя или старался улучшить историю. Что ж, некоторые из них – удивительно правдивы. Но через них – не дотянуться до источника.

Некоторое время старуха молчала, и только по лицу ее пробежали нервные тики.

– Она сказала, что ни одна игра не завершится, пока последний игрок не сделает ход. И что будущее – всего лишь та часть листа, по которому еще не прошло перо.

Вздых заставил Йатеха взглянуть в сторону. Девушка широко улыбалась.

– Она всегда была хороша в проклятиях. Сказать той, что носит титул Владычицы Судьбы, что будущего не существует, а сила ее – лишь иллюзия, опирающаяся только на веру смертных... – Канайонесс быстро заморгала. – Ладно, что же ты хочешь, чтобы я сделала?

Богиня откашлялась устами Лабайи:

– Скажу тебе, когда мы останемся одни. Вдвоем.

– Хорошо. Керу'вельн, выйди и подожди на улице.

Часть I

Стук костей

Глава 1

Она стряхнула с клинка кровь движением столь быстрым, что двойной изгиб лезвия *тальхера* размазался в воздухе. Карминовые капли полукругом легли на землю и несколько мгновений, пока не впитались в прах, казались рубиновым ожерельем, драгоценным колье, небрежно брошенным на землю пресыщенной аристократкой. Потом кто-то шаркнул ногой, и узор исчез.

«Это моя кровь, стекающая по рукояти вдоль клинка, – поняла она. – Она достала меня, пульсация в левом предплечье – это рана; горячая влага, заставляющая ладонь липнуть к рукояти, – это моя жизнь. Потому-то она и не спешит, с каждым ударом сердца я теряю силы. Еще немного, и я стану медленной, словно пьяная черепаха».

Она отступила: полшага, потом еще. Омалана ждала, кривя губы в несмелой гримасе, словно желая сказать: «Прости, я тебя обидела?» Ее *санкви* покачивалась из стороны в сторону с клинком, испятнанным кровью.

Деана отступила снова. Еще шаг. Сабля ее противницы была длиннее *тальхеров*, к тому же – обладала совсем небольшой кривизной клинка, что увеличивало дистанцию удара. Вновь потерявшись в пространстве, она мазнула взглядом по ножнам сабли Омаланы. Серые, обыкновенные, лишённые украшений кроме оковки торца, изображавшей змею. Она должна была догадаться. Змея – убийца, неожиданная смерть среди песков.

Отчего эта сука не носит на ножнах белого?!

Внезапно *санкви* ринулась к ее лицу в довольно медленном и предсказуемом уколе. Деана отбила его, не пытаясь контратаковать, она уже два раза давала себя поймать на притворную неловкость таких атак, когда простецкая на вид техника скрывала ошеломительную точность и быстроту. Убийственная элегантность, с какой эта женщина пользовалась саблей, была почти божественной. Несмотря на белые ножны *тальхеров*, Деана вот уже некоторое время чувствовала себя как ребенок, обучающийся под присмотром сурового и требовательного мастера. Не бей слишком низко! Чересчур медленно парируешь! Это сабля, а не Длинный Зуб! Зачем тебе две руки, если сражаешься только одной!

Каждый из этих уроков был ей преподан.

А транс все не наступал.

Она начала переносить тяжесть тела назад, чтобы отступить еще немного, когда Омалана вновь атаковала. Два маленьких быстрых шага, и вдруг появилось острое сабли, оно летело к лицу Деаны, чтобы в последний миг изменить направление и ударить в сердце. Она парировала, сама не понимая как, отбила две следующие атаки, скорее отчаянно размахивая оружием, чем показывая нечто, что даже самый добрый из наблюдателей сумел бы посчитать фехтованием. Все улетучилось из нее: месяцы, годы соревнований с собственными слабостями, галлоны пролитого пота, синяки, растянутые мышцы и сухожилия, раны, тренировки тела и умение обманывать разум, игнорировать усталость, страх, боль, чтобы дотянуться глубже, к внутреннему пламени, дающему силу каждому из мастеров иссарам. Она чувствовала себя так, словно была одной из северных женщин, слабых и беззащитных, брошенной судьбою на пути колесницы смерти в образе обучавшейся с детства иссарской убийцы. Транс *кхаан'с* не приходил, бежал от нее, казался скорее странной идеей, чем состоянием, которого она еще вчера могла достигнуть всего-то благодаря серии дыхательных упражнений. *Сани* – внутреннее пламя – казалось лишь

воспоминанием о горсти пепла. Она парировала коварный укол отчаянным взмахом клинка, песок украсился еще одним рубиновым ожерельем, и она попыталась вновь потянуться за *кхаан'с*, сосредоточиться на ране, сжать вены, оттянуть кровь в глубь тела. В трансе она бы точно это сделала, между двумя ударами сердца, а теперь теряла ценные мгновения и вдруг отчетливо увидела, как кончик *санкви* движется к ее груди, медленно, все вокруг наполнил грязный маслянистый страх и беспомощность, и только этот кусок стали блестел ярко, словно отраженным сиянием взорвавшейся звезды.

Удар...

Она проснулась, судорожно глотая воздух, с ладонями, невольно прижатыми к груди. «Она в меня не попала, – вспомнила Деана, – а бой наш выглядел иначе». Несмотря на то что Омалана не носила белых ножен, она умела отыскать путь к трансу *кхаан'с*, и она ворвалась в жизнь *афраагры*, оставив за собой несколько трупов и чуть не приведя к войне между родами. «Была хороша, – как в очередной раз мысленно призналась Деана, – хороша как никто, с кем мне до того времени приходилось сражаться, настолько хороша, чтобы отослать к общей душе те ее фрагменты, что носили Неенейр и Кенсия. Но в конце-то концов я оказалась лучше.

И я убила ее. Не так, как во сне, отчаянно защищаясь и моля в душе о быстром конце. Я убила ее в боевом трансе, который покинул ее на удар сердца быстрее, обошла защиту и попала в шейную артерию. Она умерла в фонтане крови, скаля зубы и, несмотря ни на что, пытаясь забрать меня с собой.

Она была настоящей змеей.

Но она уже мертва».

Деана поднялась с постели.

Сперва *кендет'х. Кайя* – молитва после ночного сна и о хорошем дне.

Владычица на Небе, коя отодвинула Суд, коя согнула горделивые выи и по ним взошла на трон, коя есть начало и конец. Ночью ладонь Твоя защищает меня от зла и тьмы. Молю Тебя о тени их днем, чтобы солнце не выпило мою кровь, а путь мой привел к Твоей опеке.

Деана поклонилась восточной стене своей комнаты.

Налила воды в медную миску, быстро и осторожно, чтобы не расплескать и капли, омыла лицо, потом руки и плечи. Остаток воды она, чтобы использовать ее вечером, вернула в кувшин, закрыла его горлышко.

«Старые обычаи длятся дольше, чем память об их началах, – подумала она. – Нам уже нет нужды следить за каждым глотком, под нашим домом и под всяким домом в *арфаагре* есть каменные водосборники, полные жизнетворной влаги. Мы знаем все источники на двадцать миль. А если с ними будут проблемы, есть еще сборники росы – в виде или гигантских воронок, или кусков материи, что выставляются утром и вечером под ветер, потому у нас в достатке воды, чтобы я каждый день могла расходовать несколько таких кувшинов. И что?» Она сардонически скривилась. При одной мысли, что на пол прольется хотя бы капля, в желудке ее что-то переворачивалось. Потому что тетка сызмальства вколотила ей в голову, что каждая утраченная капля – грех, зло, сравнимое чуть ли не с предательством рода. А та слышала это от своей тетки или бабки, что слышала от... Она вздохнула. В иных делах мы не больше чем страницы книги, исписанные мудростью предков, книги, которую храним, даже если она уже утратила смысл.

Деана старательно оделась. Сперва *коэ*, потом *ноасм*, сверху праздничную *та'чаффу*, красную, словно кровь, расшитую алыми нитями разных оттенков в цветы и зверей. Пояс от *талхеров* она поменяла на белоснежный, а ножны сабель полдня чистила до блеска. Знала, какое впечатление произведет алость невинности, перерезанная белоснежным, скрывающим в себе смерть. В роде д'Клеан четверо имели право на такую белизну, что само по себе было необычным, поскольку уже один или два мастера оружия среди родственников – повод для гордости и славы перед лицом прочих иссарам. Честно говоря, она не чувствовала себя осо-

бенной, однако ее уже не преследовало и подкожное чувство вины и ярости, наполнявшее ее в годы тренировок. Она была мастером и принимала это так же, как и то, что ей приходится дышать.

В *афраагре* говорили, что род д'Кллеан хорош в битве и всегда идет в полушаге от боевого транса. В роду х'Леннс уже несколько поколений не было ни единого Белого Пояса, и война не вспыхнула, наверное, лишь поэтому. Даже если Ленгана шла к ней довольно явственно, ни муж ее, ни совет рода не желал открытой конфронтации. Тем более, что старейшины селения тоже противились такому. Род Ленганы был многочисленней и богаче, род Деаны имел лучших воинов, и его поддерживали прочие малые роды, которым пришлось не по вкусу растущее значение богачей. Схватка между ними могла закончиться по-разному, но в любом случае она обещала *афраагру*, наполненную десятками трупов и плачем вдов и сирот.

Деана заглянула в маленькое зеркальце из полированной стали. Слишком большой рот, часто сжатый в узкую линию, слишком маленький нос, слишком бледная кожа, глаза не то цвета пива, не то ореховые. Темные волосы с ровно подрезанной челкой, чтобы не мешали в схватке. Даже захоти, не могла бы она отказаться от унаследованной от матери меекханской крови, которая так бесила Ленгану х'Леннс, что та пожертвовала жизнью своих сыновей и кузины в попытке уничтожить их семью. Было время, когда Деана не любила свое лицо, поскольку то слишком напоминало ей о северном наследстве, но теперь это не имело значения. Важно было просто хорошо выглядеть, не выказывать страх, не отводить взгляда, не краснеть. Ленгана, эта сука, впустила в *афраагру* змею, погибли четыре человека: двое в роду х'Леннс и двое в роду д'Кллеан. И все лишь затем, чтобы достать ее, Деану, словно произошедшее почти год назад, кровь на тренировочной площадке и потеря двух сыновей, не остудило жажды мести.

Деана улыбнулась своему отражению в зеркальце. Жажду мести не гасят кровью того, кто жаждет мести, это все равно, что гасить пожар маслом. Она сменила улыбку на более холодную и вежливую, такую, что говорила бы: я жертва, меня обидели, но я не ношу на сердце раны. Вегрела, первая матрона рода, именно затем и дала ей зеркальце. «Тренируйся, Деана, – сказала она, – тренируйся, ты не можешь быть забитой птахой, которая уступает дорогу всякому, да, я знаю, знаю, у тебя есть твои *тальхеры*, и я тоже тобой горжусь, но не все битвы выигрываются сталью. Некоторые нужно вести, не вынимая клинка из ножен, а твое лицо твердит: „Ударь меня, я виновата“. Тренируй улыбки, взгляды, гримасы. Тренируй, как тренируешься биться саблями».

Потому она и тренировалась целый месяц, пока оба рода были отделены *сох аварей*. Этот древний закон применялся редко, но на сей раз старейшины решились применить его, чтобы горячие головы могли остыть, а гнев – угаснуть. *Сох аварей* – дни ленты. Месяц делился пополам, и в первый день на рассвете собирали в доме членов рода х'Леннс, после чего – запечатывали двери. Делали это белой шелковой лентой в знак того, что для закона в *афраагре* достаточно не силы, а уважения к обычаям, что, впрочем, не означало, будто отдельные воины не следили пристально, чтобы никто не пытался отнестись к приговору легкомысленно. На второй день, на рассвете, снимали печать с дома Ленганы и накладывали ее на двери дома рода д'Кллеан. День третий приносил очередное изменение – и так далее...

Месяц оба рода жили рядом друг с другом, разделенные шелковой лентой вернее, чем тысячью миль. Древняя легенда гласила, что некогда, столетия назад, в одной из *афраагр* два рода провели так двадцать шесть лет, пока не вымерло поколение, помнившее, что именно стало причиной конфликта. Их старейшины дали им месяц, который Деана использовала, чтобы тренироваться в улыбках.

Она поправила волосы, растерла несколько капель ароматной смолы в пальцах и дотронулась до висков и мочек ушей. Улыбнулась. Искренне.

– Кровь разбудила в тебе новую женщину, – сказала ей несколько дней назад одна из кузин. – Танец *тальхеров* перестал быть только развлечением, тренировкой – ты отослала чью-

то душу к душе племени, и тебя это не сломило. Вчера матрона Ганера н'Веерхис спрашивала, не проведешь ли ты их после суда. Девушка, убившая змею в поединке, станет украшением любого дома.

Да. Первая кровь. Деана кивнула. Их племя вот уже много лет не принимало участия в настоящей войне, *афраагре* очень давно не приходилось отражать нападений, меекханская атака была направлена на племена, обитавшие куда западней, а потому из всех женщин ее поселения только та глупая, паршивая сука, та...

Она прикрыла глаза. Такие мысли о ком-то, кто разделяет с тобою тень одних скал и черпает воду из одних источников, – грех.

Кендет'х. Овейреф – тринадцатая молитва о понимании.

Владычица на Небе. Я, Деана д'Кклеан, лишь месяц назад впервые пролила настоящую кровь.

Настоящую кровь не в тренировочном поединке, но в схватке на жизнь и смерть.

На жизнь и смерть, потому что я видела безумие и голод в глазах моей противницы.

Противницы, которая пришла в афраагру по просьбе ошавевшей от боли и ненависти женщины.

Женщины, которая ненавистью уничтожает собственный род, пусть и не замечает этого.

Не замечает этого, а значит, она слепа, а слепцам должно сочувствовать и протягивать руку.

Руку дружбы, руку, дающую хлеб и вино, освобождение от боли.

Боли, которой она заражает прочих.

Владычица на Небе.

Если я вызову Ленгану х'Леннс на поединок – освобожу ли ее от боли?

Кендет'х не всегда несет ответы. Порой это лишь путь, ведущий к вопросам.

Сейчас вопрос звучал так: «Действительно ли я этого хочу?» «Желание ли это моей души, – думала она, – или лишь жажда мести?» Ленгана х'Леннс привела свою кузину в *афраагру*, не открывая настоящей цели ее визита. Пригласила змею меж не ведающих о том людей лишь затем, чтобы убить ее, Деану д'Кклеан. Конечно, никто в поселении не ставил под сомнение право матроны на месть – кем были бы иссарам, если бы не признавали таких вещей частью своего наследия. Даже способ, который выбрала Ленгана, пусть многим он мог не нравиться – ведь впустить в *афраагру* безумную убийцу подвергало опасности всех, – как-то соотносился с Законом Харуды. Омалана, как кузина Ленганы, тоже могла хотеть отомстить за пролитую кровь, но ситуация была необычной. Первая женщина в роду х'Леннс мстила за смерть двух сыновей, которые погибли от руки... кого?

Деана уже много месяцев не думала о брате, Йатех исчез, совершенно улетучился из жизни племени, словно бы никогда и не родился. Она оплакивала его три дня, пока кровь на тренировочной площадке ржавела, а из дома рода х'Леннс доносился траурный вой. После того, что сделал ее младший брат, она не имела права на публичный траур, не могла переживать потерю, посыпая голову пеплом и разрывая одежды. Три дня и три ночи она не выходила из спальни, не ела и не пила, плакала в подушку, после чего омыла лицо, оделась и пошла помогать по кухне.

Из тех дней она помнила лишь боль и ярость. Йатех избрал свою дорогу, вступил на нее, и время сомкнулось вокруг него в петле, убирая все его дни из истории народа иссарам. Ей следовало бы переносить это легче, ведь он несколько лет перед тем пребывал вне *афраагры* и вернулся лишь на короткое время. Но легче не стало. Если бы она не тосковала так, если бы не радовалась столь сильно его возвращению. А он оставил ее одну, словно травинку на пустынном ветру. Три дня слез – и без того слишком много.

Все в роду вели себя так, словно ничего не случилось, за что она была им благодарна, поскольку не вынесла бы сочувствующих жестов, понимающих взглядов, всего того, что сопровождает ненужное сочувствие. Она бы искалечила всякого, кто осмелился бы ее утешать. Даже визит, который нанес им через три месяца тот меекханец, раздавленный, изборожденный морщинами мужчина с душой, словно кусок обугленного дерева, ведомый лишь жаждой расплаты, не слишком ее потряс. Они проговорили тогда несколько часов, она даже показала купцу вырезанную в камне историю племени, чтобы он понял, кто они такие.

Он был не первым, пытавшимся их понять. В *афраагре* появлялось вдоволь таких: купцов, торговцев, миссионеров, воспевающих силу того или иного божества – да даже жрецов и монахов самой Великой Матери, которые – вот же ирония – приходили обращать ее народ. Словно малый ребенок пытается научить отца владеть мечом. Мало кто из них это понимал. Уходили на север, за горы, или на юг, за пустыню, погруженные в кокон собственных предрасудков, представлений и ощущения превосходства столь же сильно, как и в тот момент, когда они встретили иссарам. Но он, Аэрин-кер-Ноэль, пожалуй, понял, как сильно они разнятся, похоже, раскрыл глаза и взглянул на них не из-за меекханской имперской вуали, которую с детства носил на лице. В любом случае он не вернулся в *арфаагру* во главе банды наемников, которых купил.

Порой она об этом жалела.

Больше она о нем не слышала, но не слишком-то и прислушивалась. Отчего бы ей интересоваться судьбою какого-то купца?

Она стряхнула те воспоминания. Сегодня – это сегодня, а ее ждет другое сражение.

Закончила одеваться и вышла наружу.

Перед родовым домом она встретила тетку Вегрелу. Старшая женщина смерила ее взглядом с ног до головы, улыбнулась с пониманием и указала на группку молодых мужчин, занятых демонстративным несмотрением в их сторону.

– Из таких взглядов плетутся свадебные пояса, – пробормотала она. – Вскоре будешь их перебирать.

Деана ответила улыбкой, но пожала плечами:

– Сперва суд.

– Верно.

Миновал месяц, печати с обоих домов сняли, а их представителей призвали пред лицо старейшин поселения.

Деана чувствовала себя уверенно, поскольку дело было простым. Она, Деана д'Кллеан, имела лишь одного брата, Вернеана, который погиб в схватке с кочевниками, а сыновья Ленганы х'Леннс поубивали друг друга во время тренировочного поединка. Такое случается – редко, но случается. Все сочувствуют роду х'Леннс в этой ужасной потере, но жизнь не заканчивается, а племя должно продолжать существование.

А значит, вина лежала на Ленгане, поскольку каковы же были основания для того, чтобы она привела в *афраагру* Омалану? Женщину, которая хотя и пользовалась оружием на уровне мастера, которая открывалась *кхаан'су* и умела дать повести себя этому танцу, но не способна была принять все дары, какие нес транс. Это он владел ею, а не она – им. Она не умела контролировать гнев, ярость сражения, жажду крови – она сражалась, пока не убивала противника. Ей были чужды сочувствие и уважение к жизни, вытекающие из истинного понимания, что такое *кхаан'с*. Она вела себя словно змея, кусающая непроизвольно, совершенно равнодушная к смерти, которую приносит.

Деана должна была догадаться о том сразу же, едва увидав, как Омалана убивает Кенсию. На лице старшей женщины не дрогнул ни единый мускул, она просто отряхнула клинок, вытерла кровь об одежды убитой, спрятала саблю в ножны, отвернулась и, словно ничего не произошло, продолжила прерванный разговор с одной из родственниц мужа Ленганы.

Это Кенсия вызвала Омалану, глупо и безрассудно, это Кенсия первой вытащила оружие. Но никто не рассчитывал, что схватка так закончится. Старшая мастер должна была разоружить молодую, а если бы хотела преподать ей урок – то отметить кожу шрамом, может даже, чтобы урок этот накрепко запомнился, и на лице. Но нет, Омалана парировала несколько атак девушки, после чего лениво, сходя с линии прямого укола, рубанула ту в висок.

После чего вернулась к прерванному разговору.

Настоящая змея, которая убивает и ползет дальше.

Через день после смерти Кенсии ее брат пошел на тренировочную площадку, вызывая к справедливости. Сопровождали его трое кузенов. И снова случилась ссора, обмен словесными уколами и выпадами, после каких обычно оказывается, что слов – мало, а мечи выскакивают из ножен будто сами по себе. Родственники Ленганы чувствовали себя уверенно, в конце концов, за ними была Омалана, но они недооценили гнев молодого Аэвера. Когда клинки пошли в дело, погиб Майих из рода х'Леннс, а потом и его кузен Конле, но в миг, когда остальные уже были готовы сбежать, появилась Омалана.

Деана не видела начала этой схватки, тренировалась с остальными на площадке, когда над *афраагрой* раздался стон поющей стали и боевые крики. Она замерла на полушаге. Удивительно, как сильно отличается звон учебного боя от того, что ведется насмерть, насколько иначе звучит дикий крик, когда его тренируют, чем тот, что вырывается из глотки в ярости сражения.

Она влетела на поле брани в миг, когда Омалана рубила одного из ее родственников, Нее-нейра, через спину, а второму оставляла на лице скверную рану. Аэвер отбивал ее атаки со все бóльшим отчаянием, отступал, а его *ифир* после каждого блока клонился все сильнее, второй меч уже лежал на земле, а женщина-змея, похоже, развлекалась с ним, не заканчивала схватку, несмотря на то что Деана за несколько ударов сердца увидела как минимум пару моментов, когда парень открылся.

Она ворвалась между сражающимися, *тальхеры* заплясали приветственный танец, сталкиваясь с саблей Омаланы – в ритме быстром, словно стук сердца пустынного тушканчика. Она оттолкнула бедром Аэвера – гордость молодого воина должна была от такого немало пострадать – и встала между ним и змеей. В конце концов, для того и существуют старшие кузины, для того она и училась танцу сабель и носила белые ножны.

Но она еще никогда никого не убивала.

А ее противница – убивала.

После ей рассказывали о той схватке, прибрав тела, когда старейшины приказали обоим родам уйти в дома. Якобы обе они вошли в *кхаан'с* за долю мгновения, а воздух вокруг них вылетел от звона стали. Деане повезло, что она как раз тренировалась и была разогрета – если бы не это, Омалана выпустила бы ей кишки на втором или третьем ударе. Они сражались, окруженные заслоном мелькающей стали, а все, что попыталось бы тот заслон переступить, разнесли бы на кусочки.

Она не слишком хорошо помнила саму схватку, не сумела бы восстановить каждый удар и укол, каждый блок и каждое уклонение. Это был транс другой, отличный от привычного тренировочного, как прыжок с обрыва отличается от слежения за летящей птицей. Дикий, яростный, он пульсировал в крови музыкой и был сладок при каждом вздохе. Ей хотелось смеяться и танцевать, но ведь именно это она и делала. Танцевала со смертью, а *тальхеры* перестали быть саблями, а стали частью ее воли, тела, сознания.

На минуту, на несколько мгновений, она даже полюбила Омалану, полюбила искренней, сестринской любовью, как любят того, кто пожертвовал тебе прекрасный дар. И понимала, как никогда ранее, ее боль, невозможность получить белизну на ножны, рождающие ярость и презрение к остальным, чувство утраты, желание доказать всем, что она хороша... нет, что она лучше всех остальных. А еще – пустоту, растущую с каждой вырванной из тел душою.

Деана знала, что, хотя их боевые умения сходны, между ними немалая разница. Омалана не сумеет сделать того, что сможет она, Деана. Омалана не смотрит в противника, в его сердце, не понимает его, не обладает сочувствием к нему и не видит в нем собственного отражения.

И потому она проигрывает.

Деана помнила самый конец схватки, когда она отыскивала ритм, скрытый за кажущимся хаосом и непредвиденностью атак противницы, поняла, когда именно та выйдет из *кхаан'с*, поскольку разочарование, вызванное невозможностью добраться до Деаны, вытолкнет ее из транса. И тогда Деана ее убила – не могла сделать ничего больше, та не приняла бы поражения, раны или разоружение превратили бы ее в богиню мести, что станет убивать ударом в спину или подсыпать яд в воду. Кроме того, Деана все еще ее любила и продолжала сочувствовать, потому именно из-за сочувствия – а почему бы еще? – она разрубила противнице сонную артерию, отбила два последних удара и смотрела, как Омалана умирает.

Кхаан'с нес в себе много даров.

После схватки, когда она, все еще возбужденная, стояла над телом Омаланы, Деана встретила взгляд своего мастера. Дреан х'Кеаз выполнил жест наливания воды. «Понимаешь? – спрашивали его глаза. – Теперь ты понимаешь?»

Он показывал ей этот жест сотни раз во время тренировок, объясняя, что полный боевой транс – он как наливание воды в новый сосуд. Влить себя в противника, почувствовать его, понять, войти в шкуру врага.

И тогда она поняла.

Ты не побеждаешь чужака, ты всегда сражаешься с самим собою.

Погруженная в такие мысли и воспоминания, пришла она к пещере, где выносились приговоры. Ей было это нужно, чтобы не начать трястись, поскольку казалось, словно все тренировки перед зеркальцем пропали во Мраке и оказались совершенно зряшными.

– Ты готова? – Тетка еще раз смерила ее взглядом с ног до головы.

– Более готовой не стану.

– Ну тогда входим.

Их поглотила трещина в скале.

* * *

Пещеру освещали десятки ламп. Старейшины *афраагры* – шестеро мужчин и шесть женщин, среди которых было двое Знающих, – сидели под стеной. Тысячелетия горящих масляных ламп покрыли камень патиной сажи и жирными осадками. Не важно – казалось, сообщала эта грязь. Это не святое место культа, а просто собрание, на котором выносят приговоры.

Ленгана х'Леннс была уже на месте. Сопровождали ее муж, сын и горстка родственников. Род д'Кллеан представляли Вергела, мать Неенейра, родители Кенсии и Деана. Старейшины не любили больших собраний во время решения сложного и нетипичного дела.

С одной стороны, ситуация казалась прозрачной, с другой – весьма непростой. Вина Ленганы состояла в том, что она пригласила в *афраагру* свою кузину, несмотря на то что та была змеей. Смерть Кенсии свидетельствовала об этом очень четко, девушке едва исполнилось четырнадцать, а только змея убьет такую молодую и поползет дальше. Но это была вина, которую непросто доказать, ведь невозможно распознать змею, прежде чем та укусит. Предположение, что Ленгана пригласила Омалану в *афраагру*, чтобы та отомстила Деане, нужно было произнести вслух – за что матрона собиралась мстить.

И тут крылась ловушка пустынного паука.

Формальной причины для мести не существовало.

Такого не случалось уже столетия. Все, даже Деана, понимали боль Ленганы х'Леннс и ее право успокаивать такую боль кровью. Но... кто убил ее сыновей, если Йатех никогда не родился?

Деана ждала спокойно. Она была Песенницей Памяти в роду, знала почти все законы иссарам и историю родовых споров, тянущихся к временам самого Харуды, а потому понимала, что в этом деле Ленгана не обладала такой уж сильной позицией, как могло показаться. Она была в *афраагре* наполовину чужой, вышла замуж за мужчину рода х'Леннс всего несколько лет назад, и, хотя привезла немалое приданое и трех взрослых сынов, именно из-за ее истерической мании племя утратило уже семерых членов. Это не настроит старейшин к ней слишком хорошо.

Деана знала, что совет может наказать Ленгану многомесячным, а то и многолетним запретом покидать дом или заставить ее совершить паломничество к Кан'нолету, месту, где Харуда огласил Законы, и медитировать там год, а то и вовсе изгнать назад в родное племя. Это последнее было бы лучше всего, поскольку все знали, что матрона не перестанет думать о мести за сыновей. Старейшины также могли под любым предлогом назначить им поединок. Молодая мастер боевого транса и женщина, которая могла бы стать ей матерью. Еще одно пятно крови на камне и, возможно, спокойствие – наконец-то! – в *афраагре*.

А потом огласили решение, и мир Деаны сперва замер, а потом распался на куски.

* * *

– Стоило оно того?

Короткий вопрос, всего-то три слова, произнесенные шепотом, но содержалось в них все. Вся история оговоров, лжи, мании, ненависти, едва сдерживаемого презрения, крови и мести – будто багряный водоворот, пожирающий все новые жертвы.

Старшая женщина не ответила, лишь спокойно взглянула на Деану. Впервые они стояли настолько близко, что вытяни она ладонь, могла бы дотронуться до матроны, но, естественно, такого не случилось бы. В темных глазах Ленганы х'Леннс кроме спокойствия виделся и мрачный вызов. «Ну, попытайся, – говорил тот взгляд, – ну, протяни руку».

– Ты не поймешь... – проговорила Ленгана тихо. – Не поймешь, пока сама не переживешь такую потерю. Потом – нет уже ничего, только воспоминания, словно воткнувшиеся в тело стрелы. Ты... твой брат...

Обе они знали, о каком брате идет речь.

– Твои сыновья.

– У меня есть еще один.

Деана оттолкнулась от этого ответа, понимая, что не поймет никогда. Женщина эта не жалела о смерти двух сыновей, она пожертвовала бы и третьим, только бы ее достать. И все же – пришла попрощаться.

– Теперь ты познаешь покой? – спросила Деана.

– Возможно.

– Возможно?

– Возможно, я сумею позабыть, что где-то там, далеко, живешь ты. – Шепот Ленганы был едва слышен, слова падали, отделенные отчетливыми паузами. – Я не стану искать вестей о тебе, не стану искать... тебя. Когда ты исчезнешь – я забуду. Возможно. Пришла же я, чтобы быть уверенной, что ты уйдешь. Кан'нолет далеко, путь к нему неблизок. И я знаю, что ты не желаешь возвращаться.

Деана без улыбки кивнула. Это было правдой. Если бы она вернулась, ей пришлось бы покориться приговору старейшин. Она же скорее умрет.

– Я предпочла бы, чтоб ты никогда не появлялась в *афраагре*.

Матрона кивнула в ответ:

– Я тоже. Но такова была воля Владычицы. Я встретила мужчину, вышла за него, а в конце – даже его полюбила. – Она подвигала губами, словно что-то пережевывая. – Но их бы я не полюбила. Не смогла бы. Убила бы их, а потом убили бы меня. Так – лучше.

Гнев загорелся в венах Деаны, она едва удержалась, чтобы не потянуться к оружию. Лучше? Для кого?

– Ты неправа, – прошипела она. – Я бы тебя убила, прежде чем ты бы к ним приблизилась.

Она поправила пояс, забросила на плечо узелок с провиантом и вышла в притвор *афра-агры*. Караван, к которому она хотела присоединиться, не станет ждать вечно.

Глава 2

Ничто не звучит так, как море, играющее костями.

Альтсин шел босиком по каменистому пляжу, бредя по щиколотки в воде. Кожаные сандалии он связал и перебросил через плечо. Бурая сутана успела уже потемнеть внизу от влаги, но это ему нисколько не мешало. Для ранней весны стояла теплая, очень теплая погода, но даже в середине лета купание в этих местах было бы... даже не жутким. Просто-напросто невозможным.

Он обошел по дуге несколько черепов. Из глубины одного, наверняка расколотого ударом топора, большой краб-отшельник глянул на него выпученным глазом и погрозил клешнями. В нескольких шагах от этих мест начинался Белый пляж.

Альтсин остановился и поднял взгляд.

Мечты. О добыче, новых покоренных землях, больших поселениях и каменных замках, выстроенных по образу имперских крепостей, откуда захватчики станут править покоренными странами. Мечты вторых, третьих и четвертых сыновей, для которых не хватало земли на суровой морозной родине в Лохаррах и на островах Авийского моря.

И эти мечты привели тех глупцов сюда, чтобы волны играли их костями, а крабы селились в черепах.

Весь пляж – длиной в полмили, а шириной в несколько десятков шагов – был завален костями. Лучевые кости, словно побелевшие от времени куски дерева, фрагменты хребтов, словно брошенные бусы великанов-людоедов, клетки ребер и чаши черепов. И все это окружено кашей косточек куда мельче, оторванных от ладоней фаланг пальцев, раздробленных фрагментов стоп, зубов. Кто-нибудь мог бы даже подумать, будто сеехийцы специально расчленили тела пришельцев, но в Камане говорили другое: это морские падальщики растащили останки, дочиста их обглодав. Якобы в первые дни после битвы, когда пляж покрывал прилив, вода кипела от пирующих рыб и крабов, а воздух наполнял безумный клекот птиц.

Рассказы.

В этом-то все и дело. Каждый корабль, покидающий остров, уносил в мир историю о Белом пляже, а северные пираты больше не осмеливались нападать на Амонерию.

Сеехийцы прекрасно выбрали место. Дикий пляж с отвесным клифом¹ над ним и морское течение, которое выбрасывает сюда все, что приносит вода, гарантировали, что напоминания о неудачном вторжении останутся на месте. Городская беднота приходила сюда собирать древесину, куски сетей, а если Эйфра была милостива, то и сундук или тюк, смытый с борта не слишком-то удачливого корабля, но кости не трогал никто. Островитяне в некоторых делах установили четкие запреты, и среди них числился запрет убирать кости с пляжа. Те должны были там остаться и вечно «танцевать с волнами, петь морю свою песнь». Если кто-нибудь зарился на кости с Белого пляжа, то его собственные должны были восполнить утрату: в городе донныне рассказывали о глупце, который забрал отсюда дюжину зубов, чтобы их продать в Камане, но и месяца не прошло, как сеехийские воины его поймали, вырвали двенадцать зубов и разбросали те по пляжу.

И можно сказать, что несчастному еще повезло, поскольку ему не пришло в голову взять отсюда какой-нибудь череп.

Море тихо шумело, играя с жутким даром, а вор дошел до середины Белого пляжа, где кучи ребер, голеней и позвонков в некоторых местах достигали ярда высотой. Что бы ни забирал прилив, морские течения, непрестанные шторма да гонимые северными ветрами волны

¹ *Клиф* (англ. cliff – обрыв) – отвесный абразионный обрыв, образовавшийся в результате разрушения высокого коренного берега под действием прибоя. *Прим. ред.*

возвращали, и так оно должно было оставаться, пока кости не окажутся перемолоты в белый песок. И лишь тогда стихнет костяная трещотка Близнецов Моря.

Братья Бесконечного Милосердия приходили сюда регулярно, чтобы медитировать над хрупкостью человеческого существования и молиться Сияющей Госпоже о милости к душам захватчиков. Сеехийцам это не мешало, они не были мелочными и мстительными, по крайней мере не в отношении мертвых.

Альтсин миновал первую гору черепов, ту, что размером с шалаш. Это как раз было делом рук людей. Старая рыбацья сеть, прикрепленная кольшками к земле, удерживала все это на одном месте, благодаря чему Ненелог из Малавериса имел постоянный доступ к строительному материалу, и ему не приходилось постоянно бегать по пляжу, вырывая у моря его игрушки. Говорили, что десять лет назад таких гор было пятьдесят. Нынче их осталось всего несколько. Как легко просчитать, через два-три года Привратник должен оказаться законченным.

Альтсин зашагал в сторону вырезанного на клифе рельефа.

Скальная стенка там была в восемьдесят ярдов высотой, а темную ее плоскость украшало дело рук человеческих. Ненелог работал десять лет подряд, всегда в одиночестве, всегда – повиснув на веревках над пропастью. И говорили, что за эти годы веревка оборвалась лишь единожды, когда творец Привратника висел всего-то в тридцати футах над землей – и с того времени авериец хромал, что не мешало ему в работе, поскольку, как он говорил, для скульптора руки важнее ног.

Сегодня Ненелог, как всегда, висел, трудился рубилом и втискивал черепа в расщелины, укрепляя их собственноручно изготовленным раствором. Привратник Дома Сна в виде бесконечно печального старика с аскетическими чертами лица имел уже сорок ярдов высоты и был виден на многие мили от берега. Некоторые корабли меняли курс, чтобы экипажи могли на него посмотреть: белая фигура на белой стене напоминала всем о конце дороги, что ждет всякого человека. Альтсин тоже имел возможность присмотреться к барельефу со стороны моря и соглашался, что тот – монументален. Не хватало у него лишь стоп да правой руки, в которой, согласно традиции, должен находиться ключ.

Моряки, обычно удивительно суеверные, если речь шла о вещах, связанных со смертью, для Привратников делали исключение, представляя тех в виде стариков или мудрецов с ключами или с замком в руке. Привратники могли провести потерянную на море душу в Дом Сна, спасти от вечного блуждания по бескрайнему океану, принести покой. Сеехийцы тоже не выражали против трудов Ненелога. Будь иначе, тело скульптора нашли бы со сломанными руками и ногами на следующий день после того, как первый череп оказался размещен на скальной стене. Клиф представлял собой часть пляжа, а значит, останки не покидали предназначенного им места. Точка.

Негодники и правда не были мелочны.

Низкая темная фигура висела на скале, упорно работая молотком и долотом. Ненелог закончил вырубать предплечье, через несколько дней примется заполнять щель черепами. Даже если он и заметил Альтсина, маленькую фигурку в бурой сутане в ста футах ниже, то не дал этого знать. Между скульптором и орденом существовал негласный договор: Ненелог делал вид, что не замечает монахов, они не вспоминали о его работе.

Привратники Дома Сна не были частью официальной религии Империи, относясь, скорее, к фольклору, народным или варварским суевериям. На континенте любой храм с легкостью запретил бы подобное творение, не говоря уже о проблемах с материалом, но тут правила сеехийцы. Если орден хотел вести миссионерскую деятельность среди окрестных племен, то не должен был совершать ничего, что местные посчитали бы оскорблением. А потому Братья Бесконечного Милосердия делали вид, что не обращают внимания на гигантский барельеф, а безумный авериец вел себя так, словно не замечал монахов на пляже.

Ну и был еще, естественно, вопрос доброй воли Совета Камана, который сообразил, как много кораблей меняет курс, чтобы поклониться Привратнику, а часть из них потом сворачивают в порт. В последние годы жилье и содержание Ненелогу предоставляли за счет города.

Политика и деньги. Сила и смазка, лежащие в основе вращения мира.

Альтсин остановился и осмотрел барельеф полностью. Печальная фигура, увиденная под углом, искажавшим пропорции, производила еще более угнетающее впечатление. Словно Привратник мог расплакаться в любой момент. Вор глянул на скульптора, и ему захотелось навесить того в городе и расспросить, что он станет делать, когда завершит свое творение. Чем займется человек, немалый кусок своей жизни посвятивший созданию произведения, увидеть которое смогут немногие, – и слишком старый, чтобы пытаться превзойти собственное мастерство еще одним шедевром? Какая цель останется впереди? Проведет ли он остаток своих дней, присматривая за Привратником? Подновляя вырванные зимними ветрами и осенними штормами черепа? Пока однажды веревка под ним не оборвется, а до земли не окажется побольше тридцати футов? И тогда уже его собственные кости присоединятся к останкам несбордийцев, и, может, кто-то однажды возмет и его череп и разместит в каменной расщелине – чтобы тот смотрел на океан.

Вор встряхнулся. Задрожал.

Это начиналось снова. Наверное, начиналось, поскольку – чтоб ему было пусто – он не мог быть уверен до конца. Но, похоже, да. Мысль, которая разворачивается соцветием непривычных ассоциаций, наливается соцветием чужих вопросов и сомнений и мгновенно выбивает его из равновесия.

Неужели это снова ты, сукин ты сын? Снова ты?

Нет ответа.

Он научился такому в последние месяцы. Реагвир. Владыка Битв, Властелин Меча, Победитель Тьмы... Или, скорее, безжалостная, чокнутая скотина, утопившая в крови половину мира, пока остальные Бессмертные с отвращением не отвернулись от него, а собственные дети – не взбунтовались, попытавшись его убить. И именно ему, Альтсину Авендеху, словно во всем проклятушем Понкее-Лаа не было других людей, довелось ранить ладонь о клинок меча, ТОГО меча – и втереть кровь в рукоять, чтобы очнуться с головой, полной кошмаров, нежелательных воспоминаний, ужасающих видений. Он все еще помнил, как отдался на суд реки, которая выплюнула его из своих глубин; до сих пор не понимал, зачем она это сделала. Из милосердия? Из отвращения? Или из страха?

Кошмары наяву уже не навещали его, не было также пробуждений в черном, словно морские воды, сне без мечтаний – как и коротких, мгновенных помутнений памяти. После случившегося в городе, после резни на крышах и окровавленном моле все исчезло.

Начался следующий этап, куда более опасный.

Появились мысли, эмоции, рефлексy, о которых Альтсин никогда ранее не подозревал. Как, например, миг назад – что ему за дело до судьбы человека, которого он не знал, с которым не обменялся ни словом – да что там, даже и взглядом? Если этот глупец хотел посвятить жизнь каким-то там суевериям, чтобы закончить жизнь кормом для крабов, – то это его дело. Альтсин Авенедех, вор из Понкее-Лаа, никогда бы ни о чем таком не задумался, поскольку жизненный девиз его звучал: позволь людям делать любую глупость, какую они захотят, – тогда они меньше присматривают за своими кошельками.

А теперь – на тебе: внезапное желание философской дискуссии с ополоумевшим скульптором.

И это было еще не все.

Его одолевали короткие, возникающие из ниоткуда вспышки злости, неожиданные решения, желания, волны отвращения, накатывавшие так внезапно. Как сегодня. Сперва утром, во время завтрака, он едва не выверился на приора, благодаря милости которого нынче гостил

в монастыре; потом на него накатило желание провести часовенку Лааль; после – появилась убежденность, что на примонастырском кладбище происходит нечто страшное, а еще через миг его охватила бездонная, словно Оверийская расщелина, немочь. Ему захотелось вернуться в келью, лечь и уснуть.

Он лишь низко поклонился почтенному Энроху, приору сообщества Братьев Бесконечного Милосердия в Камане, и, отговорившись болью в животе, вышел из общей столовой. Часовню Лааль обогнул подальше и – чтобы случайно никто не послал его присматривать за могилами – вызвался добровольцем для ухода за козами. После обеда, состоявшего из миски жиденького бульона и кусочка овсяной лепешки – приор не забыл о его проблемах с желудком, – Альтсин вышел из монастыря под предлогом медитации на Белом пляже.

Лучше так, чем лежать на твердых нарах и уплывать в сон, – хотя именно спать ему хотелось больше всего.

Он уклонялся. Так называл это: словно вел мысленный поединок без оружия с тенью. Не парировал удары, избегал непосредственного столкновения, а лишь отступал, менял позицию.

После двух месяцев мучений он перестал реагировать – если говорить о простейших рефлексах. Нужды тела оставались нуждами тела, он не мог отказываться от еды, питья и отдыха лишь потому, что ОН тоже мог чувствовать голод или усталость, а Альтсин не знал, выполняет он свои желания – или его. С тем же успехом он мог перестать дышать.

Совсем другое дело, когда речь шла о сомнениях духа. Разума. Игра в «мое – не мое?». Он, Альтсин Авендех, бывший вор, бывший моряк, бывший странствующий писарь и учитель, никогда бы так не думал, не чувствовал, не ощущал. Видя двух подростков, лупящих друг дружку кулаками, он не сомневался, что тот, который поменьше, с разбитой бровью, выплевывающий собственный зуб, выиграет, потому что... потому что его дух несокрушим, а тот, побольше, – по сути трус, прячущий страх за глуповатой ухмылочкой, он уже удивлен и испуган тем, что жертва все еще стоит и не падает. Не знал бы, что тот, выше на голову, расплатится после первого же пропущенного удара, потому что больше всего он боится боли. Не знал бы, что заводной конь, проезжающий по улице, испугается, в корчме вспыхнет драка, а купец на торге – ловко обманывает, взвешивая, поскольку у него два комплекта гирек.

Ну ладно, об этом последнем он бы догадался и так: наблюдал за купцом какое-то время, а фокусы с быстрыми пальцами, подменяющими гирьки, Альтсин знал наизусть.

Мое или не мое? Мысли, знания, чувства.

И эмоции.

Внезапные приступы гнева, раздражения, пустого веселья, необъяснимой печали. Чувства как удары шпорами или рывки узды, которыми невидимый всадник пытается направить его в нужную сторону. Как проклятущего коня. К тому же были они коварны, ведь как – во имя вечно мокрого зада Аэлурди – он мог оценить, является ли внезапный прилив раздражения на старого Энроха «даром» божественной души? Ведь спокойный святоша умел быть по-настоящему нервирующим – с той своей добродушной улыбкой и ласковым выражением лица.

Самое важное – это оставаться собой.

В тысячный раз к нему приходила эта мысль, и в тысячный раз Альтсин кисло улыбался. Собой. То есть – кем? Кем-то, кто, словно вода, приспосабливается к сосуду. В городе – вор, за его стенами – матрос, пастух, гребец, дровосек... Был он всем и никем. Это должно измениться, решил он в тысячный раз. Когда он уже разберется с проблемой с богом, сидящим в его голове, то вернется в город, в единственный город, который он любил по-настоящему, в Понкее-Лаа, и тогда он поможет Цетрону навести там порядок. Лига Шапки должна оставаться наиболее сильной, умелой, безжалостной – если желала противостоять коварству Совета и разных фанатиков вроде графа Терлеаха. Хватит убегать, пора сделать ход.

Улыбка на его лице стала шире, а потом исчезла. Альтсин повторял это себе несколько месяцев – и несколько месяцев оставался на месте. Заякорился в монастыре, поскольку мона-

стырь – единственное место, где он чувствовал себя в безопасности. Предыдущий, в котором он провел какое-то время, укрываясь от кошмаров, принадлежал Братьям Попечителям Убогих, а поскольку и мужские, и женские монастыри Баэльта'Матран сотрудничали друг с другом по всему континенту, то у Альтсина не было проблем со вступлением в каманское сообщество. Кроме того, он предложил щедрый дар, а, согласно традиции, люди, ищущие спокойствия и бегства от мира, находили первое и второе под опекой Великой Матери.

И вроде бы все оставалось хорошо, он не позволял Реагвиру поглотить себя, поскольку Объятие было именно этим; душа бога не могла сделать такого без его согласия, а прежде Серый океан превратится в мочу, чем сукин сын его получит. Но провести остаток жизни за кормлением стад коз, прополкой монастырского сада, молитвами, медитациями и уклонениями, беспрестанными уклонениями...

Всякий раз, когда Альтсин представлял себе такое будущее, он чувствовал, словно под ногами его разверзается бездна.

Нет. Завтра он встретится с человеком, который вроде бы знал, где находится та племенная ведьма. Аонэль. Он принял на себя тяжесть, которую должна была нести она, дал ее матери яд и отослал ее ласковой смертью – Мягким Сном, как говаривали наемные убийцы, – к предкам. Дух той женщины не взывал к его совести, Альтсин сделал то, что необходимо, и теперь Аонэль была должна ему.

Аонэль... Вот ведь проклятие. Приплыв на остров, он знал только ее имя. С тем же успехом он мог бы искать какого-нибудь Аэриха в Понкее-Лаа. Говорили, что среди сеехийцев это одно из наиболее распространенных имен. Он должен был найти племенную ведьму по имени Аонэль, которая несколько лет назад отправилась на континент в поисках исчезнувшей матери. Что могло быть проще. Яйца Гангра! Он даже не знал, удалось ли ей вернуться на родину.

Потому завтрашняя встреча была такой важной.

Альтсин направился в сторону города, стараясь идти по песку, заливаемому волнами. Костей здесь было меньше, хотя берцовые и ребра все так же издевательски стучали, а черепа злобно тарасились на него пустыми глазницами, словно желая сказать: «У нас тоже были планы и мечты, связанные с этим островом; и посмотри, что от нас осталось».

Он мрачно ощерился.

Нет. Он не застрянет здесь до конца жизни. Ни, тем более, после.

Интерлюдия

Сад, как и дворец, тонул в свете.

Разноцветные лампионы, развешанные на дверях и кустах, пронзали сплетения ветвей мягким светом, тьму разгоняли и медные лампы, высокие, в десять футов, а слуги в темных одеждах, с элегантно напомаженными и увязанными в аккуратные косы волосами, вооруженные дюжиной свечей и галлонами пахучего масла, неслышно кружили, следя, чтобы ни один источник света не погас. Их присутствие было заметно меньше, чем легчайшее дыхание ветерка, время от времени налетающее со стороны моря.

Но, несмотря на старания слуг, теней хватало, некоторые углы огромного здания казались истинным логовом тьмы, свет ламп и лампионов застывал в тревоге на краю особенно густых кустов, которые среди ночи утрачивали свой прирученный, цивилизованный вид. Будто бы года тщательного ухода хорошо оплаченных садовников в один миг сходили на нет.

Йатех тряхнул головой и почесался под *экхааром*. Слишком долго он находился с этой девушкой, слишком часто вслушивался в ее странные, отдающие безумием монологи, и теперь у него и самого появлялись похожие мысли и ассоциации. Лицо его чесалось, несколько месяцев без повязки привели к тому, что кожа отвыкла от грубой ласки материала, а новые *ифиры* наваливались на плечи.

Она не позволила ему взять те, с клинками из черного стекла, аргументируя тем, что они слишком характерны и всякий, кто их увидит, – уже не забудет. Вместо них купили другие, светлой стали, наверняка изготовленные кем-то из меекханских ремесленников, поскольку на мечах не было личной подписи мастера оружия иссарам и они оставались... неловкими. Баланс, похоже, копировал обычные мечи Севера, рукояти были чуть-чуть длинноваты, а кончик клинка слегка широковат. Что ж, как любое хорошее оружие, *ифиры* копировали и подделывали на всем Юге Империи, а ему как раз и попалась подделка не слишком удачная. Но ведь эти мечи должны оставаться тем же, чем был *экхаар* на его лице. Маскарадом.

Йатех сосредоточился на окрестностях.

Сияние ламп сопровождалось разнообразнейшими звуками. Музыка, льющаяся из окон дворца, врывалась в аллеи сада и смешивалась со звоном хрустальных бокалов, шумом разговоров, женским смехом. Едва миновала полночь, большая часть гостей барона покинула душевные комнаты и, пользуясь теплой ночью, принялась себя развлекать.

Сперва Йатех чувствовал что-то похожее на удивление: они пребывали в самом сердце Империи, у Кремневых гор, почти в шестистах милях к северо-востоку от Айрепра, где ему приходилось видеть подобные развлечения сильных мира сего, и, несмотря на некоторое отличие в одеждах слуг и местные вкусы, он не мог заметить ничего нового. Как и в том, как его воспринимали.

Некая пара прошла совсем рядом, женщина, гортанно посмеиваясь, толкнула его круглым бедром, а запах тяжелых, мускусных духов протиснулся сквозь *экхаар*, даря чувственное обещание. Мужчина поддерживал ее за руку, дернул сильнее, чем следовало бы, и послал ему взгляд со скрытым в глубине глаз клинком.

Никаких поединков. Не обращать на себя внимания.

Йатех отвернулся, приметив уголком глаза удовлетворение и удовольствие дворянина и презрение в улыбке женщины. Когда она оперлась о руку своего спутника, хихиканье ее сделалось еще ниже и куда более искушающим.

Они исчезли в тенях.

Не обращать на себя внимания? Тогда зачем Канайонесс приказала ему надеть такой же наряд, какой содрала с него пару месяцев назад? Зачем ему прикрывать лицо и притворяться кем-то, кем он уже не был, в месте, где иссарам попадались настолько редко, что всякий из них

оказывался едва ли не сенсацией? И зачем она прихватила с собой Иавву, которая мало того что не говорила, так к тому же привлекала внимание нетипичной красотой?

Хотя на самом-то деле Йатех обо всем таком не переживал. Требование к Канайонесс вести себя мудро напоминало попытку уговорить песчаную бурю оставить местность, куда она наведалась, без малейших изменений.

Один из слуг выплыл из боковой аллеи и направился прямо к нему:

– Госпожа Генвира приказала, чтобы ты тотчас же явился к ней. Я тебя провожу.

Он молча кивнул и зашагал за слугой.

Генвира-анэ-Лобрес. Новое имя и фамилия его госпожи. Она вбивала это ему в голову дня три, прежде чем они заявили на прием. Благородная госпожа, в родстве с лучшими родами Юга, пусть и происходящая из куда менее важной семьи. Йатех должен реагировать на нее так, словно и правда служил ее отцу многие годы. Только так.

Мужчина провел его сквозь освещенный и наполненный музыкой партер и второй этаж, откуда выплескивались хохотки и пульсация сотен голосов. Они поднялись выше, на следующий этаж, в пространство относительной тишины и теней, лежавших здесь повсюду; стражу тут несли двое мощных верзил в одеждах домашней охраны. Слуга провел Йатека к массивным дверям и приоткрыл их настолько, чтобы воин сумел проскользнуть внутрь.

– Здесь.

Йатех вошел. Внутри было темновато, хотя гроздь небольших масляных лампадок, расставленных тут и там, пытались с тьмой сражаться. В воздухе витал запах затхлости и трав, скорее слабый, чем раздражающий. В первую очередь его внимание привлекло огромное ложе и полулежащий на нем мужчина. Бледный, худой и изможденный. На его коленях была широкая доска, а сам он что-то чертил на покрывающем ее полотнище бумаги.

– Вот. Видишь, госпожа? Вот так мы получаем перспективу. Не води рукой так зажато, потому что никогда не получишь глубины. И пальцы: уверяю тебя, если ты измажешь пальцы, то ничего страшного не произойдет.

Малышку Канну Йатех отыскал в два удара сердца. Та стояла, склонившись, у изголовья кровати, а темное платье ее сливалось со стеной, но было заметно, с каким вниманием она следит за движениями дворянина.

– Ах, вот и он. – Мужчина прервал рисование и взглянул в сторону двери. – Один из непобедимых пустынных мастеров меча. Немногие из твоих побратимов, воин, добираются сюда, под Кремневые горы.

Иссар проигнорировал его, глядя лишь на Канайонесс. Ни знака от нее насчет того, зачем она его сюда позвала.

– Ох, верно. Закон службы. Сперва ты должен убедиться, не покушаюсь ли я на честь твоей госпожи, верно? – Хозяин бледно улыбнулся и протянул в сторону девушки дрожащую ладонь. – Поверь, я бы покусился, если б мог сбросить лет тридцать. Такой цветочек просто просит, чтобы кто-нибудь попытался его сорвать.

Малышка Канна выпрямилась, а потом скромно опустила голову и зарумянилась.

– Эх, прошли столетия с того времени, как я так вот воздействовал на женщин. Но хороший тон – это хороший тон. Твоя госпожа в безопасности под опекой своей спутницы, да и я нынче не опасней младенца.

Обнаружить Иавву было сложнее, чем Малышку Канну. Йатех уже успел к такому привыкнуть. Светловолосая девушка умела застыть в неподвижности, словно каменная фигура, и, пока не начинала двигаться, человек не мог воспринять ее присутствия.

Он перевел взгляд на старика, а тот, почуяв его внимание, мимолетно улыбнулся.

– Открой мне свое имя, воин.

– А госпожа Генвира его не открыла?

– О! Интересный голос. Молодой, моложе, чем можно было бы ожидать по твоим движениям. Но – голос того, кто уже успел многое повидать и пережить. Это правда, что ты уничтожил в поединке группу демонов, которую наслал на семью анэ-Лобрес завистливый чародей? И что ты победил двадцать мастеров меча, одного за другим, сражаясь непрерывно от рассвета до полудня? И что ты в одиночку выследил в горах банду разбойников, которая нападала на ваши селения, а потом принес их головы и бросил к ногам матери твоего племени? Жутковатый подарок, как по мне, но вроде бы у женщин на пограничье несколько иные представления об... эстетике. Так что?

Йатех снова глянул на Канайонесс, которая все так же стояла под стеной, со взглядом, скромно устремленным в пол.

– Ха! – Смех дворянина звучал так, словно кто-то взмахнул старым мечом. – Я шучу. Не обижайся на умирающего мужчину за его развлечения. Мифы о вас, обитателях гор и пустыни, просто превосходны. И чем дальше на север, тем превосходней они становятся, несмотря на резню, которую вы устроили на землях Меекхана. Но девица анэ-Лобрас утверждает, что твое племя не принимало в этом участия. Это правда?

– Да.

– Это хорошо. Хорошо. *Сдержанность – награда для добропорядочных*, – проговорил он вдруг на *к'иссари*, калеча слова и с кошмарным акцентом. – Я верно произнес? Некогда я странствовал по вашим землям как посол Империи в княжествах Дальнего Юга. Научился нескольким фразам на вашем языке. И как?

Канайонесс взглянула на Йатеа.

– Господин барон, – рука ее слегка притронулась к плечу мужчины, – дед нашего хозяина. Его уже не развлекают приемы и танцы, но...

– Но, когда слуги мне сообщили, что у одной из девиц, что нас посетили, с собой иссарский охранник, я решил пригласить ее на беседу, – перебил ее мужчина, а потом деликатно взял руку девушки и запечатлел на ней чувственный поцелуй. – И я должен признать, что терпение, которое эта прекрасная девица выказывает, чтобы развлечь старика, отлично демонстрирует традиционные добродетели, которым учат молодежь на пограничье. Тут, в центральных провинциях... – Он внезапно скривился в кислой улыбке. – Не хватит пергамента, чтобы описать здешний упадок.

Малышка Канна искренне улыбнулась:

– Это слишком вежливо. Я всего лишь спросила, кто нарисовал картину на стене, а когда оказалось, что господин барон создал ее собственноручно, я позволила себе упомянуть, что и сама люблю рисовать, и попросила о нескольких советах, потому что так... так передавать свет и тень я, пожалуй, никогда не сумею. Ну посмотри, посмотри сам.

Подогнанный нетерпеливыми движениями руки, воин оторвался от двери и подошел к стене. Две лампадки освещали картину шириной всего-то фута в три, на ней гордый всадник в блестящем доспехе поднимал на дыбы благородного скакуна, а позади него в светлеющее небо вгрызались темно-серые вершины гор. С пропорциями коня явно было что-то не так, а меч, который держал всадник, обладал абсурдно большим клинком. Но горы выглядели неплохо.

Хозяин тихонько кашлянул.

– Это я на фоне Магархов, виденных со стороны пустыни... пятьдесят лет назад. – Он вздохнул. – Знаю, мода на создание автопортретов миновала, а потому картина эта висит здесь, а не, как некогда, в главной столовой, но она все еще пробуждает у меня приятные воспоминания. У нас за спиной осталось три месяца смертельного путешествия, битв с пустынными бандитами, поиска оазисов, подсчета каждого глотка воды. Но мы дошли. Хотел бы я нынче увидеть кого-то из тех надутых господинчиков... э-эх...

Йатех снова взглянул на картину. Если они шли через Травахен три месяца, то скакун выглядел бы скорее как скелет коня, а на самом деле был бы верблюдом или мулом, а сидящий

на нем благородный юноша напоминал бы останки человека с безумием в глазах, а не гордого завоевателя. Он чуть не фыркнул презрительно. Воспоминания стариков. Они всегда врут.

– ...и потому, едва только я увидела эту картину, попросила господина барона, чтобы он показал мне, как нарисовать такой пейзаж. Вот, взгляни, ну, подойди и взгляни. – Канайонесс снова нетерпеливо взмахнула рукой. – Это Коноверин над озером. Видишь? Видишь стены вверху и в воде?

Город на листе бумаги отражался в воде. Наверное.

– Ох. Если бы я могла взять еще несколько уроков. Мои собственные рисунки такие... несовершенные.

– Ваш отец наверняка нанимал лучших живописцев на Юге.

– Да. – Надутые губки придали лицу Малышки Канны выражение капризного подростка. – Он и нанимал. Но дворянку не может обучать простец, который умеет что-то там малевать кисточкой. Это неестественно.

Мужчина улыбнулся снисходительно и послал Йатеху заговорщицкий взгляд. «Женщины».

– Ну, если вы еще побудете в городе, госпожа Генвира, я буду рад, если смогу принимать вас в качестве гости. А этот набросок мы выкинем. – Его ладонь принялась мять бумагу.

Канайонесс тонко пискнула и вырвала рисунок из его рук.

– Нет-нет! – прижала его к груди, словно сокровище. – Он прекрасен! Я возьму его и прикажу поместить в рамку. Клянусь!

Она чуть отступила, будто опасаясь, что мужчина выскочит из постели и бросится за ней, чтобы отобрать свой рисунок.

Но тот лишь засмеялся и махнул рукой:

– Ладно, ладно. Можете забрать рисунок, но прошу помнить, что это лишь набросок, всего несколько прикосновений свинцовым карандашом, ничего особенного.

Девушка старательно сложила бумагу и сунула ее в широкий рукав платья.

– Мы уже удаляемся. Не станем вас мучить, барон. – Она низко присела в реверансе. – Благодарю, благородный господин, вы очень мне помогли. Больше, чем вам кажется. Керу'вельн, проводи меня в дом.

Они вышли обе. Когда Йатех закрывал за ними дверь, барон вдруг заморгал, словно человек, который пытается вспомнить что-то важное. Да. Несомненно Иавва умела исчезать как с человеческих глаз, так и из памяти.

– Зачем? – спросил он, когда они двинулись коридором.

Малышка Канна не сдержала шаг и не оглянулась за плечо:

– Когда убегаешь, тщательно заматай следы. А кроме того... Ты не поймешь. А я не стану объяснять всякое свое решение тому, кто носит мои мечи. Пойдем.

Глава 3

Она вынырнула из неглубокого, беспокойного сна, оросившего все ее тело потом. Несмотря на ночной холод, было душно и парко. Клетушка ее, не больше пары шагов шириной и четырех длиной, стала изошренным пыточным инструментом.

Стены, сложенные из высушенного на солнце кирпича, не имели окон или хотя бы бойниц, а узкие, запертые на два запора двери изнутри были обиты тканью. Внутри царил неистребимый запах затхлости, пыли, старого пота и мышинных катышков, плотно заполняя пространство и создавая густую, словно суп, смесь, которой приходилось дышать. Запах страха, и хотя Эанасса, новая ее приятельница, предпочитала называть такое запахом уважения, на самом деле был это смрад ужаса.

Деана прислушалась. Далекое рычание ослов, конское ржание, фыркание верблюдов, плеск воды в поилках. Какой-то из караванов готовился выходить. Приznak того, что приближается рассвет.

Она быстро оделась, произнесла молитву и вышла наружу, тщательно надевая *эхваар*. Для того, кто вырос в *афраагре*, необходимость постоянно заслонять лицо казалась чем-то странным и обременительным. В конце концов, здесь же земля иссарам, эта пустыня и все оазисы в радиусе пятисот миль от гор принадлежали им, а тем временем чужаков было тут больше, чем земляков.

Какая-то кувийская женщина с кувшином на голове и ребенком под мышкой быстро прошла мимо, поприветствовав Деану жестом худой ладони и старательно таращась на собственные ноги.

Вежливость и страх.

Солнце вставало над горизонтом, окрашивая все в цвета пустынного рассвета. Савандарум – самый крупный оазис в этой части Травахена, последний такой большой перед дорогой прямо на юг, к первому из даэльтрийских царств, либо на восток, в Кан’нолет. Формировали его несколько вырастающих из песка скал, между которыми протекал ручей. Вокруг росли две небольшие рощи, немного кустов и травы. Посредине оазиса некогда, в незапамятные времена, выстроили каменное вместилище диаметром в триста футов, обсаженное финиками и тамарисками, глубокое настолько, что в нем мог потонуть человек. Чудо из чудес. Деана помнила дорогу к оазису и рассказы людей из каравана, с которым она пришла, рассказы, каким она не верила, пока после десяти дней путешествия сама не увидела Савандарум: синий глаз, окруженный зелеными ресницами, задорно моргающий вспышками отраженного света. Вызов, брошенный десяткам тысяч миль безводной пустыни. Видя нечто подобное, человек начинает верить в слова Великой Матери: «Всегда есть надежда и шанс на искупление; пока дыхание наполняет грудь, а сердце пульсирует кровью».

В оазисе иссарам оказались в меньшинстве. На самом деле пребывало их тут около двух сотен, но чужих: купцов, их стражников, торговцев и ремесленников, осевших здесь, их жен и детей – насчитывалось более двух тысяч. Все они жили в нескольких сотнях домиков, куреней и шалашей, стоявших группами, согласно племенной разнородности народов пустыни.

Хотя это уже были земли восточных иссарам, Закон Харуды гласил, что источники в пустыне принадлежат всем и никого нельзя от них отгонять, если только человек не совершит преступление против крови либо воды. Потому всякий, кто добрался до оазиса и придерживался царивших тут обычаев, мог остаться. Первыми воспользовались этим кувийские, востросские и маввийские ремесленники, представители кочевников из южной части пустыни. Шорники, кузнецы, несколько плотников и колесников. Караваны, идущие на юг, направлялись к Сак Ак Майид – тысячам миль песков и рассеянных на немалых территориях болотистых источников. Караваны, которые держали путь на запад, ждала Сак Он Валла – каменная

пустыня, по которой можно было странствовать повозками, но которая еще более ревностно, чем ее песчаная сестра, оберегала каждую каплю влаги. Савандарум был последним оазисом, чтобы подковать коня, починить упряжь, залатать дыру в бочке и отремонтировать ось повозки. Можно здесь было еще и поторговать, обменять часть товара, поменять или купить животных, нанять побольше охранников, выслушать сплетни о все более наглых маввийских и кваальских разбойниках.

Здесь можно было отдохнуть.

Деана проводила взглядом кувийскую женщину. Молодая, не слишком красивая, с широким носом и темной кожей, характерной для ее побратимов. Вероятней всего, родилась она в оазисе и всю жизнь провела в окружении иссарам, но это ничего не изменило. Страх никуда не делся.

– Даже не пытайся, – проворчала Деана в пространство. – Тебя слышно за милю, а то и за две. Сказать честно, это твое «п'одкрадывание», – она подчеркнула интонацией последнее слово, – меня и разбудило.

Она оглянулась на молодую девушку в белой *та'хаффе*. Та охнула разочарованно.

– Ты не можешь делать этого со мной все время.

– Могу. Где твой отец?

– Ловит рыбу. Как обычно. Отчего я не могу к тебе подкрасться?

– Я уже говорила. Ты громкая, как... слон. Да? Конечно, если такой зверь и вправду существует. Как целое стадо слонов.

– Слоны. И там было не стадо, двое. Огромных, словно дома. Ты видела их дерьмо.

Ну да. Дерьмо... впечатляло.

Деана невольно улыбнулась, а Эанасса терпеливо ждала, стоя в нескольких шагах от нее, светлый *экхаар* заслонял ее лицо, а белые одежды, явно великоватые, стянуты были в талии тяжелым поясом с привешенной справа саблей. Дочка старшего в оазисе сражалась левой рукой, при этом довольно неплохо, они уже провели три тренировочные схватки, но той все еще не доставало терпеливости и самоконтроля, необходимого в бою. Обычно после начальных сшибок она засыпала противника градом ударов, пытаясь любой ценой выиграть в первые десять ударов сердца. Но когда тебе пятнадцать, нетерпеливость – твой главный грех.

Деана дала ей несколько уроков: немного из вежливости, немного – могла признаться в этом себе самой – из тщеславия. Белые ножны *тальхеров* пробуждали удивление и почтение, отец Эанассы сам обратился к ней с просьбой показать его первородной несколько приемов. Девушка воспитывалась в оазисе, и большинство иссарам, которых она встречала, были стражниками караванов, среди них редко попадались настоящие мастера. Учебные поединки обеих женщин обычно собирали немалую толпу зевак, что тоже приятно щекотало тщеславие Деаны.

Были они почти настолько же популярны, что и слоновье дерьмо.

Слоны. Слезы Матери, она опоздала на день, всего-то на день, – а то могла бы их увидеть. Последние три дня, с того времени, как она приехала, не слышала ни о чем другом, только о них. Возвращающийся домой караван из Белого Коноверина вел двух слонов. Уже тот факт, что их протащили через пустыню в дороге на север, в Меекхан, было поступком, достойным песни, но вести их назад, в тысячелильное путешествие на юг, походило на безумие. Сплетня – а нет более приятного для сплетен места, чем лежащий посреди пустыни оазис, – говорила, что коноверинский князь выслал этих животных в подарок меекханскому императору, но его посланцы уперлись в горы. Приправы, шелк, драгоценные камни и слоновая кость могли пройти Анаары на спинах людей, ослов и мулов, но даже иссарам не знали дороги, которой серые гиганты сумели бы перейти на другую сторону.

Отец Эанассы удивлялся, зачем возвращающиеся послы взяли слонов с собой, вместо того чтобы, как приказывал рассудок, убить их или оставить где-то в пустыне. Но в оазисе царил неписанный закон не заглядывать чужакам под *экхаар*, а поэтому он сдержал свое любо-

пытство, чего нельзя сказать о его первородной. Эанасса подружилась – если можно так назвать спаивание кого-то пальмовым вином – с одним из охранников каравана и уже поделилась с Деаной несколькими открытыми ею секретами.

Коноверинцы считали слонов особенными животными, некоторые – даже святыми, бросить их либо убить навлекло бы на всех, кто шел в караване, проклятие, а голова его водителя слетела бы с плеч – так рассказывал девушке охранник. Потому они отдали целое состояние на повозки, бочки с водой, запасы пищи и, вместо того чтобы отправиться прямо на юг, поползли по Сак Он Валла, держа на восток, к Белому морю. Потому что лишь по той каменистой, проклятой богами – с самим Агаром Огненным во главе – возвышенности сумеют пройти повозки, что везут воду для слонов. К тому же именно так они сюда и приехали, верно? Потом отправятся вдоль океана, где легче отыскать источники... Таким образом они доберутся домой двумя месяцами позже, чем планировали, и лучше бы моей бабе держать колени вместе, потому что если, как в прошлый раз, я услышу от соседей, что... прошу прощения, госпожа, я не слишком вас оскорбил?

Девушка пересказывала Деане это вот уже в третий раз, изображая жесткий южный акцент, которым стражник калечил меекх, а еще разыгрывая его пьяные покачивания из стороны в сторону. В конце же всегда выражала надежду, что если Деана выдвинется не позже, чем через пару дней, как она запланировала, то может нагнать слонов и коноверинский караван. Именно так она и говорила: слоны и караван.

Что ж. Шарообразное дерьмо размером с человеческую голову останется местной достопримечательностью как минимум на ближайшие десять лет.

Деана миновала группку детей, у каждого из которых были сплетенные из травы огромные уши и кусок веревки, привязанный под носом. Они топотали, стремясь вперед и дико взрыкивая.

А может – даже и все двадцать лет.

Деана глянула на девушку:

– Утренний урок?

– Я уже думала, ты и не спросишь.

* * *

Урок она закончила через полчаса. Самый рассвет, когда солнце едва глядит на мир полуприкрытым сонным глазом, – лучшее время для тренировок. Человек уже отдохнул, тело его с радостью откликается на нагрузку. Эанасса училась быстро, сегодня она выдержала почти четверть часа, прежде чем бросилась в эту свою безумную атаку. Деана разоружила ее раз, потом второй, затем спокойно показала, как это делается, и позволила выбить оружие из своей руки. Важно было, чтоб девушка помнила: это лишь тренировка.

Когда они закончили урок, Деана повернулась к бородачу в голубой одежде и тюрбане, который вот уже некоторое время не спускал с нее взгляда. Сан Лавери одет был в дорожный плащ, с тяжелым *тульваром* и несколькими кинжалами за поясом, а это указывало, что он готов покинуть оазис.

– *Ависса*, – приветствовал он ее традиционным титулом.

Проклятие, даже он, мужчина, что по возрасту годился ей в отцы, соблюдал полную уважения дистанцию.

– *Онолед*, – ответила она вежливым поклоном на его приветствие, засовывая *тальхеры* в ножны. – Мы должны были выйти через два дня.

Командир караванных охранников кивнул:

– Верно, но как раз пришла весть, что агаты и яшма, которые мы ждали, не приедут. А потому мы выдвигаемся немедленно, как только погрузим товар на верблюдов.

– Хорошо, я буду готова.

Мужчина поклонился и зашагал к караван-сарая, где уже начиналась толкотня.

Эанасса тяжело вздохнула у нее за спиной:

– Уже? Ты уже уезжаешь? А я хотела пригласить тебя сегодня на ужин.

Деана обернулась. «Нам нет нужды открывать лица, чтобы прочесть наши эмоции», – подумала она. Все тело девушки говорило о разочаровании и несбывшихся надеждах.

– Он наверняка оказался бы превосходным. Но видишь, как оно бывает. Яшма не добралась до каравана. Поблагодари от меня отца.

Сложила ладони.

– «Пусть Госпожа на Золотом Троне опекает тебя и твой род. Пусть поддерживает твоих друзей и наполняет страхом сердца врагов. Пусть душа, которую ты носишь, соединится с душой племени, чтобы ждать искупления».

Первородная дочь старшего в оазисе поклонилась официально.

– «Из Ладони приходишь, Ладонь тебя привела, Ладонь направит дальше. Уезжай в мире, возвращайся, когда пожелаешь».

Кенде'т регулировал всякое дело, был пряжкой, соединяющей всё со всем, день с ночью, сон с пробуждением, первый крик младенца с последним вздохом старика. Как и приветствие с прощанием. После этих слов в следующих нужды уже не было.

Караван-сарай оазиса представлял собой комплекс из четырех строений, окружавших большую площадку, на которой обычно собирали животных. Часть строений, развернутых внутрь, имела ряд ниш, где отдыхали люди. Внешние стены снабдили бойницами и амбразами. Нападения на оазисы случались исключительно редко, но все же случались. Такие места, как Савандарум, были словно жемчужины в морских глубинах, копили в себе богатства, что порой превышали содержимое казны небольшого княжества, а о людях можно сказать, что они, услышав звон золота, теряют голову, а потому крепкие стены и запас стрел гарантировали обитателям оазиса спокойный сон.

Во внутреннем дворике стояло два десятка верблюдов, стержень каравана. Был здесь и небольшой табун лошадей, и четыре повозки, груженные бочками с водой. Источники, изредка рассеянные по Сак Он Валла, бывали капризны и, увы, умели исчезать на целые месяцы. Большую часть товаров несли верблюды, а Деана, согласно обычаю, не спрашивала, что лежит в сундуках и тюках, отдавая должное вежливости *оноледа*. Это он – как командир охранников каравана – согласился, чтобы она их сопровождала, а в таких делах он решал больше, чем купцы, которые его нанимали. Это он отвечал за безопасность в пути, и, хотя сопровождало их десять иссарам из племени г'версов да с полтора десятка темнокожих кувийских лучников, только глупец пренебрег бы пользой, которую дает сопровождение мастера меча. Деане даже предложили место в седле, но она вежливо отказалась. С ее умениями наездника она слишком быстро растеряла бы уважение *лаагха*.

Когда она добралась до караван-сарая, иссарские охранники приветствовали ее несколькими вежливыми поклонами, но не отозвался – ни один. Она была *ависса* – ищущая, она шла в Кан'нолет, оазис, расположенный посередине Сак Он Валла, где две с половиной тысячи лет назад Харуда начал учить иссарам Законам и указал им дорогу к искуплению. Это ей принадлежало решение, пожелает ли она общества и разговора или предпочтет провести путешествие, медитируя и молясь.

Вот путь, на который вытолкнуло ее решение старейшин *афраагры*. Она, Деана д'Кллеан, и Кенс х'Леннс, последний из сыновей Ленганы, должны были заключить брак, чтобы она могла родить двух детей, что потом попали бы в род х'Леннс. Затем, захоти она, Деана могла бы уйти и вернуться к своим. Кровь за кровь, две души за две души. Внуки должны усмирить гнев этой безумной ведьмы, позволить ее сердцу найти дорогу к прощению и вырваться из оков ненависти.

Деана видела глаза Ленганы во время оглашения решения старейшин – как и когда она покидала *афраагру*. Внуки с четвертью меекханской крови не прожили бы под опекой матроны и дня. Раны в душе старой женщины невозможно вылечить детишками-кукушатами.

А кроме того...

Милость Владычицы, ей нужно перестать скрывать это перед самой собою.

Мысль, что средний сын Ленганы должен войти в ее комнату, в ее жизнь, войти в... нее, что ей довелось бы опуститься до роли движущегося лона, в которое тот ублюдок засеет свое семя... Что она родит детей лишь для того, чтобы отдать их в руки больной от ненависти суки – либо чтобы сносить проклятия и унижения от Ленганы и ее присных, стоит ей остаться со своим «мужем», а она бы осталась, поскольку никто не отдает собственную кровь на погибель... Но сумела бы она полюбить их по-настоящему, зная, что зачаты они не в любви, страсти или желании иметь детей, а лишь по приговору пары стариков, ищущих способ предотвратить войну родов? Деана хотела надеть брачный пояс, родить детей, хотела встретить мужчину, которому взглянет в глаза и прошепчет свадебную молитву, «Наши души нашли друг друга», она хотела этого, но не так.

А потому она выбрала изгнание, которое должно отсрочить исполнение приговора до времени ее возвращения. Никто не мог ей этого запретить, Законы Харуды в подобном случае были ясны: паломничество ставило ее над приговорами и любыми обычаями. Деане, впрочем, казалось, что большинство старейшин приняли ее решение с удовлетворением, поскольку для *афраагры* это было лучше всего. Деана уходила из ее жизни, исчезала с глаз Ленганы, не оставалось уже причин для ненависти. И Деана все время пыталась позабыть о том, что, пока она собиралась, большая часть даже ее рода не выглядела слишком уж переживающей из-за такого поворота дел. Последние месяцы, смерть, поселившаяся в *афраагре*... Некоторые могли обвинять в этом ее.

Честно говоря, она уходила с чувством облегчения, взяв лишь смену одежды, оружие и пояс паломника: черный, символизирующий Бездну, которую необходимо одолеть, чтобы получить Прощение. Пояс этот открывал ей двери в любых *афрааграх*, открывал вход в любой шатер и давал место в любом караване, с которым она странствовала. Он – и, конечно, белые ножны *тальхеров*.

Она залезла в одну из повозок. Проводник каравана поднял зеленую ветвь, махнул ею над головой. Верблюды фыркнули, тряхнули косматыми мордами, кони нетерпеливо переступили с ноги на ногу. Их ждало десять дней пути.

Глава 4

Камана встретила его услужливо отворенными воротами, воню из канала, где вода превратилась в мерзкую жижу, и мрачными взглядами городских крепышей. Альтсин поприветствовал их поднятой рукой. Большую часть местных составляли матриархисты, а потому в ответ он получил легкие поклоны. Монахов в городе уважали, и, хотя размер монастыря явно оставался занозой для местных купцов, никто не пытался их отсюда вытеснить. Хорошие контакты и явное уважение, каким приор Энрох пользовался среди местных племен, стоили побольше, чем монастырские здания, пусть даже и в городе, где каждый ярд поверхности ценился в сто оргов – и продолжал дорожать.

Окруженный кирпичами Граничный Камень сверкнул белизной в стене, словно напоминание, кто именно правит на острове.

Камана была самым большим городом на Амонерии, единственным, в который сеехийцы позволяли прибывать кораблям и где они разрешили построить порт. Остальные попытки возвести на острове торговые плацдармы улетучивались в небо с дымом и пламенем. Много лет миттарийцы, понкеелаанцы и жители других центров торговли западного побережья яростно спорили, кто, собственно, основал город, словно знание это давало им хоть какую-то пользу. Поскольку начало Каманы терялось во временах до возникновения Империи, Альтсин подозревал, что выстроила его некая группка отчаявшихся беглецов от религиозных войн, от которых содрогался континент.

Нынче, с тридцатью тысячами жителей, он не слишком-то впечатлял размером, но развитие его сдерживали Граничные Камни – восемьдесят шесть белых валунов, которыми сеехийцы обозначили территорию, которую город может занимать. Камни уже многие годы назад встроили в городские стены, и, даже если кому-то из Совета приходило в голову проверить, действуют ли еще древние договоры, кости, грохочущие на Белом пляже, довольно быстро возвращали любопытствующего на землю. Местные племена не терпели шуток с подобными вещами.

Едва оказавшись за воротами, Альтсин нырнул в узкие улочки, а над его головой выросли дома в несколько этажей. Город задыхался, стены стискивали его железными обручами, и, не в силах из них выплеснуться, он убегал в единственную доступную сторону – вверх. Новые и новые этажи жилых домов достраивали, расширяя, используя все доступное место, а потому если на земле здания отделялись друг от друга крепкой мостовой шириной в пятнадцать футов – как раз чтобы без проблем могли разминуться две повозки, – то на высоте шестого этажа между домами можно было перескочить одним прыжком. Еще этаж-другой, и крыши соприкоснутся, а улица превратится в туннель. Конечно же, если в один прекрасный день все это не завалится.

Местные каменщики достигли абсолютного совершенства в постройке все более тонких и легких стен, но даже они не были чудотворцами – за последний год под руинами трех домов погибли более пятидесяти человек. Совет Каманы уже долгие годы пытался ввести ограничения на новые этажи, но пока там заседали владельцы большей части городских строений, принять такой закон оставалось невозможно. Кроме того, всякий дополнительный этаж – это мастерские, мануфактуры и торговые склады, что были словно вымя мифической Вантийской Козы, которое при каждой дойке дает горсть жемчужин. А только дурак откажется от того, что можно обложить налогом.

Монополия на торговлю со всем островом – оловом, медью и серебром, янтарем, мехами, медом и бесценной древесиной, используемой для строительства кораблей, в том числе и знаменитым анухийским красным дубом, – приводила к тому, что, как говаривали, в Камане даже брусчатка была из золота. Каждый купеческий род, каждая гильдия, каждый прибрежный город старались разместить тут своих представителей.

Деньги притягивали людей, люди притягивали проблемы, проблемы притягивали воров, бандитов, контрабандистов и прочую пену. Лига Шапки вот уже годы имела в Амонерии своих резидентов, торгующих всем, от краденого янтаря до информации. Потому что знание, какой из кораблей идет с полным трюмом, что везет и куда поплывет, стоило пиратским капитанам четвертой части добычи.

Альтсин сумел установить контакт с людьми Лиги, но в первые месяцы предпочитал обходить их стороной. Ведь никогда не известно: Толстый мог оказаться совершенно не в курсе насчет его роли в резне на крышах Понкее-Лаа и в уничтожении Праведных графа Терлеаха, но биться об заклад, что Цетрон-бен-Горон этого не знает, было все равно, что просить акулу, чтобы та позволила погладить ее по языку, в надежде, что она не голодна. А если бы знал – что тогда? Ответ на этот вопрос скрывался в подброшенной монете, на аверсе которой был кинжал убийцы, а на реверсе – гаррота. *Анвалар* не допустил бы, чтобы некто вроде Альтсина спокойно ходил по миру. По тем самым причинам, по которым он достиг власти над Лигой и встал на битву против графа. Потому что чувствовал себя ответственным за этот мир. Ну ладно: может, не за весь мир, а только за Понкее-Лаа и Лигу, но для Толстого город и был миром, верно?

Потому первые дни Альтсин провел, прислушиваясь к сплетням о людях, за головы которых *анвалар* назначил цену. И только когда уверился, что его среди них нет, встретился – пару месяцев назад – с неким Севером Райя, руководившим людьми Лиги в Камане. Райя, старый пират и налетчик, принял новичка с настороженностью, но, когда Альтсин выказал знания о Цетроне, вполне достаточные, чтобы не возникло сомнений, что он именно его человек, – угостил вином и пообещал помочь. За соответствующую плату, естественно. Впрочем, ситуация оставалась напряженной, эхо событий в Понкее-Лаа докатилось до Каманы некоторое время назад, однако было это эхо далекое и нечеткое, а потому лояльность местных относительно Лиги Шапки стояла под слабым, слабейшим знаком вопроса. Знаком вопроса на восемь дюймов стали между ребрами, как говаривала воровская пословица.

Скоро он все узнает. Обещал Райю двести оргов за информацию об Аонэль, заплатил треть задатка и сегодня утром получил приглашение на встречу. Та должна была состояться в доме Райи, среди людей, что не предвещало проблем, потому что никто рассудительный не совершает убийства в собственном доме, а к тому же в переданном известии главарь Лиги приказал ему захватить остаток денег, что тоже было неплохо. Может, он просто-напросто оказался честным преступником и действительно нашел некий след этой проклятушей сеехийской ведьмы.

Ну что же, поглядим.

Он мысленно вернулся к Белому пляжу.

Братья Геннар и Лоннар из Вейрхов, возглавлявшие тогда нападение несбордийцев, направили восемьдесят своих длинных кораблей к городу и потребовали, чтобы им отворили ворота. Милостиво предложили, чтобы все, кто хочет уйти, покинули Каману, взяв столько добра, сколько сумеют унести, и гарантировали неприкосновенность всякому ремесленнику, решившему остаться. Вор порой раздумывал, во что превратился бы город, исполни его жители требования морских пиратов, которым нужны были не столько сказочные богатства, сколько база для дальнейших завоеваний. На островах Авийского моря им становилось тесно, а Амонерия искушала богатством, ласковым климатом и слабостью, что проистекало из разделения власти на острове между десятками ссорящихся племен и кланов, запутанных в густую сеть взаимных войн, родовой мести и не сведенных счетов. Вот просто приплывай и забирай, что хочешь.

Им бы стоило задуматься, отчего же никто до сих пор не захватил этот остров.

Двадцать лет назад Камана отказала, цехи встали на стенах, ров наполнился первыми трупами.

А потом из глубины суши пришел туман.

Многие охотно рассказывали о той битве, и от историй стыла в жилах кровь. Якобы туман растворял человеческую кожу, ослеплял и парализовывал несбордийцев; якобы в нем, словно в испарениях из Урочищ, скрывались демонические твари, разрывавшие захватчиков на куски и высасывавшие у них живьем костный мозг. Якобы несбордийские чародеи не сумели разогнать туман, поскольку тот на самом деле был эманацией сеехийского племенного бога, о котором аборигены говорили неохотно, и который пожрал морских разбойников живьем.

Приор Энрох, расспрошенный об этом, лишь улыбался и пояснял, что туман появляется несколько раз в году вместе с изменением направления ветров, что веют над океаном. Когда теплый воздух от горячих болот подходит к морю и сталкивается с холодным утренним бризом, стена тумана может встать на сто футов ввысь и кажется тогда огромной периной, которой Милостивая Госпожа прикрыла кусочек острова. Испарения густы, словно молоко, и нужна сотня сильных магов, чтобы их разогнать. Как легко догадаться, сеехийцы умеют предвидеть его появление.

Они ударили на рассвете силой тридцати племен, соединенных в *камелури*. Воинов у них было не больше, чем у захватчиков, но сражались они на своей территории. Не позволили несбордийцам поставить стену щитов, из-за которой лучники ударили бы по хуже бронированным аборигенам. Лишили их зрения, разъединили на небольшие отряды и отрезали от пляжа и кораблей, на которые остатки северных мореходов попытались было отступить. И выбили до последнего человека.

Когда набожный старик рассказывал об этом, глаза его живо светились, а движения обретали необычную точность. Вместо члена монашеского ордена появлялся солдат – даже больше, офицер. Это было знание, которым не мог обладать Альтсин-вор, в отличие от Альтсина-дурака, одержимого богом. Просто напрашивался вопрос, где Энрох служил и какие жизненные ветра занесли его меж ласковых ладоней Великой Матери.

Альтсин уклонился и не стал об этом спрашивать.

Потом приор печально рассказал, как остатки несбордийской армии, отчаявшиеся группки по несколько – до десятка – человек, подходили под стену и бросали оружие, моля, чтобы их впустили в город. Камана отказала, возможно тем самым спасая собственное существование. Потому что, не стань она сопротивляться захватчикам или дай им приют, сеехийцы наверняка бы ее уничтожили.

И для этого вовсе не понадобился бы штурм стен: хватило бы просто прервать купеческие пути, уничтожить караваны, которые осмелились бы выйти за пределы города, отрезать Каману от воздуха, каким была для нее торговля, – и судьба города оказалась бы предрешена. Он продержался бы некоторое время, подвозя морем провиант, вот только что бы это дало? Город существовал для обмена товарами с местными племенами. Без торговли он становился ничем.

Альтсин глубже нырнул в полумрак улиц. Внизу магазины, над ними мастерские, на самой вершине – жилые помещения, где в комнатках размером десять на двенадцать футов гнездились шесть, а порой и восемь человек, спящих на ярусных нарах, словно солдаты в казармах. Но они принимали это без жалоб: в Камане не многим хотелось селиться навсегда – сюда приезжали с континента, чтобы пожить несколько лет, трудясь от рассвета до заката, и вернуться в родную сторону с несколькими кошельками, набитыми золотом.

Конечно, при условии, если весь дом не свалится на голову.

Альтсин вышел на одну из четырех торговых улиц, которые на первый взгляд казались необычайно широкими, но при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что в них всего-то несколько десятков шагов в каждую сторону. Именно в таких местах вставали странствующие продавцы быстрой еды, представители профессии, единственной в своем роде, которых вор впервые увидел именно здесь. Повозки их ездили улицами-туннелями, тарахтя по брусчатке, а хозяева прямо под дверями магазинов продавали горячие супы, лепешки с грибами, ветчиной или плодами моря, разведенное вино и другие вкусности, которыми человек

мог набить брюхо во время короткого перерыва в работе. Так жила бо́льшая часть города, засыпая в тесноте, как преступники в тюрьме, непрестанно в трудах и питаясь абы чем из движущихся лотков.

Вор миновал торговую площадь, равнодушный к доносящимся до него обещаниям свежайшей в городе рыбы и говядины, той, что мычала еще на рассвете, и направился в сторону монастыря. Хотя он и не принес обета послушничества и приор не обладал над ним никакой формальной властью, Альтсин знал свои обязанности. Кроме того, лучше не выделяться. Близился вечер, ему нужно было еще прополоть грядки с луком, накормить коз, вымести двор, принять участие в вечерних молитвах. Потом его ждал скромный ужин в монастырской столовой, мойка посуды на кухне и, если не изменяла ему память, обход города до полуночи. В Камане тоже были свои бедняки, нищие, бездомные и девки.

Те, кому не повезло, оказывались на улице – как и в любом другом городе, – вместо подушки получив отчаяние, а вместо одеяла беспомощность; название же ордена, Братья Бесконечного Милосердия, обязывало. Вор не знал, как оно происходит в других орденах, в Понкее-Лаа он насмотрелся на подлость и мерзость жрецов всех богов, но здесь приор серьезно подходил к исполнению своих обязанностей.

Монахи каждую ночь выходили тройками в город, неся хлеб, сушеную рыбу и горшки с супом, обернутые в толстые пледы, чтобы те удерживали тепло. Оделяли супом выщербленные миски, протягиваемые трясущимися руками, ломали хлеб и рыбу, осматривали раны, порой, в особенно холодные ночи, забирали замерзших в монастырь. Альтсин выходил на ночную работу раз в несколько дней, и, сказать честно, это ему нравилось. Он оделил монастырь щедрым взносом и предпочитал, чтобы деньги шли на нечто подобное, а не на золоченую обивку стула приора. Он и сам слишком хорошо помнил, каково оно, сидеть в темноте вонючего закоулка в надежде, что попискивающая крыса подойдет на расстояние удара палкой.

Он помнил вкус таких крыс, потрошенных обломком ножа, найденным на свалке, и печенных на горсточке щепок от древесины, выброшенной морем. Если бы Толстый не приметил его однажды на улице... ладно, если бы Альтсин однажды не попытался обокрасть Цетрона и не был им пойман, мог бы не дожить и до двенадцати лет. Может, именно потому он любил эти ночные странствия монахов; было в этом нечто... проклятие, он не находил точного выражения – просто было в этом что-то хорошее. Наполнить желудок голодного, напоить жаждущего, перевязать раненого... И – это уже его личный вклад – бросить в деревянные миски несколько медяков или обрезанную десятку. В принципе, нищим нельзя давать деньги, поскольку те потратят их на дешевое вино, но, яйца Близнеца Моря, это же его деньги, и если мог благодаря им облегчить кому-нибудь жизнь, то не всяким там умникам совать туда нос. Особенно таким, кто никогда не бродил ночами по закоулкам каманского порта.

Нынче после заката он должен был выйти на обход вместе с братом Найвиром и братом Домахом. По крайней мере скучно не будет.

Глава 5

Колодец был пуст. Сан Лавери мерзко выругался. Деана уголком глаза заметила, как один из сопровождавших их иссарам кивнул товарищу, обронил несколько тихих слов и четверо исчезло между скалами. У прошлого сухого водопоя они сделали то же самое. Она же решила, что попытается узнать, что они нашли, позже, а теперь просто оперлась о повозку, скрываясь в тени, руки ее поглаживали рукояти *тальхеров*. Чувствовала Деана себя так, словно кто-то уставился на нее поверх арбалетной стрелы.

С третьего дня пути она знала: что-то не в порядке.

Источники на пути были осушены. Все шесть. Каменные углубления, желобки между скалами, прудики, обведенные кругами старательно выложенных камней. Всюду сухо, словно во рту у тысячелетнего трупа, лежащего в песках Травахена. Правда, перед ними этой дорогой шли коноверинцы и их слоны, но за несколько дней водопой должны наполниться хотя бы частично. Кроме того, в пустыне никогда не осушают источники до дна, в ином случае вода может уйти в глубь земли и уже не появиться. Если коноверинский караван так сделал... Но нет, у них были местные проводники, а те знали законы пустыни. Кроме того, шли они с собственными припасами.

Нет. Что-то было очень неправильно. В двух местах, похоже, источники пытались углубить, вал камешков, окружавший ямы прудов, выглядел слишком свежим, словно предыдущий караван тоже не нашел воду. Но все же отправился дальше. Что ж, на середине пути лежало Око Владычицы, глубокий, в триста футов, колодец, выкопанный в живой скале две с половиной тысячи лет назад по поручению самого Харуды. Знаки на каменной облицовке были вытерты ветрами и бесконечным числом ладоней, набожно ее оглаживающих. Гласили же они, что «Колодец выкопан по поручению Харуды в год двадцатый и первый после Явления, когда он повел своих Верных против самондейцев». Легенда гласила, что колодец этот не пересыхал никогда, по крайней мере, Деана – а была она Песенницей Памяти – не слыхала о том, чтобы Око Владычицы поскупилось на свои слезы для путников. До сегодняшнего дня.

Сама не могла в то поверить, но ведра, опускаемые по воду, вытягивали без следа влаги, а брошенный внутрь камень не отзывался плеском. Черное отверстие, казалось, насмехалось над ними.

Деана сильнее оперлась о борт повозки, почувствовав, как та зашаталась. Плохо. Еще пару дней назад она даже не дрогнула. Их запасы воды сократились уже на три четверти, караван ведь рассчитывал на пустынные источники, а теперь перед ними начиналась самая трудная, сухая часть Сак Он Валла. Местность там почти постоянно идет вверх, животные станут больше уставать и больше пить. Верблюды наверняка выдержат, их горбы еще наполнял жир, но кони, как верховые, так и тягловые, падут на половине дороги. О людях Деана переживала меньше всего, знала рассказы об отчаянном человеке, который, обладая лишь баклагой воды, странствовал по пустыне двенадцать дней.

Как всегда облаченный в синь, Сан Лавери отыскал ее взглядом и жестом попросил приблизиться. Он стоял около колодца в сопровождении Ганвеса х'Нарви, командовавшего иссарскими охранниками, и темного капитана кувийских лучников, просивший называть его Веткой.

– У нас проблемы, *ависса*, – коротко обронил кувиец.

– У меня есть глаза. И разум позади них. Что хотите делать?

Иссар откашлялся, пожал плечами так, что рукояти *ифиров* подскочили на добрый дюйм.

– Я уже говорил, но повторяю... Мы можем идти вперед, ночами, скрываясь от солнца... Если найдем воду... кони выживут... Если источники будут сухими... можем коней убить,

перенести остаток воды на верблюдов, товар спрятать и вернуться за ним позже... Когда дойдем до Кан'нолета...

Деана уже привыкла, что Ганвес обычно рвет слова, выбрасывает их из себя короткими сериями, делая ощутимые перерывы, и к тому же – шепчет, словно выдавая всем страшную тайну.

Но его план был хорошим. Отчаянным, но хорошим, потому что давал всем шанс выжить. Оставалась лишь одна проблема.

– Эти кони – товар. – Проводник каравана поджал губы, стер пальцами капли пота, выползшие из-под синего тюрбана. – Точно так же, как и камни в сундуках. В Кан'нолете нас ждет купец.

– Странные слова... слова торговца, а не проводника... У тебя вложения в караван?

Иссар попал в точку, но *онолед* не выглядел пристыженным.

– Как и у многих. У меня – тоже. А потому какие есть еще предложения?

Воин с закрытым лицом проворчал что-то на диалекте восточных иссарам.

– Что ты бормочешь?

Рукояти мечей снова подскочили на дюйм. «Неважно».

– Это старая пословица, *онолед*. – Деана улыбнулась под *эксааром*. Старая, но мудрая. Означает она примерно: «Травахен любит играть в кости – костями дураков и алчных людей». – Он прав. Если мы пойдем ночами, возможно нам удастся выиграть день-два, но, если и остальные источники на трассе пересохли, нам в конце концов придется убить лошадей. Но мы и верблюды доберемся до оазиса. Можем и повернуть, тоже двигаясь ночами. Дорога в Савандарум – ближе, и если мы начнем экономить воду уже сейчас, наверняка доведем до места всех животных. Потом ты сможешь взять больше повозок с припасами и попытаться еще раз. Естественно, будут затраты.

Темные глаза смерили ее гневным взглядом.

– *Онолед*, – она постаралась, чтобы на этот раз он услышал в ее голосе легкое напоминание, – это не моя вина. И не твоя, и никого из каравана. Это Травахен... Она дает и отбирает воду, открывается или закрывается перед людьми. Ты можешь рискнуть утратить животных, отправляясь на восток, – или потерять деньги и время, возвращаясь на запад. Мое паломничество может подождать... Остальное зависит от тебя.

Он расслабился и неожиданно легонько улыбнулся.

– Прости, *ависса*, это мудрые слова, которые должны были прозвучать прежде, чем раздались тут другие.

Темнокожий капитан лучников скривился, но промолчал.

– И ты права. – Бородатый мужчина глубоко вздохнул. – Это мое решение. Нынче клонит к вечеру, до сумерек осталось несколько часов, мы собирались разбить лагерь и отдохнуть, а потому так мы и поступим. После заката я скажу вам, отправляемся мы дальше или возвращаемся. Отдохните, скорее всего, в любом случае будем мы идти всю ночь.

Деана почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. *Онолед* смотрел куда-то в сторону, Ветка внимательно уставился на носки сапог. Она перевела взгляд на Ганвеса. Он кивнул.

Получасом позже он вопросительно кашлянул перед ее шатром. Два полотнища давали немного уединенности, позволяли снять на время *эксаар*, умыться лицом наперстком бесценной воды, успокоить жажду. Она пригласила его внутрь, он вошел и присел напротив, не открывая лица. Она чувствовала... знала, что он изучает ее, удивленный чужой красотой, светлыми глазами, следом меекханской крови в ее венах. Г'версы обитали дальше к востоку, чем ее племя, реже смешивали кровь с другими людьми, а если такое и случалось, то заметно было не слишком сильно, поскольку кочевники Малых степей тоже отличались невысоким ростом, темными волосами и смуглой кожей.

– Пять дней, Ищущая... Уже пять дней мы странствуем от пустого источника к водопою, наполненному пылью... Это неестественно... – Он по привычке шептал.

Она глотнула немного воды из глиняного кубка. Та была теплой, но на вкус – превосходной. Ничто так не улучшает вкуса воды, как магические слова «уменьшение рациона». Деана без слов указала на второй кубок и на мех, лежащий рядом. Мужчина покачал головой:

– Я уже выпил свою порцию... Но спасибо...

– Вы что-то нашли? – У нее не было ни сил, ни желания ходить вокруг да около цели его визита.

– Кто-то запечатал водопои.

– Как?

– Чарами. Ловко. Глиняная печать с заклинанием... Из сырой глины, смешанной с песком и солью... Положенная неподалеку от источника на солнце...

Он подал ей плоский серо-коричневый кружок толщиной в палец и шириной в восемь дюймов. Серия знаков, глифов и похожих на примитивные руны символов шла спиралью по его нижней стороне. И вправду, нелегко было бы понять, что они имеют дело с магическим артефактом, когда бы не чувство, что она держит в руках кусок льда, когда бы не внезапный запах цветов, наполнивший ее нос, и не мурашки, пошедшие по ногам. Она отложила печать. Неприятные чувства исчезли.

– Когда лежит на земле знаками вниз... Сила чувствуется слабо... идет к земле... нужно об него споткнуться, чтобы понять, что это не обычный камень... А когда солнце высушит глину... печать начинает трескаться и ломаться... – Чтобы продемонстрировать, о чем речь, командир иссарских охранников отломал несколько кусочков от края диска. Те распадались от легчайшего прикосновения. – Через два-три дня печать растрескается и заклинание утратит силу... а через десять песок и ветер смелют ее остатки в пыль и не сохранится и малейшего следа... Я мог бы поставить все, что заработал за последний год... да... а то и за два года... что первые источники на пути уже полны воды...

Он быстрым движением вынул кинжал и ударом рукояти расколол глиняный кружок. У Деаны закружилась голова, запах цветов внезапно смешался с вонью гниющего мяса, по ногам словно пробежала колонна муравьев. Ганвес сделал быстрый жест, словно что-то ловил и отбрасывал. У нее чуть не вывернулся желудок, едва не испортив целый кубок драгоценной воды.

– Знающий... Ты Знающий.

– Да... Не слишком сильный... но я умею чувствовать смрад чар. – Он наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. – Все, заклинание исчезло, вода возвращается на старые тропы. К вечеру Око Владычицы наполнится водой.

Деане понадобилась минута, чтобы прийти в себя и упорядочить мысли.

– Но если ты знал, то почему не сказал об этом Лавери?

– Потому что я сомневался. И продолжаю сомневаться... Это не его дело, не кувийцев, маввийцев и даже не тех проклятых махаальдов... Это наше дело...

– Пустыня не принадлежит никому.

– Она – да. Но оазисы и источники – другое дело... Если бы этот некто, – Ганвес указал на сломанную печать, – отравил колодцы или уничтожил их каким-то другим образом, г'версы, п'камеи и прочие восточные племена сделали бы все, чтобы его отыскать. Не было бы такой силы в мире... что смогла бы его уберечь. Д'яхирры тоже бы преследовали его... и ты об этом заешь, *ависса*.

Ей не требовалось это подтверждать. Нужно ли комментировать восход солнца?

– Но та... магическая печать, которая и сама бы распалась через несколько дней... не знаю, что это значит... Зачем...

Она смотрела на глиняные остатки и думала. Кто-то на несколько дней осушал колодцы на пути в Кан'нолет.

– Мы собирались отправиться через два дня... – пробормотала Деана.

Он вздрогнул.

– Если бы мы отправились, как планировали, – продолжала она, – наверняка бо́льшая часть источников уже наполнилась бы водой. Может, одно-два заклинания еще держались бы, но мы бы не обратили на это внимание, порой ведь так случается. Но шесть источников подряд... Мы двинулись слишком рано, потому что караван с яшмой не добрался до нас, – и лишь потому узнали обо всем этом... Кто-то охотится, но не на нас. Охотится на коноверинцев.

Он засмеялся шепотом, походившим на осыпавшийся песок:

– Я знал... что-то я упускаю, словно пытался поймать среди ночи пустынного тушканчика... В этом все и дело... Все ясно...

– Ничего не ясно, Знающий. – Деана допила остаток воды, оставила кубок. – Почему тот караван не повернул? Они находили один пустой источник за другим, но все равно шли вперед. Было у них – сколько? – больше пятидесяти животных и сотня людей, к тому же те два слона, а как я слышала, каждый из них пьет как десяток лошадей. Они не взяли достаточное количество воды, чтобы пройти весь путь без пополнения припасов. И все же они отправились вперед, вместо того чтобы повернуть на третий день.

– Мы тоже пошли вперед...

– Тоже... но даже сейчас, на половине пути, мы можем возвратиться, не потеряв ничего, кроме времени и денег. Они рисковали куда сильнее. Почему?

Ганвес чуть пошевелился. Она снова почувствовала его изучающий взгляд.

– Как полагаешь, Ищущая, почему?

– Не знаю, – покачала она головой. – Слышал пословицу: «Почему люди совершают глупости в пустыне? Потому что они глупы»? Потому что рассчитывают на счастье. Им кажется, что боги даруют им особенную милость. Верят в собственное бессмертие. Или у них просто нет выхода. КонOVERинцы хотели добраться на восток, к морю, вроде бы здесь им делать было нечего, их посольство передало Меекхану дары и послания. Они не везли слишком много богатств, это не купеческий караван, зато у них – сотня людей, в большинстве своем вооруженных... Отдельным вопросом остается, зачем им столько охранников, но если бы кто-то хотел их перебить и не имел двух или трех сотен воинов, то использовал бы наилучшее оружие, какое есть в этой части света.

Она указала на бурдюк. Ганвес склонил голову набок:

– А есть у тебя какая-то идея, Ищущая... почему они не повернули?

Она улыбнулась:

– Я всего лишь обычная девушка из небольшой *афраагры*, куда мне там до мудрости великих мира сего. А ты, воин? Что ты думаешь?

– Овец в загон ты ведешь либо с помощью собак... либо выбирая им проводником самого умного барана... Они шли за проводником... наняли, как я слышал, в Савандаруме десятерых махаальдов.

Из всех племен, кочующих в пустыне, махаальды обладали самой скверной репутацией. Считались изменчивыми, двуличными бандитами, готовыми на все за горсть золота. Разбойничали, крали и грабили, когда могли, а обмануть кого-то не от их крови считали чуть ли не своей обязанностью. На презрение остальных пустынных народов они отвечали наглостью и легендарной жестокостью. Но были такие пути на Травакхене, которые знали лишь они, и случалось так, что только они оказывались под рукой, когда кому-то требовались проводники.

– КонOVERинцы должны были оказаться в отчаянии... – Шепот иссарского воина сделался едва слышным. – Куда они спешили, *ависса*?

– А это важно?

– Нет... не важно.

– Именно. Впрочем, – она насмешливо хмыкнула, – скоро ты сам удовлетворишь свою любознательность.

– Откуда ты знаешь, что мне интересно?

– Ты сам говорил: это наши источники. Никто не имеет права накладывать на них чары, даже такие, что развеиваются сами собой. Кроме того, ты снял заклинание, и к вечеру Око Владычицы наполнится водой. Я поставлю все, что я не заработала еще за последний год, что мы отправимся на восток.

Знающий издал серию свистов, которые наверняка были смехом.

– Да, Ищущая, мне интересно... Но у меня есть и обязанности... На этом пути еще не случилось, чтобы кто-то пытался охотиться на такой большой караван, как этот, перед нами... И первый раз я вижу, чтобы использовались подобные чары. Эти глиняные печати – работа по-настоящему умелого мага. А может – магов... А обычные пустынные бандиты не обеспечивают себе такие услуги. Если какой-то заскучавший чародей принялся искать дополнительный источник дохода, его нужно как можно скорее остановить, поскольку, если разойдется весть, что путь из Савандарума в Кан'нолет не безопасен... караваны начнут выбирать другие дороги... мое племя потеряет...

Она кивнула. Обязанности по отношению к племени она понимала как всякий, рожденный в горах. И она также знала, отчего Ганвес посвящает ей столько времени. Белые ножны *тальхеров*... Исключительно поэтому. Если они желали разобраться с таинственным делом, помощь мастера меча имела бы значение. Но она была *ависса*, Ищущая, и не подчинялась ничьим приказам. Если он хотел ее помощи, ему следовало ее убедить. Или заинтересовать.

На самом деле Кан'нолет мог подождать. Вроде бы за последние две с половиной тысячи лет он не сдвинулся с места.

– Кувийцы знают?

– Еще нет... Кроме того, я не представляю себе, чего ждать... Может, мы доберемся до Кан'нолета и ничего не случится?.. Как знать?.. Я лишь предупредил Ветку, что у нас могут быть проблемы... Завтра выйдем вперед двух людей на верблюдах... Они проверят следующий источник...

– Если ты прав, он наверняка еще окажется запечатан.

– Тогда его распечатают... Кроме того, мы наполним тут бочки, напоим животных. И мы будем осторожны... Очень осторожны...

Интерлюдия

Мужчина шевельнулся и застонал, а потом заперхал и захрипел. Наконец, фыркая и плюясь красными каплями, перевел дыхание, а потом перевалился на живот. И пополз: медленно, выбрасывая вперед правую руку, вцепляясь ногтями в землю и подтягивая остальное тело. Левая рука, почти отрубленная в локте, тянулась за ним следом, словно некий отвратительный плод, соединенный с плечом пуповиной сухожилий и клочьями кожи. Ее пальцы подрагивали, словно ножки насекомого.

Йатех прекратил чистить меч, встал и подошел к тому, кто еще минуту назад был актером, комедиантом, членом процветающей труппы. Придавил коленом его спину, приставил кончик меча к основанию черепа.

– Не двигайся, и все пройдет быстро.

Йатех не знал, может ли жертва его понять, но укол в шею, наверное, сказал все необходимое, поскольку мужчина замер и – о чудо! – прижал подбородок к груди, открывая затылок. Черный клинок гладко вошел между позвонками, перерезая спинной мозг и прекращая муки. Йатех вырвал оружие, энергично встряхнул и прошелся тряпкой по лезвию. Жест ненужный, поскольку к клинку из вулканического стекла кровь не липла. Как и все остальное. Но привычка позволяла занять руки и отвлекала мысли от других дел.

Всхлип справа приказал ему развернуться. Одиннадцать душ – четыре женщины и семеро детей – сидели посреди поляны, сбитые в группку, жались друг к другу и плакали. Глаза их наполняла смесь печали, шока и безумия; еще четверть часа назад у них были мужья, отцы, братья и кузены, а сейчас из всей Ошеломляющей Труппы Комедии Северона осталась лишь дюжина членов с единственным мужчиной, который стоял на коленях перед той странной черноволосой девкой и дрожащими руками вручал ей оправленную в дерево книгу.

Йатех вернулся на свое место под стеной повозки, размалеванной летящими птицами, но садиться не стал. Во взгляде одной из женщин он видел рождающегося демона, обещание насилия, безумия, которое в любой момент могло подтолкнуть ее к чему-то безрассудному. Смотрел он на худую руку, что нащупывала нечто за пазухой.

– Какой из них – твой? – спросил он громко, притягивая к себе ее взгляд.

Да, он был прав, безумие и ненависть почти пришили его к повозке.

– Что?

– Ребенок. Какой из них твой?

Она указала на маленькую, пятилетнюю, наверное, девочку, которая смотрела вокруг глазами младенца: последние четверть часа лишили ее всего, может, даже разума.

– Смотри за ней. Она способна сделать какую-нибудь глупость.

Сунул меч в ножны и указал взглядом за спину женщины.

Та повернулась и побледнела. А потом склонилась вперед, медленно, словно подрубленное дерево, почти упершись лбом в землю. И застыла так, сотрясаясь от немого рыдания. Похоже, один из тех, кто пытался сбежать, был ее близким родственником.

Иавва вышла из-за купы кустов, как всегда, беззвучно, со своей инстинктивной неприужденной грацией. Словно заранее знала, куда поставить ногу, чтобы не треснула ветка, не зашелестела листва. Оба кинжала ее были в ножнах на бедрах, а короткая сабля – на поясе, но это не имело значения. Несколько минут назад она доказала, что даже с ножом у горла она в сотню раз опасней большинства воинов с оружием в руках. А теперь, возвращаясь к лагерю, показала еще, что бежать от нее тоже не имеет смысла.

Он внимательно смотрел на нее в поисках хотя бы следа усталости, злости либо гнева – хоть чего-то, что должен чувствовать человек, который только что вел смертельный бой. Ничего. С того момента, как они захватили ее в том мрачном замке, с момента, как Малышка

Канна вплела в ее почти белые волосы прядку своих, черных как ночь, и дала ей имя, Иавва шла за ней, выполняя любой приказ. Но не отзывалась и словом; никогда, даже во время самого ожесточенного боя, она не издала звука громче, чем быстрое дыхание. Была она тихой, словно сама смерть. И настолько же действенной.

Он отвел взгляд от светловолосой убийцы и бегло осмотрел окрестности: семь повозок, два угасающих костра, растянутые между деревьями веревки с сохнувшим бельем – идиллия. И только дюжина трупов мужчин и женщин портила вид, но случившееся здесь было ценой, которую они заплатили за свой выбор. Причем еще не заверченный.

Йатех и обе его спутницы поняли, что нечто не в порядке, уже когда приближались к лагерю. Навстречу им выбежали только дети постарше, лет восьми – двенадцати. И хотя они улыбались и показывали разные фокусы вроде жонглирования и акробатических трюков, движения их были нервными, а гримасы, кривящие лица, – искусственными. В лагере же, внутри круга повозок, хотя мужчины широко скалились, а управляющий всем старик приветствовал их, радостно раскинув руки и приглашая на ужин, они лишь утвердились в своих подозрениях, поскольку женщины удерживали малышей рядом с собой и не приближались, как бывало это раньше, к гостям.

Потом все покатилося под гору.

Едва они сошли с лошадей, несколько мужчин бросились к ним с короткими мечами, ножами, топориками и палками, одному даже удалось зайти к Иавве сзади и приложить клинок к ее горлу.

Малышка Канна тогда улыбнулась, и была это единственная искренняя улыбка, какая случилась в том месте, – и вспыхнула резня.

Тот, что держал нож на горле Иаввы, погиб первым, с ладонью, проткнутой кинжалом с молочным клинком, и с брюхом, распоротым от паха до подвздошья.

Йатех помнил, что не стал ждать, что случится дальше, его *ифиры* выскочили из ножен, может, на четверть доли мгновения позже, чем кинжалы светловолосой, но именно его мечи принесли вторую, третью и четвертую смерти в этом лагере. Транс битвы наполнил его тело за половину шага и толкнул на кровавую тропу.

Меньше чем за двадцать ударов сердца все закончилось.

Последние трое нападавших, увидев резню среди сотоварищей, остановились и побежали в лес. Малышка Канна бросила Иавве единственное слово, а Йатеху указала на остальных обитателей лагеря, на женщин и детей:

– Собери их в одном месте. Быстро.

Он собрал, отрывая воющих женщин от умирающих мужчин. Он не испытывал к ним сочувствия – хотя он не был уже иссарам, не заслонял лица и не произносил *кендет'х*, непросто вырваться из привычного способа видения мира. Они приехали сюда на встречу, а значит, были гостями. Закон гостеприимства свят, а нарушение его имеет свою цену. Там, где Йатех рос, такие вещи воспринимали скорее сердцем, чем разумом, но, пожалуй, именно поэтому они оставались с человеком на всю жизнь.

А еще глубже, сильнее понимал он то, что племя, клан или род – по сути, единое тело, а значит, последствия неудачи должны касаться каждого. Эта группа наверняка выиграла бы, если бы их нападение удалось, а потому совершенно естественно, что они вместе принимают на себя и плату за поражение.

Теперь он стоял, опираясь на борт повозки, и наблюдал, как Иавва встает перед сбившейся группкой, совершенно равнодушная к их всхлипам, а Малышка Канна просматривает врученную ей старую книгу. Это за ней они сюда прибыли.

Девушка сидела на поваленном стволе дерева, держа манускрипт на коленях, а мужчина, преклонивший перед ней колени, не смел поднять взгляда. Кожаный корешок огромного, добрых двадцати дюймов высотой и пятнадцати шириной, тома было не обхватить одной рукой.

Такая книга, если бы оправить ее в благородное дерево, золото и драгоценные камни, стала бы украшением любого монастыря или храма и совершенно не подходила к лесной полянке вдали от человеческих обиталищ. Но его черноволосая госпожа казалась довольной.

– Как прошло Большое Собрание? – спросила Малышка Канна старика таким тоном, словно последние четверть часа ничего не происходило.

Мужчина открыл и закрыл рот, не издав ни звука.

– Приехали Неистовые Жонглеры и Акробаты Амзица? Помню их выступление три года тому. – Канайонесс засмотрелась куда-то в пространство. – Они были ослепительны. Особенно тот молодой блондинчик. Не знаю его имени, но ты должен понимать, о ком я, у него было разрубленное ухо, и он зачесывал волосы набок, чтобы это скрыть. Полагаю, совершенно зря, такой шрам добавлял ему шарма. Может, помнишь, как его звали? – Она одарила старика своей самой ослепительной улыбкой.

Йатех уже видел такие изменения настроения, и не один раз. Сейчас она выглядела молодой дамой, пытающейся, ластясь с очарованием подростка, выманить что-то у своего деда. Тем временем предводитель уже несуществующей театральной труппы смотрел на нее с лицом человека, который пытается очнуться от пугающего кошмара.

– О... – Девушка глянула на очередную страницу в книге, почти утратив интерес к старику. – Это нельзя использовать, обманщик рисовал с чужих слов.

Энергичным движением она вырвала листок и бросила его на землю.

– Ну так как, помнишь его имя?

Мужчина не ответил.

– Керу'вельн, подойди-ка.

Йатех вздохнул и отлип от стены повозки.

– Вынь меч.

Он вынул.

– Приложи к его уху.

Он исполнил приказание, видя, как в глазах Малышки Канны разгораются шаловливые искорки.

– Отрежь его.

Старик охнул и вздрогнул, а темный клинок слегка надрезал кожу и окрасился красным.

Йатех отвел меч от головы мужчины, коротко стряхнул его и вложил в ножны.

– Ты закончила?

Она улыбнулась снова – так, что любой бы растаял в той улыбке. Пока не заглянул бы в ее глаза.

– Снова непослушание?

– Не может быть непослушания в деле, которое вне клятвы на верность. Но... – он пнул старика, – я советую ответить. Моя вторая приятельница исполняет все, что велят.

Мужчина склонил голову.

– Лирин, – прошептал он. – Его звать Лирин, госпожа.

– Тот блондин с разрезанным ухом? Красиво. Звучит почти как *леуврее*, что на ангуанском значит «гордо идущий». А это бы ему подошло, он хорошо ходил по канату. Керу, сюда.

Он чувствовал дрожь под кожей, когда она сокращала его новое имя. Имя, на которое он отзывался, но к которому пока не привык, все еще думая о себе как о Йатехе д'Клеане. На самом-то деле ее развлечения и игры не имели для него особого значения. Но, когда она обращалась к нему таким-то образом, он знал, что, заглянув ей в глаза, увидит чешуйчатую тварь, вынырывающую, чтобы осмотреться, из глубин.

Он подошел, сосредотачиваясь на книге. Она не объясняла, что ей нужно, как раньше не говорила, отчего отправляется в это длинное, уже много дней тянущееся странствие, в конце которого они повстречали посреди леса группку актеров и фокусников. А он не расспраши-

вал. Прошло несколько месяцев совместного путешествия, еще чуть-чуть – и закончится его служба. Что будет потом? Он над этим не задумывался. Важно было лишь то, что он видел новый рассвет.

Том наполняли рисунки. Иллюстрации, выполненные, похоже, разными людьми, в разных манерах и на разных материалах. Йатех видел пергамент, покрытый завитками красной и черной туши, из которых только внимательный наблюдатель сумел бы выделить абрис горного хребта и присевшего на нем замка. Рядом, на толстой странице веленовой бумаги, был изображен городской закоулок, темный и душный, открываясь на небольшую площадь, наполненную лавками. Канайонесс переворачивала страницы, открывая ему новые картинки: город, залитый светом гаснущего солнца, перекресток с имперским верстовым столбом, скрытая в лесу приземистая халупа, сад с тысячу деревьев, обсыпанных бледно-розовыми цветами, скальный палец, торчащий посредине равнины, словно последний зуб в старческом рту, селение в долине.

Некоторые рисунки были выполнены с чудесным совершенством, передавали малейшие подробности и прекрасные цвета, другие представляли собой лишь серию пятен и штрихов, и только через некоторое время человек замечал на них абрисы мест и пейзажей. Они различались, как различались материалы, на которых их рисовали: от пергаментов, не всегда высокого качества, через бумагу – и до тонких деревянных досочек и кусков березовой коры. Он заметил даже нечто, что выглядело как кусок материи, покрытой воском, на которой некто кропотливо выковырял берег некоей реки.

Малышка Канна просматривала книгу страница за страницей, на миг останавливаясь на каждой картинке и внимательно в них вглядываясь. Порой она трогала рисунок пальцами или водила по нему ладонью, не обращая внимания на то, что размазывает краску. И хотя еще три страницы были вырваны и брошены на землю, выглядела она довольной.

– Хорошая работа, – похвалила она не пойми кого. – Я не ошибалась, что в актерах и фокусниках дремлют самые разные таланты. – Взглянула на Йатеха, приподнимая красивые брови. – Ты не спросишь, зачем нам книга?

Он пожал плечами. Уже несколько раз они путешествовали сквозь порталы, чьи врата были закорены в местах, размещенных на рисунках. Можно было не спрашивать.

– Не спросишь, – с некоторым весельем констатировала она. – Потому что знаешь, что мне хотелось бы, чтобы ты спросил. Делаешь это мне назло? Из-за чего? За вчерашний нагоняй?

Вчерашний нагоняй. Иавва не сражалась уже лишь кинжалами, использовала теперь еще и саблю, а он даже в трансе битвы едва мог отбивать ее атаки. Но он учился. Все время учился. Нет, в уроках их роли ученика и учителя не изменились, но он не переживал из-за поражений. А потому дело было не в очередном унижении.

– Нет. Просто мне не интересен ответ. Ты получила то, за чем мы пришли?

– Как видишь. – Она указала на книгу. – Даже больше. Некоторые из тех рисунков – истинные чудеса, куда их творцы вложили свои сердца.

– А это имеет значение?

– А как же, мой Носящий Мечи. Причем немалое.

В ее руках появился очередной рисунок, в котором Йатех узнал набросок, созданный уже мертвым бароном. Малышка Канна аккуратно разместила его между остальными рисунками, закрыла том и хлопнула по дереву обложки.

– Готово. Ну почти.

Взглянула на старика:

– Не хватает, по крайней мере, шести рисунков, которые я заказывала. Сколько групп не добрались?

– Три. Три, госпожа.

– Наипрекраснейшая Компания Салога, Три Брата и Собака – и?..

– Веселый Фендес и Его Девуцы, госпожа.

– Ах, верно, именно он. Была у него такая чернявка, у которой в пальцах жил талант рисовальщика. Я рассчитывала на ее рисунки гор Прощания. Они вообще добрались туда?

– Не знаю, – мужчина покачал головой. – Не приехали на Собрание.

– Знаю, ты уже говорил. – Канайонесс ласково улыбнулась. – Скажи, там было так же красиво и красочно, как и три года назад? Шатры, выступления, торговля фокусами, поединки акробатов и пожирателей пламени до самого утра?

– Да... да, госпожа. – Старик внезапно скрыл лицо в ладонях и расплакался тихими, рвущими уши всхлипами. – Так оно и было.

– И ты хотел бы туда вернуться? Через три года?

Он или кивнул, или согнулся еще ниже, всхлипывая.

– Так с чего тебе пришло в голову напасть на нас? Кто тебе о нас рассказал? Кто приказал схватить?

Тон ее голоса не изменился ни на йоту, но Йатех знал, что, взгляни он сейчас ей в глаза, увидит темноту. Ледяную и безжалостную.

– Погоди... У меня нет ни терпения, ни времени на такие вопросы. И у меня нет желания рисковать, что ты меня обманешь. Сделаем так...

Она даже не шевельнулась, а старик вдруг наклонился вперед и зарылся лицом в землю, словно кто-то наступил ему на загривок.

– Не двигайся, а не то я вырву тебе душу через нос и допрошу ее. Сколько их было?

Воин помнил, как она использовала такое с ним. Чувство, что ледяная рука сжимает его затылок, много раз будило его ночью. А ведь с ним она была ласкова, поскольку мужчина, воткнутой сейчас головой в землю, выглядел так, словно вот-вот умрет.

– Од... один... госпожа. На Собрании. Спрашивал... о черноволосяй девушке, странствующей с иссарским охранником. Спрашивал, не видел ли тебя кто, не слышали ли мы сплетен, не заметили ли чего-то странного...

– И он узнал что-нибудь?

– Узнал все. Все о всех, госпожа.

– Все о всех, – повторила она задумчиво. – То есть ничего. Он купил тебя?

– Нет. Я не знал, что он ищет тебя. Ты была с нами на Собрании три года тому. Вместе с трупой Сагели. А он представил тебя как свою ученицу. И только потом... по дороге сюда мы начали думать. Тот мужчина... спрашивал о странных вещах, о которых мы могли слышать во время странствий. Но странным было то, что ты сделала три года назад. Впервые кто-то заказывал рисунки мест, по которым мы проезжаем, причем – почти всем группам на Собрании. Заплатив половину золотом, авансом. А в этом году ты не приехала – просто послала известие, чтобы мы привезли тебе эти рисунки. Мы начали что-то подозревать. Госпожа, я... мы... не хотели тебе ничего дурного. Хотели мы лишь...

– Схватить и проверить, не меня ли ищут. И взять плату, если бы это и вправду так оказалось. Сколько он предлагал?

– Три... три тысячи оргов.

Даже если сумма произвела на нее впечатление, она не подала виду.

– За ту девушку и ее иссарского охранника?

– Только за тебя, госпожа. Только за тебя.

Йатех уловил уголком глаза ее довольный взгляд. Пожал плечами. Попытались, не удалось им, какое значение имеет, кого они хотели убить?

Канайонесс наклонилась над стариком:

– Кем он был? На самом деле? Знаю, что знаешь – или догадываешься.

– Крыса... Имперская Крыса, госпожа.

– Ты уверен?

– Дамнэ... Великий Жонглер... вождь Собрания так сказал. Собрал всех главных труп и сказал, что это Крыса и что и волос с его головы не может упасть. Никакого несчастного случая с вилами или под копытами коня. Сказал, что получил слово из самой Норы, что не время для шуток. И все. Тебя ищет Империя, госпожа.

Медленно поднялся, а скорее, это она позволила ему подняться, и взглянул ей в глаза. Она улыбнулась.

– Меня? – Холодная жестокость лжи резала, словно нож. – А с чего тебе пришло в голову, что я – та самая девка, о которой речь? Мой охранник не заслоняет лица, как иссары, а моя приятельница происходит из места, о каком ты даже не слышал. Они ищут не меня. Мне жаль.

Пожала плечами, и, пожалуй, именно простота ее жеста окончательно сломила старика. Мужчина скорчился, будто произнесенные слова стали пинком ему в живот, а через миг он снова поднял голову, но смотрел не на Маленькую Кану, а на тела двух юношей, лежащих в таких позах, словно сморил их внезапный сон.

– Да, – Канайонесс кивнула. – Они умерли зря. И это твоя вина. Если бы ты доставил картины и взял деньги, завтра вечером вы бы пропивали их. А так...

– Су-у-у-ука-а-а!!!

Демон, которого Йатех ранее заметил в глазах той женщины, пробудился с рыком. И не один. Воин едва успел повернуть голову и потянуться за мечами, когда две, три – нет, все четыре женщины с рычанием вскочили и бросились на Иавву, выкрикивая что-то голосами, наполненными безумием. Ее кинжалы были быстрее атакующей змеи, но казалось, что уколы молочных клинков не произвели на напавших никакого впечатления.

Женщины сумели добраться до нее, у двух были ножи, третья сжимала в руке камень, а четвертая – палку. Опрокинули девушку, и вся пятерка покатилась по земле.

Скрежет клинка, вытягиваемого из ножен, заставил Йатеа остановиться на полушаге, развернуться и ударить. Так быстро, что кривые клинки словно стали полосой тени, а старик наткнулся на эту тень и оказался ею разрубленным. Нож выпал у него из пальцев.

Малышка Канна взглянула на Йатеа – нет, сквозь него, в сторону остальных пленников, а темнота наполнила ее глаза.

– *Огхор.*

Это было слово, которое она произнесла, когда трое мужчин пытались сбежать в лес.

Убей.

Он развернулся и бросился в сторону Иаввы.

Светловолосая как раз поднялась с земли, лежащие рядом с ней тела выглядели так, словно сотня пьяных фехтовальщиков испытывали на них остроту своих клинков, и уже бежала к детям. Промчалась между двумя самыми старшими, которые пытались вскочить и броситься наутек, а кинжалы ее описали короткие дуги, и мальчик с девочкой закрутились в медленном, жутком пируэте, а потом они упали, тоже медленно, с глазами, наполнившимися колышущимися над ними деревьями.

Мальчик – может, лет шести – распахнул рот для крика, но тот не родился, белый клинок задушил крик, ударив мальчугана в шею. Двое следующих детей умерли, не успев и моргнуть, – две маленькие куколочки, которым кто-то обрезал шнурки.

Иавва притормозила и развернулась к двум оставшимся: пятилетней девочке, чья мать выбрала смерть, и малышу неясного пола помладше. В глазах детей не было и искры сознания.

Йатех на бегу сунул *ифиры* в ножны, подскочил к девушке и толкнул двумя руками.

Та полетела назад, превратив падение в переворот через плечо, словно – помилуйте нас, боги, – последние месяцы именно это они и отрабатывали, а после встала перед ним с кинжалами в ладонях. Он подскочил и атаковал ее снова. Она увернулась, но он успел ухватиться за

свободную одежду на ее груди и дернуть. На этот раз пригодился его большой вес, выбил ее из равновесия, подсек ноги и швырнул через бедро.

Она сама его такому научила.

Иавва плавно кувыркнулась и снова встала перед ним.

Но впервые за много дней взглянула ему прямо в глаза.

Светлое лицо, светлые волосы, брови и ресницы. И радужки настолько бледные, что в солнечном свете сливались с белками. Как сейчас. Две черные точки зрачков смотрели на него внимательно, с твердостью, редко встречаемой даже на тренировочной площадке.

Иавва всегда смотрела именно так. Одеваясь, подкладывая в огонь, наливая вино в кубок и глядя на кружащих в небе птиц. Словно всякое действие, даже самое простое, требовало всего ее внимания. Малышка Канна однажды сказала, что их спутница является тем, что делает здесь и сейчас.

А сейчас она убивала.

И смотрела прямо на него:

– Это называется дилемма.

Голос Канайонесс раздавался откуда-то слева, Йатех не рискнул взглянуть туда. Стоит моргнуть, и Иавва метнется к двум оставшимся детям. Он потянулся за *ифиром*, одним – если хотел ее удержать, а не убить, то нужно было иметь свободную руку.

– Она знает, что тебя нельзя убивать или калечить. Но одновременно она получила приказ и не может его исполнить. Повнимательней с мечом, если ее ранишь, она перестанет быть добренькой.

Йатех не ответил, глядя на противницу. Черные шпильки зрачков сверлили его.

Двинулась она внезапно, без малейшего сигнала, сделала полшага влево, а когда он качнулся в ту сторону, бросилась в другую. Но он знал этот фокус, уже видел его раз-другой, а потому лишь протянул руку, поймал девушку за короткие волосы и остановил: от рывка у нее хрустнули позвонки.

– Ой-ой-ой, это было больно.

Он проигнорировал Малышку Канну. Потянул Иавву назад и снова встал между ней и детьми:

– Отзови ее.

– Зачем? Это они на нас напали. Ты никогда не слышал, что во враждебном племени убивают и детей с женщинами? Чтобы не выросли мстители. Твой народ тоже так делает.

– Это другое.

– Почему?

Он не мог ответить. Иногда, особенно во время хоровода кровавой мести, который вырывался из-под контроля так, что даже железные цепи Закона Харуды не могли удержать, иссарам тоже убивали врагов до последнего человека. Но случалось это исключительно редко, Йатех не слышал о таком ни при своей жизни, ни при жизни своих родителей. Тут было иначе. Эти дети не могли сопротивляться, а вина их стала виной уже мертвых родственников.

– Сперва ты приказываешь мне забыть, откуда я происхожу, а потом пытаешься убедить – чем? Законами народа, к которому я уже не принадлежу? Я уже не иссар. Я Керу'вельн, я всего лишь ношу твои мечи.

По знаку, которого он не видел, светловолосая убийца спрятала кинжалы и застыла в неподвижности. Знал, что это тоже не имеет значения.

– Просто оставь ее, – добавил он. – Ты получила, что хотела, давай просто уйдем.

– Нет. – Голос Канайонесс обрел новые мрачные тона. – Я не настолько жестока.

Иавва двинулась, в руке ее блеснула сабля. Йатех отбил один, второй, третий удары, она добралась до него, пнула в колено, толкнула плечом, наступив на ногу. Он полетел на спину, продолжил движение, превращая его в переворот через плечо, на миг потерял девушку из виду.

Движение слева.

Легкое, как падающий лист, прикосновение.

Блок быстрее мысли.

Черный клинок, превращающийся в дымную полосу.

Тихий писк.

Он замер в приседе, с мечом, остановленным в каком-то неестественном полудвижении, глядя на обсидиановый клинок. Только на него.

Чтобы не смотреть на то, что лежало в трех шагах дальше, держась за рассеченный живот. На то, что бесшумно корчилося в позе зародыша, замирало, трясясь в судорогах.

– Иавва, стой. – Казалось, голос Малышки Канны доносился издалека, из-за толстой завесы. – Оставь.

Воин посмотрел на светловолосую, стоявшую почти на расстоянии меча, с телом последнего ребенка у ног. Сабля ее окрасилась красным.

Девочка, которую он ранил, свернулась, обняла колени руками. Прикрыла глаза.

– Уезжаем. Сейчас же. Иавва со мной. Ты можешь остаться, чтобы прибраться.

Он даже не взглянул в ее сторону.

– Это удаленное место, – продолжала она. – Миль тридцать до ближайшего села. Лисы, волки и одичавшие псы скоро будут здесь. Посмотри на небо, герольды стервятников уже несут вести.

Ему не было нужды смотреть, хриплые голоса воронов и ворон уже некоторое время слышались с ветвей.

Он встал, встряхнул клинок и сунул его в ножны. Услышал фыркание лошадей и скрип упряжи.

– Мы едем на юг тропой, которая тебе известна. Встанем на постой там, где и в прошлый раз. Пospеши, или тебя опередят волки.

Мягкий стук копыт по подлеску начал отдаляться.

Йатех подошел к девочке и встал на колени. Она не открыла глаз и даже не вздрогнула под его прикосновением. Дышала неглубоко.

– Я расскажу тебе сказку, – прошептал он, хотя не был уверен, что она его слышит. – О пустынном лисе, его жене, потерянных детях и духе солнца. Не бойся, сказка не длинная. И все закончится хорошо. Все там возвращаются домой.

Он сильнее ухватился за рукоять *ифиры*.

Глава 6

Солнце заходило невыносимо долго, золотые, а потом и красные отблески с небывалым упорством буравили темную синеву неба, словно эта битва между светом и тьмой должна была стать последней в истории мира. Закоулки портового района, если эту пару десятков улочек кто-то мог бы назвать районом, смердели сегодня сильнее обычного, а тени, в них лежавшие, казались зловещими. Альтсину вдруг почудилось, что он не должен туда входить. Он скрикнул, сплюнул на камни, вызвав удивленный взгляд брата Найвира, и двинулся вперед.

Еще одно уклонение.

Каману выстроили над природным портовым бассейном. Из берега, почти везде заканчивающегося отвесным клифом, в этом месте выходил пояс скалистого полуострова, длинного и узкого, серповидно отрезающего фрагмент моря шириной в четверть и длиной в половину мили. Единственный выход в залив был неполных триста ярдов диаметром и отделялся скалистым островком, на котором стояла каменная сторожевая башня, снабженная катапультами и баллистами. Во время отлива, когда портовый бассейн почти превращался в озеро, к ней можно было добраться морем, бредя по колени в воде. К тому же Совет города некогда выделил целое состояние, чтобы перегородить выход еще несколькими искусственными островками, так, чтобы лишь четыре корабля одновременно могли входить в порт – или его покидать. Именно потому несбордийцы не напали на город со стороны моря. Даже они оказались не настолько глупы.

Но полуостров, благословение для кораблей, что укрывались за ним от океанского гнева, одновременно отрезал низкие районы города от морского бриза. Три соседних с морем района, Портовый, Рыбацкий и Плотничий, даже во время штормов дышали воздухом, который вонял, словно испарения над проклятым погостом. Гнилая рыба, старый ил, прелые водоросли и – естественно – грязь со всего города. Канализации в Камане не было, а потому, согласно решению Совета, все нечистоты и отходы надлежало вывозить в бочках за стены и сбрасывать в море. В теории, естественно, поскольку стоило это дорого, а люди привыкли такие проблемы решать по-своему. Чаще всего открывали ночью окна и выплескивали все в канавы, откуда оно медленно и неторопливо стекало вниз.

Портовый район находился ниже остальной части города, мощеные дороги порой опускались так отвесно, что для того, чтобы поднять товары наверх, использовали носильщиков, поскольку животные не сумели бы вытянуть повозки, а потому все, что попадало в канавы в высоких районах города, естественным образом в конце концов стекало сюда. В результате каманский порт считался самым безопасным в мире; моряки утверждали, что в нем невозможно утонуть, потому что вода обладала густотой масла, и что если кто-то сумеет достаточно быстро перебирать ногами, то без труда сумеет дойти по ее поверхности до самого берега. К тому же припортовые районы страдали болячкой всего города – недостатком места, – и каждый дюйм пространства был важен и здесь. Даже таверны в этом районе возвышались на пять этажей, а склады нависали над ними, словно мрачные старики над группкой расшалившейся молодежи.

Было тут узко, темно, смрадно и липко. Такой городской крысе, как он, следовало чувствовать себя здесь как дома.

Альтсин тихо выругался, когда поскользнулся в третий раз, хотя они едва вошли на территорию порта. Предпочитал не думать, по чему он идет. Если в течение пары следующих дней не начнется дождь, этот слой вонючей грязи местами достигнет нескольких дюймов. Единственное, что Альтсин мог сделать, это высоко подвернуть рясу; сандалии придется мыть и сушить несколько дней. Брат Найвир взмахнул руками и, чтобы не упасть, оперся о ближай-

шую стену. Охнул, застонал и отклеился от нее с заметным чавканьем. В этом районе, похоже, нечистоты тоже выплескивали за окна.

– Опя-а-а-ать?.. Прекрасная Госпожа в Бесконечной Доброте, отчего ты так испытываешь своего сына?

– Сумки целы? – прогудело из темноты.

– Да, брат, да. – С большей злостью произнести это было бы невозможно. – По твоему совету, я передвинул их на грудь.

– Человек, падающий на лицо, обопрется руками, а кто падает на спину – нет.

– Еще одна мудрость из твоей книги?

– Естественно. – Голос из темноты не казался обиженным. – И какая из этого следует мудрость?

– Без понятия. – Брат Найвир, похоже, пытался встать так, чтобы липкая ряса не клеилась к телу, а худощавое лицо его, увенчанное шапкой кое-как подстриженных светлых волос, выражало целую гамму эмоций, от отвращения до отчаяния. – Ах, погоди, я знаю. Безопасней иметь большую жопу, чем большое пузо, верно? Или... если у тебя нет рук, то и дело станешь падать мордой в грязь?

– Это тоже. Но мудрец сказал бы, что лучше упасть, идя вперед, чем отступая. Брат Альтсин?

Вор вздохнул и передвинул свои сумки на живот. Домах из К'ельна был как прилив: спокойный, мягкий и такой же неуступчивый. Уж если что-то вбивал себе в голову, напоминал, просил, выражал вежливый интерес и столь же вежливо настаивал, пока все не складывалось по его мысли.

С самого начала он заявил, что если уж Альтсин решил отыскать покой в ладонях Милосердной Госпожи и надел рясу, если он работает и молится с остальными, то Домах станет называть его братом, хотя формально это не соответствовало правилам ордена. Кого-то такого, как вор, кто не приносил монашеских клятв, надлежало именовать гостем или ждущим. Но для брата Домаха Альтсин стал «братом Альтсином». И точка, никаких отступлений. Как и с сумкой с хлебом: она должна оставаться на животе, чтобы уберечь ее во время падения. И лучше уступить сразу. А хуже всего, что, если б вор не послушался и измазал груз, Домах даже не скривился бы, не стал драматически вздыхать и стонать: «Я же говорил». Он просто улыбнулся бы ласково, помог ему подняться, отобрал сумки и сам бы их понес.

Мало существует вещей более раздражающих, чем люди, которые правы – и не упрекают никого в этом.

– Готовы?

– Да, брат. – Найвир закатил глаза и отказался от попыток отлепить рясу от тела. – Пойдем.

Вор повыше поднял масляную лампу. Стены блеснули островками отпадающей побелки, залоснились влажными лишаями разнообразнейших цветов. Самые низкие окна находились в добрых двенадцати футах над уровнем улицы, уже тем самым став серьезным препятствием для грабителей, но решетки на окнах давали понять, что хозяева предпочитали подстраховаться. Умно.

Они двинулись в глубь улочек портового района. Вор ставил ноги широко, ища в свете лампы на мостовой места, которые лоснились меньше. Брат Найвир старался шагать след в след. Тени их прятали во мраке остальную часть улочки, а потому о присутствии третьего монаха свидетельствовал лишь отзвук регулярного шлепанья – а вернее, плеска – его обуви. Альтсин поднял голову. Окрестные дома, главным образом склады и ночлежки портовых работников, вставали в шесть этажей, вверху поблескивала мгlistым пояском узкая полоска звездного неба. Все окна были темными, когда б не лампа, шли бы они словно по дну узкого

ущелья. В таких местах легко устраивать засады, враг может затаиться наверху и превратить улицу в смертельную ловушку. Несколько лучников, чуть-чуть камней...

Уклонение.

Он усмехнулся, и рождающийся в нем гнев исчез в этой улыбке. Нет, он не станет злиться на каждую странную мысль и ассоциацию. Гнев не поможет, а единственным его эффектом станет чувство, что он строит из себя идиота. Придет время решения дел с этим сукиным сыном, влезшим ему в голову, и, когда вор сумеет извлечь его из головы, лично отпинает по божественному за... по душе.

Он улыбнулся еще шире, радуясь, что двое братьев этого не видят. Так было лучше. Как там советовал Явиндер? Тот проклятуший *авендери* мертвого бога, у которого даже имени не было? Коли его, раз за разом коли его стилетом, пока он не отступит. Стоило предупредить, что лучший стилет – это тот, который кривит твою физиономию мерзкой улыбочкой. По крайней мере именно тогда вор чувствовал, что становится собой.

Шлепанье Домаха вдруг стихло. Они остановились.

– Ступайте вперед, у меня сандалия развязалась, сейчас вас догоню.

Альтсин пожал плечами и зашагал дальше. По сторонам улицы появились первые закоулки, темные, словно мысли самоубийцы. Альтсин подошел к первому из них и трижды зазвонил в маленький колокольчик. Тишина. Во втором и третьем переулке – тоже. Зато в четвертом что-то шевельнулось.

При виде двух мужчин, держащих в грязных лапах деревянные, набитые ржавыми гвоздями палки, ему захотелось улыбнуться. Снова?

Но он лишь отступил на несколько шагов, широко разводя руки.

– Мы братья из собрания Бесконечного Милосердия Великой Матери, – пояснил Альтсин, словно они не видели, кто перед ними. – Мы разносим теплую пищу убогим.

Шум за спиной заставил его оглянуться. Еще двое грабителей отрезали ему и Найвиру путь к бегству. Ловко. Простецки, но ловко.

Говорили, что монахи некогда в одиночку входили в переулки, но с той поры, как нескольких нашли нагими, избитыми и ограбленными, без рясы, приор высылал их на раздачу милостыни тройками. Похоже, это не всегда останавливало нападающих. Вор обменялся взглядом с молодым монахом. Мелкий и худой Найвир едва доставал ему до плеча. Слабый противник даже для одинокого бандита, и, наверное, потому все четверо тарасились на Альтсина. Тот вздохнул.

– Эт'лано, господинчики. – Самый низкий из нападавших ухмыльнулся, открыв удивительно белые и ровные зубы. – Пот'му, шо мы убоги, так убоги, шта аж эге-гей, пузо у нас к хребтине прил'пло, в башках от голода крутится, ручки наши на все ст'роны трясутся, вона...

Он выставил перед собой руку, в которой держал палку. И правда, кончик ее немного дрожал.

– Да и потеря у нас тут случимшись, т'кая потеря, шта у человека душу ломит и сердце, – вздохнул он драматически. – Но шта ж, б'ло и прошло, зато милость Близнецов прямо на добрых людей нас повывела, тех, шта охотно стр'ждушим подмогают. Стал быть, нам типа.

Его товарищ кисло и неприятно скривился и добавил:

– Так мы б о подмоге попросили. – Говорящий не мог похвастаться здоровыми зубами, как его приятель, но, похоже, чувство юмора у него было схожим. – Эти сумки со жрачкой, шоб брюха детишек наполнять, рясы, шобы мерзнущие спины согреть, обувки – и ништо, шта вонючие, мы не переборчивы.

– Брат Найвир? – Вор, не спуская глаз с обоих грабителей, расслабил плечи и старался не ухмыльнуться слишком провокационно. – Полагаю, что это матросы с какого-то вшивого корыта, которые сошли на берег и ищут быстрого заработка. Местные знают, что наши рясы продать нельзя. Видно, утром их шаланда выйдет в море, а значит, они полагают, что толкнут

их где-то на континенте. Судя по одежке, особенно по тем черным штанам, акценту и тем, что клянутся Близнецами Моря, они с окрестностей Ар-Миттара. А учитывая отпечатки весел на ладонях, они наверняка из экипажа галеры, которая вчера привезла кувшины и стеклянные кубки. «Черная Чайка». Я прав?

Грабители распахнули от удивления рты.

За спиной Альтсина кто-то охнул, раздался звук, словно столкнулись две зрелые дыни, а потом – будто на землю упали два мешка с зерном.

– Брат Домах?

– А *Каменоэлеварренн* говорит, – голос монаха не изменился ни на йоту, – что позор уступать злу, склонять перед ним голову, падать на колени, прикрываясь нелюбовью к насилию. Потому что зло, которому ты не противостоишь, вырастет, окрепнет и пойдет в мир, обижать других. А их обида станет твоей виной.

Палка, вытянутая к Альтсину, задрожала и опустилась. Владелец ее уставился над плечом вора и выглядел так, словно увидел свою смерть.

– Выживет ли это зло?

– Конечно, брат Альтсин, иначе как бы оно могло изменить свой путь?

– Хорошо. Вы. Эй! Вы! – Альтсину пришлось повысить голос, чтобы привлечь внимание неудавшихся бандитов. – Может, в это не просто поверить, но брат Домах бежит быстрее гончей. Я бы и сам не сбежал, даже дай он мне милую преимущества. Бросайте оружие.

Палки стукнули о землю почти одновременно.

– Это третий раз за последние четыре месяца, когда на нас нападают. И всегда понаехавшие, матросская рвань, которая и у безоружной женщины с ребенком у груди последний грош из руки вырвет. Мы из-за вас теряем время, вы это понимаете?

Ответом была лишь тишина, взгляды, устремленные за его спину, нервные сглатывания.

– Это вопрос!

– Э-э-э... – Матрос понижает, похоже, и правда собирался ответить.

– Нет. – Альтсин чувствовал, как проклятый ледяной поток, который иной раз наполнял его вены, появляется где-то в районе солнечного сплетения и с каждым ударом сердца растет все шире. Удивился, что изо рта его, когда дышит, не вырываются облачка пара. – Не стони. Ты ведь согласен, что убогие требуют помощи? Просто кивни. Хорошо. Тогда раздевайся. И твой приятель тоже. А потом разденьте своих товарищей. Хорошие штаны и рубахи пригодятся всякому. Вперед!

Несколько ударов сердца мужчины стояли совершенно неподвижно. Грабить группу монахов – но быть ограбленными группой монахов...

Альтсин не мог видеть, как брат Домах сделал шаг вперед, но стоявшие перед ним мужчины вдруг сильно побледнели и принялись раздеваться. Никто из них даже не подумал потянуться за ножами, которые они носили у пояса.

– И ботинки. Найдем для них нового владельца. Дайте вещи брату Найвиру. Хорошо. А теперь – тех двоих. Быстро!

Собственно, ему не было нужды повышать голос, хватило решительного тона и соответствующего акцента. Через минуту Найвир прижимал к груди четыре пары штанов, четыре пары матросских ботинок и четыре рубахи. Ножи лежали на брусчатке у его ног. Выглядел он... довольно потешно с этим удивленным выражением лица.

Альтсин задумался, не приказать ли матросам отдать и набедренные повязки вместе с шерстяными носками, но решил, что это была бы уже жестокость. Кроме того, брат Домах как раз издал нетерпеливое пофыркивание, которое прозвучало словно за спиной у вора засопел рассерженный бык.

Он обернулся.

Домах из К'ельна утверждал, что происходит с юга, с места, лежащего далеко за пустыней Травахен, из одного из городов-государств, занимающих западное побережье континента и жмущихся к нему островов. Государства эти, естественно, обладали своими названиями, но, во-первых, обычный меекханец откусил бы себе язык, пытаясь их произнести, а во-вторых, как говорили моряки, тамошние границы и династии менялись быстрее, чем хорошая девка меняет клиентов. Вроде бы столица одного из государств звалась К'ельн, а Домах был жрецом местного культа Баэльта'Матран. Но все это не имело никакого значения, когда человек оказывался против него лицом к лицу и начинал задумываться, за какие грехи боги поставили на его пути этого монаха.

Брат Домах имел семь футов и четыре дюйма роста, а из рясы его можно было бы поставить шатер для полудюжины людей. Темное лицо с орлиным носом и дикими глазами украшали два ритуальных шрама, создавая на правой щеке нечто вроде примитивной пиктограммы. Черную бороду, доходившую до середины груди, он заплетал в грубую косу, зато голову брил налысо. При этом в плечах был широк, словно... эх... Милостивая Госпожа некоторым не жалеет ничего.

– Ты закончил с ними, брат? – снова этот голос, спокойный и вежливый.

Альтсин почувствовал, как стекает с него раздражение, а лед в венах тает.

– Да, брат Домах. Я закончил.

– У нас есть работа.

– Знаю. Пойдем.

Темнокожий гигант отступил в темноту и через миг вынырнул из нее с котлом, полным юшки. Десятигаллоновую емкость, обернутую в толстый плед, он держал одной рукой так, словно была это крохотная корзинка с печеньем. Вор оглянулся через плечо. Неудавшиеся грабители исчезли, забрав своих приятелей. Только ножи лежали на земле. Он пнул их под стену, где те утонули в слое липкой грязи.

Пора возвращаться к работе.

– Ну и голос у тебя был.

– Что? – Он глянул на Найвира.

– Голос. Словно у офицера, что муштрует свой отряд. «Нет! Не стонать! Раздеваться!» – Молодой монах смотрел на Альтсина с улыбкой. – Ты служил в армии?

Гнев ударил вора, словно раскаленная докрасна цепь. Он прыгнул к Найвиру так быстро, что тот отшатнулся и уселся на мостовую, все еще прижимая к животу трофейную одежду. Конечно, дело вовсе не в том, имел ли Альтсин что-то общее с армией или войной. Скорее, в том, что был он, чтоб его разорвало, – пусть и частично, но был! – квинтэссенцией войны, одной большой, проклятушей и ужасающей резней, в которой не важны никто и ничто и которая шла поколениями, засасывая, пережевывая и стирая в пыль, словно проклятый водоворот, миллионы, а этот недоделанный полуумок, как ни в чем не бывало, спрашивает, имел ли он что-то общее с армией, с любой из армий, а я, головой твоей полком тяжелой пехоты трахнутой матери, сам был гребаной армией! Чувствовал каждого ее солдата, от барабанщиков и трубачей до элиты элит, сраных ветеранов, я истекал с ними кровью, плакал и умирал, поднимал им дух, убирал страх и наполнял сердца раскаленным железом! Мы сражались, чтобы сдерж...

Уклонение!

Нет! Нет, сукин ты сын!

Волна льда наполнила его вены, жар и холод сошлись в схватке. Он остановился на половине движения, медленно вытянул руку и помог монаху подняться.

– Пойдем, – проворчал вор.

Остаток ночной работы прошел почти в полном молчании. Они шагали улицами-каньонами, освещенными лишь сиянием их лампы, а серые стены наклонялись над ними, как укоры совести. Они навевались в проулки поблизости от таверн, единственных точек в районе,

где пульсировала жизнь, а шум и свет, выплескивавшиеся из окон, ломали впечатление, будто монахи странствуют по некоему некрополю; они входили на самый берег залива, к воняющей как-бы-воде, на которой нечистоты из всего города создавали слой в два дюйма толщиной и где море лишь в нескольких десятках ярдов от берега взблескивало небольшими волнами. Всюду они вкладывали в трясущиеся ладони хлеб и сушеную рыбу, наполняли миски нищих теплым супом.

Также монахи оставили страждущим и матросскую одежду и обувь. Альтсин, как всегда, удивлялся, сколько голодных и замерзших бедняков ждало их в порту, но удивляться-то не стоило. Если в Камане кому-то не везло и у него не было денег, чтобы оплатить корабль на континент, город становился ловушкой. Из районов, расположенных выше, бездомных и нищих гнали городские стражники, а потому несчастные скатывались на самый низ, странствуя вместе с нечистотами в сторону порта. Потому что лишь здесь могли найти полусожженный склад, рыбацкую хибару или просто кусок менее грязной брусчатки и существовать там, рассчитывая на...

На чудо.

Было в таком нечто горькое и символичное, гигантское богатство, возвышающееся над бесконечным несчастьем.

Вор погрузился в работу, полностью сосредоточился на ней, не одаривая сотоварищей даже коротким взглядом, а они, ощутив, похоже, его настроение, ни о чем не спрашивали. По мере того как из котелка исчезал суп, а сумки становились все легче, его покидал и гнев. Найвир нарушил неписаное правило, велевшее не расспрашивать и не пытаться гадать вслух, какой каприз Владычицы Судьбы загнал человека в попечительные ладони Великой Матери. У каждого из монахов была своя тайна, большинство их искали в расположенном на краю мира монастыре тишины и покоя, а кое-кто – и искупления вины. Говорить о чужом прошлом было дурным тоном.

Но брат Найвир – это брат Найвир. Можно подозревать его во многом, но только не в злой воле.

Альтсин без предупреждения остановился – так, что идущий за ним ткнулся в его спину, – поднял лампу повыше, словно желая внимательней присмотреться к чему-то, спрятанному в тенях.

– Брат Найвир...

– Да?

Вор услышал, как тот сдерживает дыхание.

– Я не служил ни в какой армии или вольной компании, я не был атаманом разбойников. Но если еще раз спросишь меня о прошлом, я проверю, нельзя ли использовать чью-то дурную башку вместо мяча.

– Эй, я привязан к своей голове.

– Я не говорил, что будет легко. И не говорил, что отделю ту башку от тела. Это испортило бы все развлечение.

Брат Найвир тихонько вздохнул.

– Догадываюсь, брат Альтсин, – согласился он смиренно.

Они пошли дальше; вор чувствовал, как с каждым шагом его покидает ярость. И желание обернуться, вмазать идущему позади брату лампой по голове, а затем найти ближайший корабль и покинуть Каману. Поплыть на континент. В Понкее-Лаа. Это был чуть другой приступ. Непредвиденный и резкий, он впервые за несколько месяцев начал думать о себе в первом лице, словно воспоминания Реагвира оказались его собственными воспоминаниями. Это плохо... очень плохо.

Нужно как можно быстрее отыскать сеехийскую ведьму.

Завтра он встретится с людьми Райи, и хорошо бы им иметь для него новости. Лучше что-то вроде: да, мы ее нашли, она в городе, продает магические порошки, которые позволяют быстро и безболезненно избавляться от старых богов в головах.

По сходной цене.

Он легонько улыбнулся. Так-то лучше. Пока он может шутить – все в порядке.

Еще несколько улочек – и они возвратятся в монастырь.

* * *

Наткнулись на них в конце своих трудов, когда котелок супа был почти опустошен, а сумки с едой опорожнены. Миновала полночь, а насколько они устали, свидетельствовало то, что Альтсин давно не ощущал никаких запахов и не обращал внимания, по чему бредет, а брат Найвир уже какое-то время не отзывался. Что бы там ни говорили о ночных странствиях, были они утомительны.

Они лежали посредине улочки, два абриса, напоминавшие в свете лампы две кучи тряпья и кусков дерева, выброшенных на берег по капризу моря. Большой и маленький. А скорее – маленький и еще меньший. Альтсин остановился и в течение нескольких ударов сердца смотрел, пытаясь понять, что он, собственно, видит. Только через какое-то время разглядел худые руки и ноги. Блестящую кожу, заслоняющий лицо колтун темных волос, серые лохмотья, будто их сшили из кусков прожеванных шкур. Женщина? Девушка? Пожалуй.

И ребенок.

Первым его обошел брат Домах, семь футов и четыре дюйма милосердия и внимания. Наклонился, потом присел, ласково отводя лежащей волосы с лица. Проверил пульс, сперва на запястье, полностью исчезнувшем в его лапище, потом на шее. Решительным движением стянул плед, хранящий в тепле котел с супом, и укрыл девушку.

– А ребенок?

Большой монах поднял тело поменьше, встряхнул его. Деревянные руки и ноги стукнули, мешковатый корпус бессильно обвис. Кукла. Вор прикрыл глаза: «Вот сучья лапа, – подумал он, присматриваясь к девушке, очередной жертве мечтаний о богатствах Каманы, лишившейся иллюзий и заканчивающей жизнь в порту, – я дал себя обмануть. Нужно найти ей какое-то убежище и, пусть уж, оставить ей плед».

Он произнес это вслух.

– Нет. – Домах покачал головой. – Мы должны забрать ее к приору.

– И переодеть в молодого брата? Я слышал разные сплетни о монастырях – и вот наконец-то одна оказывается правдивой. – Альтсин позволил себе толику сарказма. – Мы не можем забирать все, что находим на улице, потому что за стенами нам не хватит места.

– Это не вещь, брат Альтсин.

– Я этого и не говорил.

– Знаю. Прости. А теперь взгляни.

Монах открыл бедро девушки. Высоко, на внутренней стороне, почти у паха, кожу уродовало темное клеймо.

– Знак галеры? – Найвир тоже прошел мимо вора, склонился и прочел: – Ар-Миттар. Восточный Порт. Собственность компании Кода. Хм. Он не выжжен. Необычно.

Именно. На миттарских галерах служили как вольнонаемные, так и невольники. Имперское право, запрещающее рабство, никогда не охватывало Ар-Миттар, а потому галеры, входившие в этот порт, в экипажах своих имели, кроме свободных матросов, еще и закованных в цепи несчастных, грязных, ободранных и истощенных рабов, с клеймом галеры, выжженным на коже, и со спиной, знакомой с кнутом.

Но женщин среди них не было никогда.

Странно.

– Так что? Заберем ее в монастырь и отыщем того Кода? Чтобы вернуть ему его собственность?

Кто знает, понял ли брат Домах насмешку. Миттарские торговые компании насчитывали по несколько сотен кораблей, и обычно названия их не имели ничего общего с настоящими владельцами. Разобраться, какой из кораблей, причаливших в порту, принадлежит компании Кода, было почти невозможно, если только капитан его сам не захотел бы в том признаться. Но гигант проигнорировал сарказм и просто взглянул в глаза Альтсину. Обычно Домах и так пробуждал инстинктивный страх, но увидев неудачные грабители его глаза сейчас – наверняка бы напустили в портки со страха.

– Это не собственность, брат Альтсин, – грозно проворчал монах. – Человек не может быть чьей-то собственностью.

– Потому-то приор и не посылает тебя в порт, когда в нем причаливают невольничьи галеры. Камане не нужна война с Ар-Миттаром. Почему ты хочешь ее забрать?

– Подойди и взгляни. – Гигант сильнее открыл лицо девушки.

Светлая кожа, пусть и грязная как не пойми что, высокие скулы, миндалевидные глаза, узкий подбородок. Чтоб его!

– Это невозможно. Они не могли оказаться настолько глупыми.

– Нет? У нее следы от веревок и кнута.

Мощный монах указал на запястья и щиколотки девушки, снял плед и обнажил ее спину. Та тихонько застонала, веки ее затрепетали, Домах тут же склонился и поднял ее с земли, прижал к груди. Словно держал на руках маленького ребенка.

– Они точно не нападали ни на какое поселение, – проворчал он уже тише. – Но если бы наткнулись на лодку вдали от берега? Или выловили бы ее в море? Закон Ар-Миттара гласит, что выловленное в море – принадлежит капитану.

Вор посмотрел на удерживаемую Домахом девушку:

– Она сбежала от них? Могли рассчитывать, что вывезут ее на континент и продадут в каком-то из северных городов. Или что поплывут на юг, к вам или дальше, к Даэльтр'эд. Там за молодую рабыню из экзотического племени можно получить столько, сколько за хорошего скакуна.

Найвир смешно сморщился:

– Не понимаю.

Альтсин вздохнул:

– Взгляни на нее. Не как монах. Она... была красивая, очень красивая. Сеехийки считаются исключительно красивыми женщинами. Некоторые мужчины готовы много заплатить за такую наложницу. Проклятие, ты раздаешь хлеб и суп женщинам, зарабатывающим на жизнь передком, а миг назад ты читал знаки, которые у нее без малого между ногами, а потому можешь теперь не краснеть. Я готов поспорить, что именно затем их и не выжгли железом. Не хотели портить кожу. – Вор скрипнул зубами. – Сучья лапа! Домах прав. Нельзя оставлять ее здесь, потому что к утру может стать известно, что в порту – сеехийская девушка, а посчитай ее родственники, что Камана имеет с похищением нечто общее... Мы заберем ее в монастырь, приор сообщит Совету. Пусть проведут расследование, какой из капитанов настолько глуп, чтобы рисковать сеехийской родовой мстью.

Интерлюдия

Ехали молча. Уже много часов они ехали молча, и тишины этой никто не собирался прерывать. Ему это не мешало. Он помнил... сцены. Костер, котелок с булькающим варевом, ни запаха ни вкуса которого он не ощущал, тянущий от земли холод, подрагивание ладони, машинально оглаживающей рукояти мечей. Он помнил мужчин, заступивших им путь на лесной тропинке. Четверых. Их главарь ухмылялся, потрясая топором, а потом – посмотрел ему в глаза, и отвел взгляд, и вдруг отступил в кусты, освобождая путь.

Странствовали они неторопливо, не спеша, а тишина вокруг них наливалась, словно густеющая смола. Малышка Канна поглядывала на него из-под челки черных волос, Йатех чувствовал это, порой перехватывал ее взгляд, в котором ничего не мог прочесть: ни злости, ни гнева, ни печали. Тот оставался абсолютно... равнодушным.

На второй день они разбили лагерь в небольшой котловинке, разожгли костерок и съели приготовленный на скорую руку ужин.

А потом по невидимому знаку Иавва поднялась и исчезла между деревьями. Они остались одни.

– Что ты помнишь из того лагеря?

Он помнил, что когда закончил сказку, то уложил девочку вместе с остальными детьми на повозку, у которой были двери, и запер вход. Если в окрестностях не было медведей, любители падали не сумеют добраться до тел. А потом он отправился следом за Канайонесс. Его ждало еще несколько месяцев службы, после которых он будет свободен. Но говорить об этом сейчас он не хотел. Лишь заглянул ей в глаза, такие обыкновенные и спокойные, что почти мог поверить, что разговаривает с нормальной девушкой.

– Не ответишь?

– Нет.

Он отозвался впервые за два дня и удивился, что у него нормальный голос.

– Считаешь, что это моя вина? Что я отобрала у тебя все: происхождение, имя, личность, а в конце превратила тебя в убийцу детей? Это был твой выбор. Ты не должен был вмешиваться в то, что делала Иавва.

– Не должен был? Кем... чем бы я тогда стал?

Уголки ее губ поползли вверх:

– Хороший вопрос. После первой схватки я приказала пощадить нескольких женщин и старика. Ладно, его – чтобы страдал, чтобы просыпался, рыдая, ночью, вспоминая тех, кто погиб из-за него. Но когда он и те суки выбрали смерть... Ты подумал, что делала бы группа детей, одна, в лесу, в паре десятков миль от ближайшего поселения? Теперь из тебя выходит... не человечность, всего лишь... человекоподобие. Тот странный набор характеристик, мешанина ложных понятий, глупых убеждений и искусства самообмана. Ты убил бы мать девочки, но саму ее – уже нет. Потому что хорошие люди детей не убивают. Они могут оставить их в глуши, обреченных на голодную смерть, на гибель от жажды и от волчьих клыков, но они ведь того не увидят, а потому это не отяготит их совесть. Человекоподобие во всей красе.

– Значит, милосердие? Я видел, что из тебя лезло, когда приказывала их убить...

– Ты видел? – сделалась она серьезной. – Что ты видел?

Она легко поднялась, небрежным девичьим движением смахнула со лба челку.

– Ты этому радовалась. Убийствам невинных.

Он тоже поднялся и невольно шевельнул плечами, поправляя мечи за спиной.

Она прыгнула вперед так быстро, что он даже не успел потянуться за оружием – а она уже была рядом, лицом к лицу, глаза ее, казалось, росли, наполняли пространство, пока не пожрали всего его.

Йатех почувствовал прикосновение к груди, легкое, почти невесомое, но земля убежала из-под ног, и он опрокинулся на спину.

Ударился затылком обо что-то твердое с такой силой, что под веками засияли звезды, девушка же уселась сверху, схватила его за голову и прижала ее к земле. Еще одна молния расколола череп, но он вдруг ощутил под собой нечто, что не ожидал бы почувствовать в лесу, – гладкий теплый камень.

Она низко наклонилась и прошептала ему в ухо:

– Прикрой глаза. Слушай.

Он вздрогнул.

– Ну, прикрой... – Она заслонила ему глаза ладонью. – Слушай.

И только тогда он понял. Тишина. Безбрежная, неестественная, абсолютная. Такая тишина, что пока человек в ней не окажется – не будет знать, что по-настоящему-то тишины он еще не ощущал.

– Не двигайся. Слушай.

Ее шепот был громче крика. А когда отзвучал, тишина показалась еще глубже и мертвей.

Некий звук пробился к его сознанию. Что-то как... дыхание, будто кто-то набирал воздух и выпускал его со всхлипом. Тихо, словно плачущий боялся, что его кто-то услышит.

– Ты слышишь, верно? Невиновные? Невиновных нет. Ты, я... каждый. Мы все виновны. А она – сильнее прочих. Не смотрела на меня, хоть мы и встретились несколько раз, я была слишком неважной, незначительной. А она... сказала... все сказали, что сто лет... самое большее двести. Но не три с половиной тысячи! – Она ударила его затылком о камень. – Не столько! Не столько! Слушай!

Она чуть привстала и сильнее прижала его голову к земле.

Всхлип. Словно сам мир плакал.

Он открыл глаза, сбросил с себя Малышку Канну и вскочил на ноги.

Небо. Светло-серое, оттенка полированного железа, приклеивалось к горизонту и взбиралось вверх, чтобы прикрыть весь мир непроницаемым куполом, а мир состоял только из черной равнины и вырастающих где-то поодаль каменных зубов.

Он замер.

– Где...

– Меекханцы зовут это Мраком.

– Мрак? Мрак – это...

– Это через Мрак души уходят в Дом Сна. – Казалось, Канайонесс его не слышит. – Это из-за Мрака прибывают демоны. Это за Мраком находятся реальности Бессмертных, богов, которым мы даруем свое послушание и лояльность. Так говорят. Верно?

Он тряхнул головой. Мрак? Как? Мрак – это... зло. Говорят «пусть Мрак тебя поглотит» или «проклятое дитя Мрака», и это серьезные слова. Такие, за которые порой отвечают сталью. Но это? Это место...

Он сжал кулаки:

– Всякий Знающий так говорит.

– Правда? Но почему? Потому что когда они тянутся за Силой, аспектированной или дикой, когда тянутся глубоко, сильно, до границ своих возможностей – а то и за них, они наталкиваются на барьер. И большинство описывают его как черную стену, чьи границы нельзя устанавливать. Мрак. Но некогда... вы и не только вы... некогда называли это место Завесой. Или Стеной. Или Барьером. Хотя уже долгие века вы, как и большая часть известного мира, употребляете меекханское название. Оно – безопасней.

– Безопасней?

– Завеса может приподняться, а стену можно свалить. А мрак – это мрак, нечто, что невозможно ухватить, а потому оно по природе своей неуничтожимо. Верно? Вы живете за

стеной, выстроенной из неисполнившегося будущего, и делаете вид, что все в порядке. А поскольку не видите цену, которую заплачено за ваше хорошее самочувствие, то и считаете, что ничего не случилось. Как в том лесу, милый. – Она улыбнулась, и это не была добрая улыбка. – Ты бы оставил детей на жестокую и верную смерть, но поскольку сам бы ее не видел, то она не отяготила бы твоей совести. Ровно так – и с целым миром. Вы не видите страданий, которые – цена за ваше спокойствие, а даже если порой что-то до вас доходит, то вы отводите взгляд. – Она подошла и ткнула его пальцем в грудь: – Истинная тьма на самом деле скрыта здесь. В ваших сердцах. Правда же?

Он отступил, выхватил меч и выставил в ее сторону:

– Что – правда?! Зачем ты мне это показываешь?! Что ты со мной делаешь? Еще несколько месяцев – и я уйду... Зачем столько усилий?

Она приподняла брови, а он почувствовал, как кости превращаются в ледяные осколки. Под этими красивыми бровями, в этих больших глазах не было ничего, кроме чистого безумия.

– Меч? Мой собственный меч? И обвинения? – Улыбка Малышки Канны напоминала оскаленные клыки бешеного пса. – Пытаешься свалить вину на меня? Потому что я тебе показываю, что ты – слепец в стране слепцов? Что слишком мало знаешь и понимаешь? Снова это твое человекоподобие... Если правда не подходит к моему образу мира, тем хуже для правды. Я ее проигнорирую, забуду, изуродую. А если не удастся, то уничтожу. И что ты теперь сделаешь? Иссар...

Он сделал шаг вперед и уперся кончиком меча ей в шею, в ямку между ключицами:

– Я уже не иссар... У меня нет души и...

– Да заткнись! – отмахнулась она, не обращая внимания на оружие. – Нельзя потерять душу, вырубая дыру в скале и ломая мечи, ты, дурак. Тело без души – как истекающий кровью ягненок в волчьем логове, ловчие найдут ее в несколько мгновений. Об этом ты тоже забыл? Навязанный вам племенной обычай изуродовал и выдавил истину, а вы принимаете его, потому что так легче и проще. Общая душа? В чем бы ей существовать? Какой формой бытия она была бы? Просвети меня. Объясни.

Он помнил, что ребенком и правда часто спрашивал, где находится душа, но никто из взрослых не сумел дать ему удовлетворительный ответ. Одни говорили, что она встает над *афраагрой*, другие – что обитает в стенах каменных домов или что свернулась под тронотом Великой Матери, ожидая конца времен и Суда. Самое популярное объяснение гласило, что общая душа обитает в телах живых членов племени, а после смерти одного из них душа растворяется между остальными, а потому, пока племя будет существовать, остается надежда на искупление древних грехов.

Это был хороший ответ. Правдивый и искренний.

Но он породил лишь снисходительную улыбку, при виде которой рука, державшая оружие, дрогнула.

– Правда? – Она подняла брови и прикрыла рот ладонью, смеясь воину прямо в глаза. – А разве ваши Знающие не утверждают, что душа – это книга, куда записывается вся жизнь человека? Его поступки, эмоции, воспоминания, его благородство и подлость? Что человек – это душа, а тело – лишь куча костей и мяса, и ничего более? Так как? Чувствовал ли ты хоть раз, как что-то в тебе появляется? Например, после смерти близкого человека? Разве не ощущал ты лишь утрату? Уход. Почувствовал ли ты это, когда умер твой отец? А брат? А мать? Она не родилась как иссарам. Разве ее душа тоже отправилась в мифическую полноту? Знаешь, что происходит, когда ты вольешь в кубок с водой ложку вина? Даже ребенок ощутит изменение вкуса. А когда бы ты влил несколько ложек? А десяток? Или умри внезапно много твоих побратимов, стал бы ты другим человеком? А разве после войн между племенами те, кто выжил, превращаются в других людей? Потому что фрагменты душ других иссарам отпечатали на них свое клеймо? Общей души не существует, глупец, ее не может существовать, потому

что тогда вы перестали бы быть людьми – теми, кого считают людьми в большей части мира. Кем бы вы стали, если б каждая смерть в племени изменяла сущность вашей личности?

Он покачал головой, и это было единственное возражение, на какое он решился, потому что своему горлу он сейчас совсем не доверял. Лицо ее моментально окаменело в гримасе презрения:

– Слепец в стране слепцов. Первый шаг к глупости – это перестать задавать неудобные вопросы. Ты уже не иссар? Зачем ты притворяешься? Я ведь вижу, как ты всякое утро протираешь клинки мечей влажной тряпочкой, чтобы их напоить, а всякий вечер склоняешь голову в сторону закатного солнца. Вижу, как ты ставишь ноги, когда мимо проходит вооруженный мужчина, и с каким презрением смотришь на того, кто не кланяется твоей богине.

Она ухватила за клинок меча. Он смотрел на это как загипнотизированный: черный клинок был острее бритвы.

– Что, собственно, держит тебя около меня? Страх? Нет, – ответила она сама себе. – Честь, а скорее, какое-то дикое, глупое, первичное чувство верности, которое вырезано в твоей голове племенными рассказами. Общая душа? Ваши души после смерти идут в Дом Сна. *Кендет'х*? Дорога? Какая дорога? Куда она ведет? К мифическому концу времен? Этот конец уже наступил, а вы и не заметили. А может, к искуплению? Какому? За что? Вы помните? Нет! Харуда был глупцом, болваном, несчастным придурком, который напомнил остальным о Баэльта'Матран, чтобы объединить горсть пустынных племен, без которых мир стал бы лучше. Да что там, вы и не должны были бы существовать, но она решила, что позволит вам жить. Сука. Ловкая и пронырливая сверх всяческой меры. Посеять зерно, миф о собственном существовании, прежде чем издаст первый крик...

Она без труда отвела клинок в сторону.

– Не наставляй на меня оружие, которое я тебе вручила, – прошипела она. – Никогда. И не пытайся говорить мне, кем ты являешься, а кем не являешься. Это я такое решаю. Для меня ты *батхи* – комок, сущность между куском грязи и человеческим существом. До этой поры тебя формировали обычаи и законы народа, среди которого ты воспитывался. Понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Означает, что, вырасти ты с меекханцами, был бы ты одним из них, работал бы и сражался во славу Империи. Если бы вырастили тебя пустынные номады, ты ездил бы на верблюдах и нападал на караваны. А родись ты на побережье, ловил бы рыбу или строил корабли. Понимаешь? На самом деле тебя нет, никогда не было, тебя оформили другие по их образу и подобию, включая и их человекоподобие. Истинным человеком ты станешь, лишь когда сам выберешь свою дорогу.

Он слушал, не понимая, о чем она говорит, потому что не впервые она потчевала его такой глупостью, но не отводил взгляда от ее маленькой руки, сжатой на клинке *ифира*, а в голове его пульсировала одна мысль. Она ведь должна уже отрезать себе пальцы. Малышка Канна проследила за его взглядом.

– Ты удивлен? Эти клинки не могут меня ранить, дурак. Посмотри еще раз на свои мечи и на то, на чем ты стоишь.

Он взглянул. Скала – черная, словно вулканическая, гладкая и стекловидная. И черные, лоснящиеся, словно обсидиан, клинки.

– Ты все еще думаешь, что я сделала их из песка пустыни?

– Что они такое?

– Мрак в чистой форме. Обида, ложь и нарушенные клятвы. И помни. Они мои. Ты их только носишь.

Он прикрыл глаза, чтобы не смотреть на безумие, на чешуйчатое, скользкое нечто, что таилось на дне ее зрачков.

– Этот плач. Как часто ты его слышишь?

И задрожал, когда она ответила, потому что в тот момент он был уверен, что она говорит правду, и только правду. Воцарилось молчание, оно длилось и длилось, а у него не было сил открыть глаза.

– Мы поедem на юг. Далеко, за пустыню. Владычица Судьбы хотела, чтобы я приняла участие в одной игре, которую она ведет, а потому мы встанем у ног Агара-от-Огня, и лучше бы, чтобы он не приветствовал нас слишком горячо.

Голос ее изменился, снова звучал нормально, почти дружески.

– Это была шутка. Мы проведем комнату, которую Агар создал тысячу лет назад, когда открыл там свое Око, и станем свидетелями определенных переговоров. Эйфра сказала мне только это. Я не слишком-то ей доверяю, а потому будь наготове. Если что-то пойдет не так, тебя и Иаввы может не хватить.

Она похлопала его по щеке пальцами, холодными, словно горсть сосулек.

– А если тебе когда-нибудь еще придет в голову обратить против меня оружие, ты пожалеешь, что не умер в пустыне, мой дорогой Носящий Мечи.

Глава 7

Темнота запульсировала, замигала: сперва оттенками серого, потом и в цвете. Затем цвета погасли. Деана вздохнула и едва не закричала. Было больно. Теперь она лежала неподвижно, ребра напоминали о себе при каждом вдохе, но остальное тело, кажется, было в порядке, больше не болело ничего, правда, она не могла двинуться. И ничего не видела...

Вдох – медленный, глубокий. Проиигнорировать предупредительные покалывания. Выдох – до конца, так, чтобы заболели мышцы живота.

Вдох... выдох... вдох...

Пока не закружится голова, а в кончиках пальцах не поползут мурашки.

Она нашла его, *сани* – огонек, размещенный чуть пониже солнечного сплетения, точку равновесия, место, где размещен кусочек души, место, сквозь которое протекает вся витальная сила тела. Отсюда берет начало транс битвы, здесь сосредотачивают свою энергию лучшие иссарские мастера.

Вдох...

С последним выдохом она аккуратно подула на *сани*, и он вырос и наполнил ее. В этот миг она сумела бы войти в *кхаан'с* между двумя ударами сердца.

Усилие, лишнее смысла для того, кто хорошо связан.

Шнуры на щиколотках, коленях, руки стянуты за спиной. Кто бы ее ни связывал, он был очень осторожен.

Раны кроме отбитых ребер? Она вдруг вспомнила чувство падения и резкой тошноты. Ощутила чары, прежде чем маг их высвободил, но заклинание было мощным... ударило широко, волной высокой и глубокой – в добрый десяток футов. Она помнила, как бросилась в сторону, в безумном кувырке по земле, вниз по каменному склону, пытаюсь сойти с пути колдовства. А внизу склона лежало несколько крупных камней.

Голова загудела отвратительной, тупой болью где-то за левым ухом.

Чтоб его Мрак поглотил!

Они в караване блюли осторожность, но, похоже, этого не хватило. На следующий день после того, как они вышли от Ока Владычицы, наткнулись на первый труп, что никого не удивило, поскольку все утро они видели стервятников, исполнявших в воздухе танец благодарности судьбе. Двадцать конских трупов лежало на земле, некоторые опухшие, а птицы выстраивались в очередь на пир. Сперва – пожиратели глаз, мяса и внутренностей, потом поедатели шкуры и жил, в самом конце – любители костей. В пустыне время чьей-то смерти удавалось вычислить чуть ли не до часа – просто наблюдая, кого сейчас кормит тело.

Этих лошадей убили два дня назад, когда коноверинцы наткнулись на очередной пустой водопой. У каждого животного было милосердно перерезано горло, их владельцы не проявили жестокости. И все же, глядя на черные ямы глазниц, роящиеся от мух, Деана пообещала себе, что, если Владычица Судьбы позволит, она еще поговорит с теми, кто развлекался с магией в пустыне.

Источник, с которого уже была снята печать, отсвечивал влагой на дне, они чуть углубили его и к вечеру получили достаточно воды. Сан Лавери выглядел довольным: выходило, что он доведет до Кан'нолета товар, животных и людей. Именно в такой последовательности он об этом говорил, что вызвало ироническое пофыркивание Ганвеса х'Нарви. Знающий сообщил проводнику о своих подозрениях, но их планы это не изменило. Если бы носящий синее мужчина реагировал на каждое упоминание о таящейся на пути опасности, он бы не отошел от оазиса или города дальше чем на милю.

Все уже знали, что высохшие водопои – дело неестественное, а где-то впереди, кроме коноверинского каравана, должны находиться и те, кто наложил на колодцы печати. Ветка и

его люди поигрывали луками, стражники иссарам постоянно ходили с оружием, и в этом не было ничего странного, однако изменилось то, как они это оружие носили. Деана видела такое напряжение у воинов, что готовились к смертельному поединку. Даже возницы и погонщики верблюдов поглаживали широкие ножи, легкие топоры и дротики.

И все равно их поймали врасплох.

Она помнила, что на второй день, как они миновали колодец, поставили лагерь в тени высокой скальной стены. Солнце как раз зашло за горы, она произнесла вечернюю молитву вместе с несколькими иссарам, а потом вошла в свой шатер, сняла пояс с саблями, потянулась за *эксааром*.

До этого момента воспоминания вели ее довольно гладко, но после начинался хаос. В пустыне темнота падает быстро, за несколько минут после заката небо потемнело, замигало звездами, неожиданно подул ветер: резкий, холодный, несущий песок. Она услышала, как Ганвес что-то кричит, пытаясь пробиться сквозь нарастающий рев, и тогда она тоже это почувствовала... мурашки в ладонях, щеку за ушами... Выпала из шатра, вырывая из ножен сабли.

Пояс полетел в сторону. Рядом вдруг оказались лошади, всадники, кто-то наезжал на нее, рубил сверху. Блок и контратака, животное унесло напавшего во тьму, крик. Чары, еще одни, повисли в воздухе, и на миг ей показалось, что тьма в одном месте сделалась гуще, более... насыщенной, на мгновение там все замерло. Она метнулась в сторону в момент, когда чужой маг освободил заклинание, покатила вниз по склону и разбила голову.

И все.

Тут память отказывалась сотрудничать, хотя выводы напрашивались очевидные. Их караван разбит внезапным ночным нападением с использованием мощной магии, а сама она попала в плен. Отчего ее не убили? Должны бы. Иссарам негодны для продажи, мало кто захочет заплатить за невольника, который может перерезать хозяину горло или совершить самоубийство, потому что кто-то увидел его лицо.

Лицо... Ее даже скорчило. Она чувствовала его... чувствовала *эксаар*, а на нем повязку на глазах, но... Нет. Сосредоточься.

Очень непросто ощутить одежду, фактуру ткани, место швов. Тело, даже нагое, разогретое, быстро игнорирует такие вещи, считает их неважными, но...

– Они не обнажат твоё лицо.

Она почти подпрыгнула. Как он сумел ее обмануть? Она ничего не слышала.

– Люди вроде меня уметь долго лежать неподвижно. Мы любить... не громкость?

– Тишину?

– Тишину... Мой иссарский не лучший. Прими извинений.

Она не ответила. Теперь, когда он выдал свое присутствие, Деана могла понять, где он. Шум дыхания... и все. Он и правда умел лежать неподвижно. Говорил с жестким, хриплым акцентом, характерным образом растягивая гласные.

– Восточные племена?

Он рассмеялся сухо:

– Верно, мой учитель быть из в'вений. Иссарский трудный... Прости, что не подойду... я связан.

– Ты пленник?

– Как и ты. Разбить наш караван... убить... не знаю слова на твоём языке... больших животных... Как серые валуны на четырёх столпах.

– Слоны?

– Слоны. Быть уже слабыми. Мы тоже... нет воды...

– Не нужно было лезть навстречу смерти.

Он замолчал. Только дыхание ускорилося.

– Навстречу смерти... У меня там быть друзья... Порой нет выбора.

– Это махаальды?

Снова смех, который звучал как шелест осыпающихся камешков.

– Я не знаю, кто они. Не мочь... распознать... убийц. Язык... голос может врать.

– Отчего они тебя не убили?

– Язык... голос может принести жизнь. Им нужна, – он явно заколебался, – кого-то, чтоб разговаривать с князем... Я... *хаменсэ*. Многоязычец Княжеского Двора. Я знаю двадцать и семь языков, в том числе – восемнадцать бегло, и прежде всего *гейив*, первый язык Двора. Это одна из причин, по которой я жить.

– Ты знаешь меекханский? – перешла она на язык Империи.

Он громко вздохнул.

– Святой Огонь, второй по важности язык мира в устах девушки из пустынного племени. Владычица Судьбы надо мной издевается. – Его меекхан был совершенен.

– Второй?

– Первый, очевидно, это *гейив* – Язык Огня. Я... Оменар Камуйарех, переводчик его высочества князя Лавенереса из Белого Коноверина.

Замолчал, явно чего-то ожидая.

– Деана д'Кллеан из д'йахирров. *Ависса* в дороге к Кан'нолету.

– Красивое имя, Деана. Такое... мягкое. Они говорили, я слышал... что ты иссарская женщина, но я не верил. Почему...

Колебание в голосе, тень недоверия.

– Не знаю. Им стоило меня убить. Я бы так сделала. Пожалуй, они слишком уверены.

Говоря это, Деана вслушивалась в темноту. Все еще парила над бездной, над которой пространял свои дары транс битвы, но теперь она перенесла внимание чуть дальше. Голос мужчины звучал глухо, отражался от чего-то, слева же она не слышала ничего, он лежал в нескольких шагах от ее ног, если она не ошибалась. Только справа... шелест обуви по песку, бряканье металла, треск горящей ветки, шум... отголосок шума негромкого разговора. А кроме этого – ничего: ни ветра, ни отзвуков пустыни.

– Пещера? Мы в пещере? Не в палатке?

Он впервые легонько шевельнулся:

– Прекрасно. У тебя хороший слух, *ависса*, – последнее слово он произнес на языке иссарам. – Да. Мы идем на юго-восток, прямо на Калед Он Берс.

Калед Он Берс. Палец Трупа, как его называют. Пустынная возвышенность, полная скал, валунов и камней, совершенно лишенная воды. Место, которое обходили караваны, предпочитали дать крюк в сотню миль, только бы не попадать в этот безлюдный район. Слухи говорили, что кто-то где-то когда-то нашел там единственный источник, скрытый глубоко в пещере, но никто не знал, где он есть.

Бандиты, должно быть, безумны.

– Они мудры, – правильно истолковал ее молчание мужчина. – Они уже дважды сменили лошадей. Тут тоже... ждали кувшины с водой и едой. Они приготовились.

Приготовились. Это, очевидно, люди, способные позволить себе нанять сильного колдуна, а то и нескольких, закрывающие источники магическими печатями и много дней ждущие шанса для нападения, они должны обладать умением готовиться и планировать. Это не походило на горячие пустынные племена, для которых добрый бой – это налет на ближайшего врага и короткая схватка с тремя возможными итогами: победой, бегством или смертью. Ловушка же, куда их заманили, была такая... почти меекханская.

– Два раза?

– Два. Мы едем почти целый день.

Целый день. Отсюда это чувство, что во рту у нее поселилась коза. Деана попыталась, насколько позволили веревки, устроиться поудобней.

– Ты сказал «князя»? Чуть раньше...

– Верно. Князя Лавенереса из Белого Коноверина. Наследника Огня, Дыхания Жара и Горсти... этот титул непросто перевести... пожалуй, Горсти Пепла в Напуганных до Безумия и Искривленных Страхом Устах Его Врагов.

– Ему понадобится немало места на надгробии, или как там вы в Коноверине хороните мертвых.

– Тело князя, согласно традиции, будет сожжено, а пепел, смешанный с раствором, – вмурован в пол Храма Агара Красного, Властелина Огня, Дарителя Света, Губителя Вечного Мрака, Того... Ты желаешь выслушать все титулы?

– Нет, может, в другой раз. Они схватили князя?

– Если бы они этого не сделали, я был бы уже мертв. Да. Они напали на наш караван, убили половину людей, похитили князя и меня и вывезли на середину самой сухой известной людям пустыни.

– Чего они хотят?

– Разве не очевидно? Золота, драгоценных камней, слоновой кости, специй, легкой жизни, красивых женщин и кучи невольников на любой свой каприз. Все это они могут получить как выкуп, а Белый Коноверин заплатит им за князя любую цену.

В голосе его вдруг зазвучала горечь. Она легко могла представить себе ее причину. За какого-то переводчика княжество не отдало бы и ломаного медяка.

Снаружи раздались шаги, Деана услышала движение завесы, тихий писк и поток непонятных слов, наполненных гневом. Ребенок? Фырканье, наполовину веселое, наполовину нетерпеливое, и звук падающего на пол тела.

Ее собеседник отозвался тому, кто вошел, покорно и тихо, бандит ответил на языке, которого Деана не могла распознать, после чего приблизился и пнул ее.

– Ты живая. Ты умная... ты... хорошая? Хорошая, да. Если ты плохая, – скрежет клинка о ножны и укол под подбородок, – ты мертвая.

Говорил... пытался говорить на меекхане, который неторопливо становился универсальным языком континента.

– Понимаю, – ответила она медленно.

– Ты хорошая, ты живая. Он даст есть и пить, не развязать. Ты товар. Хороший цена. – Клинок перестал колоть ее в шею. – Ты умная, ты живая.

Бандит походил по пещере, вышел и вернулся через минуту, бросив на пол какой-то пакет и бурдюк.

– Есть, пить. Ты живая, князь... хороший? Послушный, да... послушный. Обещать... – Остальное она не поняла, потому что разбойник снова перешел на свой диалект.

Оменар ответил несколькими короткими словами, после которых мужчина кашлянул со значением и вышел.

– Князь?

– Да. Его Высочество Лавенерес из Белого Коноверина, второй в очереди к Красному Трону, младший брат Самереса Третьего, Великого Князя Белого Города.

– А... сколько князю лет?

– Одиннадцать. Но возраст не имеет значения, когда в венах течет благословение огня. Снова несколько фраз, коротких и гневных.

– Князь недоволен, что я должен завязать ему глаза, но, как понимаю, ты бы предпочла, чтобы он не увидел твоего лица.

– Верно. Тебя развязали?

– Только руки. Тебе придется быть терпеливой.

– Ты тоже надень повязку.

Тихий смех.

– У меня уже есть.

Шелесты, шепоты, звук ползущего человека, прикосновение. Очень легкое.

– Ты поранилась, когда падала. Кровь успела засохнуть. – Она почувствовала, как он трогает пальцами левую сторону головы. – Я могу чуть поднять повязку на твоём лице...

– Сними с меня повязку. Я хочу видеть.

– Хорошо.

Он справился с узлом за несколько секунд. Она заморгала, чтобы смахнуть песок с век. И дернула головой, узрев его лицо, глаза...

– Удивлена? – улыбнулся он.

Деана смотрела в его зрачки, белые, закрытые пленкой, вроде рыбьего пузыря.

– Люди, как ты...

– Да. Как я. Это вторая причина, по которой они меня не убили. Слепец неопасен, зато может заняться князем, позаботиться, накормить, ну и перевести. – Его прикосновения были неожиданно аккуратными, а потом он зашипел: – Чувствуешь? – Он нажал сильнее, и она ощутила тупую, растущую боль. – Кровь склеила повязку, попробую быть осторожным, но будет больно. Предупреждаю...

Он принялся кончиками пальцев проверять струп. А она посвятила этот миг тому, чтобы внимательно к нему присмотреться: молодой, не старше двадцати пяти, черные волосы довольно длинные, связанные в небрежный хвост, зато черная борода – короткая и ровно подстриженная. И все: одежда, гладкая кожа и ласковые ладони – подтверждало, что был он тем, за кого себя выдавал, то есть придворным слугой. Потом она осмотрелась вокруг. Пещера была небольшой, всего шесть-семь ярдов ширины, и нормальному человеку было бы просто встать здесь в полный рост. Под соседней стеной сидел на корточках мальчишка с лицом, закрытым черной повязкой. Богато вышитые шелковые штаны и рубаха были пропыленными и порванными.

– Князь?

– Верно. Старший брат отослал его в путешествие на север, чтобы его высочество начал знакомиться с нюансами реальной политики. Белый Коноверин желал уменьшить налоги на свои товары, высылаемые на территорию Империи, взамен предлагая открытие порта для меекханских кораблей. Нынче купеческие гильдии из Понкее-Лаа обладают почти полной монополией на морскую торговлю с Дальним Югом, но существует и другой путь между Империей и нами. Через Белое море и вдоль побережья.

Он исследовал ее *экхаар* и продолжал говорить. Впервые за долгие годы это делал чужак, впервые – иноплеменник. У нее внутри все сжалось.

– После войны с кочевниками сотни тысяч рабов с севера попали на улицы Белого Города именно этим путем. Сперва к морю, а после пиратскими кораблями, Кахийской тесниной и потом вдоль... осторожно... – Он внезапно дернул, а Деана почувствовала, что он чуть ли не сорвал с ее головы половину скальпа. – Все... все...

Пальцы у него были прохладными и ловкими, но ей все равно казалось, что каждое его прикосновение – как удар раскаленным молотком.

– Это, по-твоему, «аккуратно»? – простила Деана.

– Это единственное «аккуратно», которым я могу тебя одарить, *ависса*. Я мог бы снять повязку водой, но тогда ты получила бы возможность попить только завтра под утро при условии, что пережила бы ночь. Все не так плохо. У тебя лишь ушиб и одна небольшая, хотя и глубокая, рана.

Он наклонился и обнюхал ее:

– И к тому же – без заражения. Ты не умрешь... по крайней мере, не от гангрены. Могу я?

Не ожидая ответа, он осторожно развернул *экхаар* до конца. Это было странно: смотреть на чужое лицо, у которого нет повязки на глазах, не через слой материи. Деана чувствовала себя так, словно была голой.

– Сначала вода, потом нечто, что здесь называют сухарями.

Он напоил ее, осторожно, сперва маленький глоточек, минута перерыва, потом еще один.

– Ты много знаешь для обычного переводчика, – сказала она между одним и вторым глотками из бурдюка.

– Не обычного. Княжеского. Того, кто принес клятву на Памяти Огня в том, чтобы говорить правду и переводить наилучшим образом. Я принимал участие во всех беседах князя, с самого начала до бессмысленного конца. Меекхан прислал на границу какого-то второстепенного дипломата, который едва справлялся с обменом подарками и подписанием нескольких писем вежливости... – Он выругался на своем языке. – Выпей еще. Тебя не тошнит?

– Нет.

– Это хорошо. – Он кивнул, довольный. – Империя готовится к войне с кочевниками. Снова. Собирает войска, играет мускулами... Не ко времени ей строительство порта на Белом море и посылка сюда флота. Им не хотелось даже искать для слонов дорогу через горы – для слонов, которые должны были стать подарком для императора. Нам пришлось вернуться домой ни с чем. Пей.

Он позволил ей сделать несколько больших глотков, а потом протянул руку, на которой лежало три кусочка не пойми чего.

– Еда, – проговорил так, словно вел светскую беседу. – Эти сухари... Вроде бы делают их из верблюжьего дерьма и козьей шерсти, зато они могут храниться годами, потому что никакой уважающий себя червяк не станет в них жить. Приятного аппетита.

Все было не настолько уж плохо. Наоборот, сухари оказались даже вкусными. Для сухарей. Она начинала понимать чувство юмора ее спутника.

– Князь... – Она сглотнула и кивнула в сторону мальчика, который вел себя на удивление спокойно. – Тот бандит сказал, что князь кое-что обещал им взамен на мою жизнь. Это правда?

Слепец пожал плечами.

– Правда... неправда. Если бы они хотели тебя убить, то убили бы, невзирая на любые обещания. Князь сказал, что не будет доставлять проблем – как будто, дерьмо Мамы Бо, он мог их доставить, – только бы тебе сохранили жизнь. Хотя я думаю, что они и так бы тебя не убили. Ты ценна... как товар.

– Иссарам – плохие рабы. Будь у меня мои *тальхеры*...

– Ага. И если бы у нас была стража князя. – Он с ласковой улыбкой прекратил ее фантазии. – Но иссары – хорошие воины. Кроме того, в некоторых южных княжествах... Не в Коноверине, конечно же, мы не варвары, но в других есть способы, благодаря каковым можно неплохо заработать на таких, как ты. Арены, где сражаются насмерть: люди с людьми, со зверями, с чудовищами, которых ловят на краю Урочищ. Такие сражения приходят посмотреть тысячи. Ешь.

Она откусила, проглотила.

– Они не заставят меня сражаться на потеху толпе.

– А если закуют тебя в цепи, откроют твое лицо перед какими-то воинами, а потом снова закроют тебе лицо и выпустят с теми воинами на арену? Только ты и твой меч – и смерть тех людей взамен за сохранение твоего фрагмента души? Да, я знаю вашу веру... Есть множество палок, которыми можно погнать человека туда, куда нужно. Иссары не слишком-то отличаются от остальных. А теперь не разговаривай, а ешь. Его высочество не относится к терпеливым, а сидит так вот уже четверть часа.

Когда она закончила, он аккуратно надел на нее *экхаар*. С немалой ловкостью.

– Тебе уже приходилось это делать?

– Меня этому научили. В Коноверине порой появляются твои побратимы, те, что сопровождают караваны. Я учился языку у некоторых из них. Рассказывали мне о ваших обычаях, культуре, способах восприятия мира, безумии ожидания очередной великой резни, которую боги приготовили нам всем...

Он оборвал себя, ожидая ее реакции.

– Ничего не скажешь? Я думал, что умею выводить людей из равновесия.

– Лучше быть готовым и не дожидаться несчастья, чем, как дурак, стоять спиной к лавине, нюхая цветочки.

– Этой пословицы я не слышал.

– Это присказка моего дядюшки.

– Дядюшка мудр. А что он говорил о людях, которые настолько предусмотрительны, что в глубине души рассчитывают на несчастье? Молятся о конце света? Ждут его, поскольку надеются на то, что они – избранники?

– Ты правда думаешь, что мы этого хотим? Тогда ты мало понял в наших обычаях.

Он улыбнулся, после чего обронил несколько слов на своем языке. Парень сразу снял повязку и подошел. С серьезным лицом легонько поклонился и спросил о чем-то, указывая на веревки.

– Князь спрашивает, не ослабить ли их тебе, но если кто-то из стражников проверит, то убьет тебя на месте. Рискнешь?

Она легонько пошевелила руками. Почувствовала мурашки.

– И конечно, если это обнаружат, то убьют и меня, несмотря на мою стоимость.

– Слепого невольника?

– Слепого переводчика. Говорящего на большинстве языков Дальнего Юга. Как полагаешь, скольких таких, как я, можно повстречать на торгах говорящих инструментов? Я не дурак, моя стоимость – лишь малый фрагмент стоимости князя, но они и за меня могут получить несколько лошадей или десятерых необученных рабов. – Он поднял брови в странной гримасе. – Может, столько же, сколько за тебя. Так что с веревками?

– Пусть останутся. Поблагодари князя за то, что он беспокоится обо мне.

Они обменялись парой фраз, мальчик внезапно рассмеялся: коротко и искренне.

– Князь говорит, что это мелочи. И что он рад, что ты здесь.

Шаги. Мальчик шмыгнул под стену, словно маленькая ящерка, его слуга быстрым движением надел на нее повязку. На этот раз охранников было двое. Один оттянул от нее слепца, второй подошел поближе, приложил ей клинок к горлу и быстро проверил путы.

– Ну, – проворчал он негромко. – А я уже понадеялся.

Его меекхан был совершенен. А голос – молод.

– На что?

– На недостаток разума. – Он убрал стилет. – Князь обещал нам, что будет вежливым, если мы тебя не убьем, верно?

Переводчик откашлялся:

– Верно. Такое обещание прозвучало.

– Правда, – бандит присел подле нее, и она почувствовала его ладонь, шарящую по ее телу, по бедру, животу, груди, – есть еще несколько интересных причин, чтобы сохранить тебе жизнь, и мои люди постоянно о них вспоминают, но пока что у нас на это нет времени. Кроме того, кто-то из них мог бы забыться и ослабить твои путы. Мне приходится объяснять им, что золото, которое мы за тебя получим, позволит им купить немало молодых невольниц.

Она не дрогнула, хотя ей и казалось, что по телу ее ползет ядовитая змея.

– Естественно, наш приоритет – князь. Ох, прости, «приоритет» – слишком сложное слово, а потому скажу просто: князь важнее всего, он в десять, в сто раз важнее, а потому, если ты сделаешь что-то, из-за чего мы опоздаем, или если ты каким-то образом нам помешаешь,

ты и его слуга заплатите головами. Я человек, который любит вызовы, и признаюсь, держать тебя живой и суметь продать – это для меня вызов. Но я не дурак.

Он вдруг сжал ладонь на ее груди: сильно, грубо.

– А потому если от тебя будут проблемы, самые малые, пусть даже просто обещания проблем, то я позабуду о возможности приобрести тех нескольких невольниц и позволю моим парням немного развлечься, после чего перед рассветом взгляну тебе в лицо и подожду, пока его поцелует солнце. И стану смотреть тебе в глаза. Говорят, душа живет в глазах, а потому, если мне повезет, то я увижу, как твоя – умирает. Ты поняла?

Он убрал руку.

– Да.

– Прекрасно. А слуга князя умрет вместе с тобой, для равновесия. – Она не видела лица бандита, но за его словами таилась легкая жестокая ухмылка. – Мы выйдем вечером, а потому у вас есть несколько часов для отдыха. Советую это использовать.

Он встал и покинул пещеру, но еще минуту Деана чувствовала себя так, словно его рука все еще лежит на ее теле. Хотела кататься по земле, только бы убрать это чувство. Еще никогда, никто – никто и никогда – не осмеливался к ней прикоснуться. Словно она была животным, куском мяса на продажу.

– Он привязал нас друг к другу, *ависса*.

– Ч... что? – Ладонь бандита не хотела исчезать.

– Привязал. Нас. Князю сказал, что если от него начнутся проблемы, то убьет его слугу и тебя, тебе – что убьет меня, мне – что убьет тебя. Мы держим в своих руках жизнь друг друга. Неплохо для пустынного бандита.

* * *

Когда дыхание лежащей женщины выровнялось, князь и слуга придвинулись друг к другу. Минутку они молчали, потом мальчик проговорил на *геййве*:

– Спит.

– Я тоже так думаю. Удивительно. – Мужчина и правда был под впечатлением. – Эти иссары тверды, словно скала.

– Думаешь, ее подослали к нам специально? Чтобы шпионила?

– Не знаю. Зачем ей шпионить? К тому же за мальчишкой и слепцом, связанными? Впрочем, я проверил. Ей и правда кто-то разбил голову. И она правда не в курсе, кто мы.

– Почему ты так решил?

Мужчина улыбнулся и пояснил. Мальчик покачал головой с недоверием:

– Ты безумен, ты знаешь?

– Знаю. Но в безумии – вся наша надежда. И в их жадности. Что ты видел в лагере?

– Людей две дюжины, лошадей три. Все с оружием, за исключением одного старого невольника, слуги вожака. Тот раб дал мне кусок лепешки и глоток воды.

– Он может нам помочь?

Мальчик затрясся:

– Когда он прикоснулся ко мне, по мне словно змея проползла. Я ему не доверяю.

– Хорошо. Его бы не взяли с собой, не будь он предан хозяину телом и душой. А теперь попробуй уснуть... мой господин.

Фыркание его спутника было единственным ответом.

* * *

Бандиты шли день за днем, останавливаясь только в известных им местах, чаще всего там, где их ожидали кувшины с водой и запасы еды. Благодаря тому что им не было нужды везти то и другое, двигались они быстро, делая, по оценкам слепого переводчика, по тридцать – сорок миль в день. Только Мать знала, каким образом он это вычислял.

Деана ехала верхом, с ногами, связанными под брюхом лошади, и уже в конце первого дня начала молиться, чтобы ее убили. Задница, бедра, спина – все болело, словно избитое топорищами, связанные за спиной руки не давали поменять позу, а повязка – понять, где они находятся. Она безвольно покачивалась в седле, и только время от времени, когда почти падала, чья-то грубая ладонь хватала ее за плечо и придерживала.

Первые три ночлега она помнила, как черные ямы, в которые проваливалась, едва снятая на землю, и откуда ее извлекал короткий пинок, предвещающий начало нового мучительного дня. Слепой переводчик поил ее, кормил два раза в сутки, но они почти не разговаривали. Не было времени.

Только на пятый день бегства бандиты пошли медленнее, а их главарь, видя, как Деана снова почти падает с коня, приказал привязать ей руки к передней луке и снять повязку. Похоже, он почувствовал себя уверенней, а девушка поняла причины этого, просто взглянув направо-налево.

Их окружали скалы. Серые, коричневые и красноватые. Путники находились в яре глубиной в десяток ярдов, а когда наконец из него вышли, перед ними открылась путаница тропок, трещин в скалах, осыпей больших камней и ущелий. Деане не было нужды спрашивать, где она находится. Калед Он Берс. Палец Труп протянулся в их сторону, а бандиты въехали в него с дикой радостью. Самая безводная и безлюдная часть Травахена, где не выют гнезд даже стервятники. Легенды говорили, что любой, кто здесь заблудился, в несколько дней превращался в высохший труп, всякую ночь, к радости пустынных духов, отплясывающий напропалую.

Но их похитители перемещались в этом лабиринте быстро и не колеблясь, отыскивая им одним известные приметы, что направляли их к новым тайникам с припасами. Вел молодой вожак, за ним ехал старый невольник с железным обручем на шее, рядом с ними – несколько воинов, она, князь со слугой на одной лошади и остальной отряд. Бандиты... хорошо вооруженные, хорошо отъевшиеся, отнюдь не случайная компания пустынных изгнанников. Глядя, как быстро и умело они разбивают лагерь, Деана перестала удивляться, что им удалось атаковать и уничтожить два каравана. Только одно выглядело странно: эта дюжина людей никак не могла являться целой бандой. Было их слишком мало, ну и не хватало колдуна.

В очередной раз удалось им перемолвиться с Оменаром только на седьмой день путешествия. До этой поры ночлеги проходили в лагере – бандиты лежали в нескольких шагах от пленников, и каждый шепот бандиты наказывали ударами палок. Но в тот раз они остановились у скальной стены, истыканной дырами небольших пещер, а одна из них вновь послужила им в качестве укрытия. Переводчик накормил ее и напоил, осмотрел рану на голове и сказал, что не будет даже большого шрама.

– Не говори мне о шрамах, – фыркнула она прямо ему в лицо. – Что с князем?

Указала на мальчишку, что лежал лицом к стене.

– Спит. Чувствует себя нормально. Он меньше, меньше нужно и воды. Выдержит.

– А ты?

– Я тоже. Знаешь, где мы?

– Где-то на Пальце Труп.

– Да. Чувствую перемену в воздухе, слышу беседы. Говорят, что половина дороги позади.

– Куда?

– Хотел бы я знать.

– Может, встретиться с остальными? – пододвинулась она ближе.

Он чуть улыбнулся:

– Ты умна. Да, их было в четыре-пять раз больше. Пей. Медленно. – Он приложил кубок к ее губам. – Сейчас дам тебе поесть. Они убегали сомкнутой колонной первые часы, потом разделились на несколько групп, и каждая ушла в свою сторону. Помедленнее, говорю же. – Он убрал посудину. – Если захлебнешься, больше воды не будет. Но я сомневаюсь, что они планировали встречу с остальными здесь. Какая-то группа могла бы привести за собой погоню. Нет, скорее, остальные оттянули преследователей и разбежались по пустыне. Наши хозяева чувствуют здесь себя в безопасности.

Он мог этого и не говорить. Вот уже трое суток они ехали медленнее, делая, пожалуй, половину пути в день от того, что вначале. К тому же бандиты скалились, перешучивались, сидели в седлах нагло, словно покорители целого мира.

– Мысленно уже подсчитывают золото за князя, – пробормотала она.

– Верно. Ты заметила, они больше не заботятся о том, будем ли мы разговаривать или нет? Они уверены. Раздают сухари и сушки. – Губы его скривила сардоническая улыбка. – Заботятся о нас, обычно невольники получают всего пару горстей червивого зерна. Но ты права, им удалось.

Она удивилась, услышав что-то вроде признания в его голосе:

– Ты ими восхищаешься?

Ответом была издевательская гримаса:

– Почти. Они могут быть врагами, но это не значит, что я их презираю. Презрение к врагу обесчеловечивает того, позволяет приписать ему худшие черты: глупость, трусость, озверение. Из-за презрения мы легче становимся жестокими, чтобы убедиться: враг отвечает тем же, чем утверждает нас в вере, что мы не ошиблись. А потому мы презираем его еще сильнее... В конце этой дороги две ошалевшие от ненависти твари пытаются вцепиться друг другу в глотку.

Она проглотила размоченный сухарь и несколько изюминок, которые жевала уже какое-то время.

– Воды, – попросила Деана, а когда он дал ей несколько глотков, добавила: – Ты всегда говоришь так длинно? Или только когда боишься?

– Я переводчик и ученый. Я восхищаюсь... умом. Они уничтожили караван, который охраняла сотня солдат, причем половина – Соловьи, и двух слонов. Мы были ослаблены нехваткой воды, но все равно... у них это заняло несколько десятков ударов сердца. Потом они разбили твоих, хотя я полагаю, случайно, они натолкнулись на вас, отступая после нападения, а так как не было времени менять планы – просто атаковали, чтобы расчистить себе дорогу. А теперь им удалось уйти от погони. Я ценю людей, использующих разум. Когда бы у меня было достаточно денег, я бы предпочел, чтобы эти бандиты на меня работали. – Он вздохнул. – И да, я боюсь. Если они сбросили со следа погоню, то мы в их руках. И единственная наша надежда – что все пойдет как они задумали.

– А если нет?

– Тогда нас убьют, а князь не взойдет к Оку, чтобы поклониться Владыке Огня.

– Тебе бы думать о своей судьбе. В случае проблем ты или я погибнем первыми.

– Знаю. И что ты с этим сделаешь?

Она заглянула ему в глаза, снова увидев молочную пленку. Не могла ничего в них прочесть.

– Проверяешь меня?

– А если и так? Ты можешь купить себе жизнь и свободу, предать князя, – сказал он неожиданно серьезно.

– И как, – дернула она связанными руками и ногами, – на милость Великой Матери, мне это сделать?

Он пожал плечами:

– Я воспитан при княжеском дворе, как и бо́льшая часть слуг. Я видел интриги и коварство дворцовой камарильи, храмовых групп и Родов Войны. Лицо предательства, отраженное в тысячах зеркал, улыбалось мне из каждого угла. Когда растешь в таком месте, когда понимаешь, что... для остальных ты только пешка, малозначимая фигура на доске, ты учишься... Нет, извини, я не это хотел сказать. Вот, – он указал пальцем на глаза, – память об одной из дворцовых игр. Глупый ребенок прокрался в спальню отца и глотнул вина, что стояло на столике у кровати. Глотнул немного, чтоб никто не понял, и только из-за этого остался в живых. Часом позже у него начались судороги, и с пеной на губах он катался по полу. Спас его один из слуг, который узнал яд и дал ему противоядие, хотя и не сохранил парню глаза. Тех, кто хотел убить моего отца, никогда так и не поймали: просто одна из тысячи паучьих нитей, оплетающих дворец, та, что протянулась к нашей жизни.

Он вдруг улыбнулся и подмигнул заговорщицки, что было довольно жутко:

– Я тебе не надоел? Людей, которым я доверяю, могу перечислить по пальцам одной руки. Если у меня есть план, и если открою его тебе – что сделаешь? Пойдешь к их атаману, чтобы купить себе свободу?

К атаману. Она снова почувствовала ладонь, ползущую по ее телу. Тихо фыркнула:

– О да, я бы хотела к нему пойти. Ты даже не знаешь, как сильно хотела бы.

Он кивнул, став вдруг серьезней самой смерти:

– Хорошо. Тут я тебе верю. Просто должен, верно? – Он отодвинулся от нее. Шепот его донесся теперь из-под стены: – Я слепец, у которого под опекой ребенок. Переводчик и ученый. Меня никогда не учили сражаться, и даже столетний старик, вооруженный палкой, победил бы меня. Если я сбегу с князем, то как далеко мы уйдем в этой пустыне? А потому – какой может быть у меня план?

Она не ответила, понимая, что слова излишни.

– Мой план – молиться о чуде и рассчитывать на то, что иссарская воительница окажется достойной легенд о своем народе.

А потом тьма выплюнула еще несколько слов:

– И что она нас не продаст.

Глава 8

Альтсин проснулся, как всегда, за несколько минут до рассвета. За проведенные тут месяцы тело его привыкло к ритмам монашеской жизни и независимо от того, прошла ли ночь спокойно или была наполнена тяжелыми трудами и неприятными неожиданностями, глаза он открывал за минуту до того, как над монастырем плыл звук утреннего колокола. Снились ему... он попытался вспомнить... коровы, козы и какие-то отчаянные поиски тех запропавших животных, поиски, что закончились погоней крутыми улочками Каманы, соединенной с поиском убегающих девушек. Нормальный сон, сплетающий довольно неопределенные воспоминания из прошлого с событиями последних дней.

Он вздохнул и сел. У него была одиночная келья – роскошь, зарезервированная для щедрых «ожидающих», которые внесли соответствующий взнос в орден. Роскошь начиналась и заканчивалась обеспеченным таким вот образом одиночеством, поскольку деревянные нары с матрасом из морской травы, прикрытые шерстяным одеялом, столик, табурет и два колышка в стене, на которые он вешал одежду, – это было все, что монастырь мог ему предложить.

Но ему приходилось спать и в куда худших местах.

Колокол известил, что через четверть часа начнутся дневные труды. Как гость, Альтсин мог ограничивать работу в монастыре, выбирать ту, к какой имел желание, – а то и совершенно от нее отказаться, известив приора, что имеет более важные дела. Он редко пользовался этой привилегией, делал это, главным образом, лишь когда притаившееся в его голове чужое присутствие напоминало о своем существовании и когда необходимо было уклониться.

Вчера... вчера на миг, буквально на несколько ударов сердца, он сделался кем-то другим. Начал думать так, словно был Кулаком Битвы Реагвира, *авендери* самого Владыки Битв, а все это случилось уже после стычки с миттарскими моряками, один из которых...

Да чтоб его вшивый козел покрыл! Вор встал, едва не опрокинув столик. Один из них сказал, что они кое-что потеряли! А у девушки на коже нарисован миттарский знак галерника. Светлая Госпожа, если бы он не был таким уставшим, когда ее нашел, то понял бы это сразу! Несколько бандитов, шарящих ночью портовыми улочками. Не пьяные, а значит, не заходили ни в одну из таверн, а вероятность, что они специально искали монахов, разносящих еду, была чрезвычайно мала. Похоже, они шли по следу беглянки, а когда ее не нашли, решили хотя бы немного заработать, потому что их галера...

Наверняка как раз выплывает из порта.

Собственно, это знание ничего ему не давало. Даже если б они объявили о произошедшем в порту, капитан галеры наверняка от всего отказался бы, а экипаж тоже залил бы себе рот смолой, и не будь на борту других сеехийских пленников, ничего бы не удалось доказать. Но если «Черная Чайка» когда-либо еще появится в Камане, власти порта должны дать ей понять, что думают о таких делах. Держать сеехийскую невольницу в городе, который полностью зависит от доброй воли этих варваров... Умнее было бы пойти поплавать между акулами, сперва выкупавшись в нескольких галлонах крови.

Альтсин быстро умылся, оделся и вышел на завтрак. Тот был коротким, простым и сытным: овсянка, лепешки и густое пиво давали достаточно сил для трудов и молитв, не даря наслаждения вкусом. Потом приор проговорил короткую молитву и указал Альтсину на боковые двери.

Когда пользуешься чужим гостеприимством, пусть даже и оплаченным, – нельзя не слушаться таких просьб.

Они встретились в коридоре за столовой, старик кивнул ему и зашагал вперед, пряча ладони в рукава.

– Прости, парень, но в моем возрасте никакой горячей овсянки не хватит, чтобы изгнать холод из рук и ног. Старая печь не дает уже достаточно тепла, – засмеялся он.

Начало разговора – ничем не хуже любого другого. Но Альтсин знал, что Энрох не вызвал бы его, чтобы поговорить о старых проблемах со здоровьем.

– В городе наверняка найдется травник с мазью для разогрева крови.

– Верно. И он покупает ее у нас, у брата Зевара. Но радости старости ждут всякого.

Вор проглотил быстрый и злой ответ: мол, странно, что при стольких-то стариках в монастыре у Зевара еще есть чем торговать, – или что другое, настолько же глупое. Правда, что большинство монахов здесь могли бы оказаться его дедами, правда и то, что суровые правила и расположение на краю мира не привлекали в стены монастыря молодежь, как, наконец, правда и то, что в беседах со старшими братьями преобладали темы болезней, проблем с пищеварением, газами, сыпью и геморроем. Но правда и то, что приор уважал его уединенность и не навязывался со своими проблемами. А только глупец отвечает грубостью на вежливость.

Некоторое время они шли в молчании.

– «Черная Чайка» отплыла.

Проклятие, старик что, читает у него в мыслях?

– Брат Найвир пришел ко мне где-то час тому назад и вспомнил, что произнес один из напавших на вас. Я сразу же послал людей в порт. Там не оказалось жалобы на монахов, напавших на моряков. – Приор легонько улыбнулся. – Что только подтверждает его и мое подозрение, что миттарцы предпочли не обращать на себя внимания. Галера вышла в море затемно с грузом янтаря и шкур. Только это нам и сообщили.

Оставался открытым вопрос, что из этого следует.

– Что из этого следует? – спросил Энрох.

Похоже, приор и правда читал его мысли.

– Я уже сообщил Совету о том, что вы нашли, – продолжил тот. – Девушка в моей комнате и... – улыбка приора сделалась злой, – если ты начнешь воображать похотливого старика и безоружную красотку, привязанную к кровати, то прекрати, брат Альтсин.

Вор прекратил, хотя пытался изо всех сил спрятать глуповатую гримасу, пытающуюся вылезти ему на лицо. Старый монах продолжил:

– Они очень просили проявить сдержанность в разговорах о случившемся.

– Да?

Больше он ничего не сказал. Бывал за стенами и знал ситуацию в городе. Совет формально не обладал никакой властью над монастырем, а Храм Баэльта'Матран был слишком силен, чтобы с ним конфликтовать, даже учитывая, что на западе континента богиня не имела стольких верных, как, скажем, Близнецы Моря или Владыка Битв. К тому же по непонятным причинам сеехийцы за стенами города привечали только слуг Великой Матери, потому монахи часто оказывались посредниками в решении конфликтов и занимались, как это называл один из братьев, тем, что «мочились на горячие угли».

Потому Совет Каманы мог лишь выражать вежливые просьбы.

– Они даже обещали – скажу между нами, – что позитивно рассмотрят нашу просьбу насчет того клочка земли под восточной стеной.

Ну-у-у... это было неожиданно. Как если бы вечно недовольный и скупой дядюшка пообещал, что сделает тебя наследником сельского имения. Это значило, что у тебя есть информация, которая может его скомпрометировать и полностью уничтожить.

И становилось понятно, зачем приор тратит время на него, Альтсина.

– А братья...

– Брат Домах как раз принес обет Мертвых Уст. На месяц. Брат Найвир... – Старик послал Альтсину понимающий взгляд. – Несмотря на то что говорят, я не настолько уж и суров.

А потому он вызвался на работу при кухне и в подвалах. Некоторое время он не выйдет за стены монастыря.

Да, обет молчания для Найвира настолько же ужасен, как если лишить рыбу воды.

– Я не много помню о той ночи, приор. Был я слишком уставшим.

Они обменялись заговорщицкими взглядами.

– Я так и подумал, – кивнул приор. – Если бы кто-то спросил, пусть я и не думаю, чтобы до этого дошло бы, но если... Вы нашли вчера умирающую нищенку. Принесли ее в монастырь, где несчастная отдала душу в руки нашей Госпожи. Погребли мы ее в море.

Очень удобно, что в Камане не было привычных кладбищ. Мертвая беднота попадала в море.

Они добрались до небольшого окошка, откуда открывался вид на подворье, где уже крутились монахи. Альтсин отвел взгляд от сморщенного лица Энроха и уставился куда-то за окно.

– Известно, почему Совет стал настолько щедр?

– Милосердие Матери порой открывает самые черствые сердца.

– Да. А кусок сыра, закопанный под порогом, превращается в золото, орущий кот, привязанный к мачте, отпугивает акул, а лучшее средство от икоты – зубок чеснока, воткнутый в задницу.

– Ты когда-нибудь испытывал на себе какие-то из этих вещей, Альтсин? – В голосе приора не было ничего, кроме искреннего интереса.

Вор вспомнил свое детство на улицах Понкее-Лаа.

– Все, кроме чеснока. – Он невольно улыбнулся и сразу сделался серьезен. – Знаю, что ты имеешь в виду, приор, но не станем играть в глупую болтовню. Совет, похоже, готовит новый договор с сеехийцами, а такая весть могла бы уничтожить все, чего они пока что добились. Непросто было бы объяснить тем варварам, что мы ничего не знали о похищении девушки. Я буду молчать. Но переговоры могут закончиться в любой момент, а потому советую дожать их насчет той земли побыстрее.

Развеселившийся Энрох фыркнул:

– Учила селедка треску плавать.

Альтсин тихо вздохнул и взглянул на старого монаха:

– И то верно. Не мое дело, а тот, кто является приором этого места с момента, как Пра-матерь произнесла над миром первое слово, наверняка справится с бандой, готовой спустить с человека шкуру за последний медяк. Но ты ведь посвящаешь мне свое драгоценное время не только ради этого, верно, почтенный?

На лице Энроха появилось нечто вроде издевательской ухмылочки:

– Ах, гляньте, люди, как элегантно можно сказать «отвали, старикан».

Вор выдержал его взгляд, не моргнув.

– Я слышал, что ты сегодня встречаешься с определенными людьми. – Приор вдруг чихнул, раз и другой, а потом медленно почесал нос, словно желая дать Альтсину время, чтобы прикрыть рот. – С опасными людьми, которые правда обладают честью, пусть даже эта их честь и имеет некую цену.

Вор прищурился и процедил:

– Кто-то уже ее перекупил?

Если Райя его предал...

– О таком я ничего не слышал, – успокоил его монах. – А у кого-то есть причина ее перекупать?

«Хороший вопрос, клянусь всеми девками Понкее-Лаа».

– Полагаю, что нет, приор.

И правда, если бы некто, знающий проблему Альтсина, желал его достать, он не стал бы платить местной гильдии воров, а прислал бы в Каману гребаный флот вторжения с сотней

колдунов на борту. Разве что это была бы та странная парочка с мола. Убийца с черными мечами и девушка, в глазах которой тлело истинное безумие.

Но они не казались теми, кто станет нанимать чужие ножи.

– Среди местных много людей, верных Матери. Как и среди тех, кто... как бы это сказать... ищет другого пути к богатству. Встреча одного из наших гостей с их главарем обеспокоила этих людей настолько, что они сообщили об этом мне. И двигала ими забота не о самочувствии гостя, но о будущем нашей общины. Совет полагает, что монастырь занимает слишком много места, и многие годы ищет весло, которым мог бы нас ударить, если понимаешь, о чем я. Нынче он щедр, но, если окажется, что один из нас влип в подозрительные делишки, милость их испарится, словно утренняя роса.

– Я не один из вас.

Старик улыбнулся, словно извиняясь.

– Ты уже полгода носишь одежды нашего ордена, – напомнил он ласково. – Ты ходишь в них по улицам, а люди не обращают внимания на такие мелочи, как то, принес ты клятвы или нет. Кроме того, как приор я отвечаю и за своих гостей.

– Понимаю. Если это проблема, то я не стану больше злоупотреблять гостеприимством монас...

– Ну вот. Гордость и чувство собственного достоинства. Хотя кто-то менее наблюдательный мог бы сказать: гордыня и наглость молокососа. Знаю, знаю, тебе уже больше двадцати, но, с моей точки зрения, даже твой отец – всего лишь мальчишка. Я не выгоняю тебя, наша Госпожа никого не гонит из-под своей опеки, но я должен знать: эти твои... дела за стенами, не принесут ли они нам проблемы?

Вор задумался. Сколько можно сказать?

– Не думаю...

И вдруг понял, что если приор в курсе его встречи с Райей, то может знать и о цели его поисков.

– Я ищу кое-кого, кто должен мне услугу. Сеехийскую ведьму. По важному делу. Прибывая сюда, я не думал, что это так затянется, но этот остров... Сеехийцы...

– Сеехийцы, – повторил эхом приор. – Варвары и дикари. Примитивные, грубые и безжалостные племена, которые вознесли понятия гордости, чести и верности роду и клану на верх человеческой глупости. *Трейвикс* управляет здесь всем: от того, дает ли щербатая миска, врученная гостю, право перерезать горло любимому коню хозяина, – до поведения, способного привести к оскорблению всего племени.

Да, *трейвикс* – слово, которое в Камане слышали слишком часто, стоило разговору коснуться аборигенов. Набор правил и обычаев, нигде окончательно не описанных, но говорящих о том, что, где и когда может стать смертельным оскорблением для сеехийцев или сколько нужно крови, чтобы смыть позор. К счастью, островитяне использовали эти правила почти исключительно в отношении земляков, воспринимая пришельцев на остров со снисходительным высокомерием, как людей, что не ведают, что значит настоящая честь. Будь все иначе, в город не вернулся бы ни один караван.

Что не означало, что их нельзя было смертельно оскорбить. И заплатить за это обычной для этого острова монетой.

– Они сражаются друг с другом вот уже сотни лет, порой по причинам таким абсурдным, как похищение коровы во времена, когда и Империя была лишь младенцем. – Энрох, казалось, не замечал, что вор мыслями далеко. – Сто племен, тысячи кланов, сто тысяч клинков. Они так разделены, что даже не могут называть остров одним именем, принятым всеми племенами. Даже странно, что их до сих пор никто не покорил, используя взаимную нелюбовь и враждебность. Это кажется таким простым.

Да. Кости тех, кому это показалось простым, танцуют с волнами, к радости Близнецов Моря.

– *Камелуури*, – тихо продолжил приор. – Одно Дыхание. Это не просто местный закон – это еще и сила, из-за которой никому не удалось захватить остров. Из-за которой сотни племен, ссорящихся и жрущих друг друга без усталости, безнадежно запутанных в свои дикие обычаи, мгновенно забывают об этих ссорах и, как один человек, встают к бою. Сила, которая приводит к тому, что местные не поклоняются никому из известных нам Бессмертных, а чтят лишь своего племенного божка и – ох, слово это горько в моих устах – принимают Прамать. Знаешь ли ты, что если бы жрец Близнецов или Агара-от-Огня покинул Каману, то не прошел бы и мили? Сеехийцы убили бы его и отослали безголовое тело в город. Лишь нашим братьям позволяют находиться между ними.

– Я знаю об этом. – Альтсин порой встречал в городе жрецов иных богов, а их взгляды выжигали дыры в его рясе. – Все знают.

– Ох, парень, тебе стоит научиться не прерывать стариков, которые хотят лишь продлить радость беседы. Вы, молодые, находите время для нашей компании, лишь когда чего-то хотите или когда мы вас к такому принуждаем.

Энрох вздохнул, раскашлялся и продолжил:

– Мы их не понимаем. Не понимаем того, что дает им силу, чтобы чувствовать себя едиными по отношению к остальному миру и одновременно мारать ножи кровью воинов в бесконечном хороводе мести. Они закрыты для чужаков, а проникнуть в их ряды... – Монах покачал головой.

– Я тоже был удивлен, что дела здесь обстоят так, как обстоят, – пробормотал вор. – На континенте сеехийцы считаются варварами. Мстительными, жестокими и гордыми, но мало кто из людей знает, что Камана – как осажденный город.

– Ну, все не так уж и плохо. Пока обе стороны соблюдают условия, у нас мир. И, между нами говоря, парень, узнай ты место жительства своей приятельницы – как ты намереваешься до нее добраться? Сеехийцы позволяют ходить караванам, но любой чужак, который удалится более чем на сотню шагов от повозок, может погибнуть.

– Я бы что-то придумал, приор.

Да. Глупый вопрос и глупый ответ. Единственные люди в Камане, которые могли более-менее свободно двигаться по острову, были Братья Бесконечного Милосердия. Их ряса давала определенную... нет, вовсе не неприкосновенность или защиту. Просто давала шанс не получить стрелу сразу.

Альтсин сделался «ожидаящим», когда до него дошло, насколько сложное это дело. Найти ведьму, которую он видел лишь в свете факела, известную только по имени, на острове, где местные варвары могут убить чужого, если посчитают его поведение оскорбительным – или по другой какой-то из бесконечных причин.

Они обменялись взглядами.

– Не сомневаюсь. – Улыбка старика была таинственной, как океанские глубины. – А сейчас ты пойдешь на встречу?

– Да. Опаздывать было бы невежливо.

– Удачи.

Интерлюдия

Метла метет каменный пол равномерными, гипнотическими движениями. Пепел. Всегда пепел, хотя, казалось бы, в этом месте, под гранитным куполом, в ста, а может, и тысяче футах под землей, эти черные хлопья не имеют права существовать. Но они есть. Рождаются из воздуха, где-то под почерневшим потолком, и медленно падают на каменные шестиугольники плит. Трофеи бога.

Мужчина вытер лоб рукавом, размазав несколько хлопьев в серые полосы, и улыбнулся последней мысли. Слуга, который произнес те слова, уже ушел в Дом Сна, а имя его оказалось позабыто сотни лет назад; и все же он оттиснул свой след в истории, даже если было это лишь короткое, бунтарское определение.

Забавно. Мы существуем лишь постольку, поскольку в нас остается нечто, достойное пребывать в памяти.

Он старательно обмел основу одного из тронов. Одиннадцать сидений, холодных и неудобных, выполненных из того самого камня, что и пол. Одиннадцать в честь – о чем многие уже забыли – количества *авендери*, между которыми делил свое существование Владыка Огня, когда выжигал несовершенство мира. Только несколькими другим богам, из самых сильных, приходилось делить свою душу на столько частей.

Да. Многое забыто. Но не всё.

Шелест одежд, заматающих пол, не заставил его поднять голову. Он был слугой. Слуги не таращатся на приглашенных гостей.

Глянул, лишь когда закончил обметать очередной трон. Закутанная в черное фигура сидела на одном из них. Рукава одежды стекали из-под ее скромно сложенных на коленях ладоней, стопы прятались под складками черного шелка, лицо закрывала вуаль, но то, как она сидела и держала голову, выдавало ее пол. Женщина.

Он наклонился и продолжил работу.

Чуть не столкнулся со следующим гостем. Гостями. Мужчина в багровом плаще, багровой кольчуге и в багровой маске, представляющей демона, пыхающего огнем, стоял между двумя бледными девицами в одеждах, ни тоном оттенка не отличающихся от серого пепла, слетающего из-под куполообразного потолка. Маска демона выполнена так, что в ней нельзя было заметить отверстия для глаз, а потому – не понять, знает ли пришелец о присутствии женщины в черном, потому что ни единым жестом он не дал понять, что ее увидел. Она, впрочем, тоже абсолютно его игнорировала.

Метла, пепел, еще один трон.

Молчание.

Смех ворвался в тяжелую тишину, словно стайка разыгравшихся котят. И впервые вызвал какую-то реакцию. Женщина на троне вздрогнула, мужчина в красном чуть повернул голову в поисках источника звука. И только сопровождавшие его девицы вели себя как ни в чем не бывало.

Смеющаяся вышла из-за одного из тронов, и цвета ее одежд казались насмешкой над здешней серостью и чернотой. Синева, кобальт, желчь, алость, розовость, каждый из цветов в нескольких оттенках, всякий элемент ее одежды дополнительно прошит золотой и серебряной нитью и украшен цехинами. Женщина исполнила пируэт, взмахивая подолом. Несколько косичек затанцевали вокруг ее головы, а маленькие колокольчики, которыми они были украшены, зазвенели отчаянно.

– Такого серьезного собрания я не видела уже долгие годы. Особенно здесь.

Улыбка делала ее моложе, а голос мог принадлежать как двадцатилетней, так и сорокалетней. Как, впрочем, и лицо.

Одна из девушек, сопровождавших мужчину в алом доспехе, подала ему руку и отозвалась голосом матовым и серым, как ее одежды:

– Китчи. Я полагала, что прибудет твоя сестра.

– Она занята. – Новоприбывшая совершенно проигнорировала говорившую и обратилась непосредственно к воину: – Я была ближе. Кроме того, Э'мнекос, ты ведь знаешь, что это не имеет значения.

– Может, и так. Но с ней мне проще разговаривать. Ты пришла увидеть мой триумф?

– Твой триумф еще не решен. – Сидящая на троне женщина махнула рукой, рукав ее затрепетал.

– Мой триумф откован из стали, которая перерезала горло одному брату и отберет жизнь у другого, если он не выкажет рассудительности. Что еще можно сделать?

Слуга опустил глаза. Метла. Серый пепел. Что еще можно сделать?

Женщина, названная Китчи, вскочила на один из тронов и расселась на нем с наглостью, характерной для безумцев или бунтующих подростков.

– Игра еще идет, дорогой. Ты уверен, что судьба тебе благоволит?

Мужчина вздрогнул, а маска его – хотя, возможно, это была лишь игра света – искривилась в гневной гримасе. Девица, державшая его за руку, прошептала:

– Ты нам угрожаешь? Эйфра намерена нарушить уговор? Объявить нам войну?

– Никто не нарушил договора, солнышко, это не время, чтобы их нарушать. Моя госпожа играет всегда согласно правилам. Но скажем, что один из верблюдов наступил на шип и яшма не доехала в оазис вовремя, а потому один караван отправился в дорогу раньше, чем собирался. И все. Один маленький – ну, может, и не такой уж маленький, но все же – по сравнению с планами низвержения династии и выстраивания империй, совершенно несущественный шип.

Установилась тишина.

– Империй? – Одетая в черное женщина зашелестела шелками. – На чем вы намерены строить империю? На грязи, жидкой от крови? Кто будет ее строить?

Девушка, бывшая голосом воина в алом, взглянула на нее равнодушным взглядом. Пальцы в багровой перчатке, охватывавшие ее запястье, затанцевали, словно мужчина играл на каком-то струнном инструменте.

– Разве не вы учите, что роли господина и слуги всегда... спорны? – пробормотала она. – Так оспорим же их снова. После всего.

Женщина в черном склонилась на своем троне, словно собираясь прыгнуть на замаскированного.

Китчи энергично хлопнула в ладони, прервав зарождающийся скандал и привлекая к себе внимание:

– Мои дорогие. Вы просили меня о... посредничестве в вашей подзатынувшейся войне, верно? А потому позвольте мне быть посредником.

Красная перчатка затанцевала на бледной коже девушки.

– Ты не должна была стать арбитром – лишь игроком. Должна была помочь ей в споре, чтобы гарантировать нейтралитет Владыки Огня. Или ты предпочитаешь выйти из договора? Делая вид, что его никогда не было? Что ты не собираешься играть?

– Отчего же? – Колокольчики на косичках звонко рассмеялись, когда Китчи-от-Улыбки качнула головой. – Я собираюсь. Разве шип не воткнулся в копыто верблюда? А кроме того... отчего никто из вас не спрашивает, где наш хозяин?

Два лица: закрытое маской демона и спрятанное за вуалью – повернулись в ее сторону.

Слуга опустил взгляд. Метла. Пепел. Потолок плакал серыми хлопьями сажи.

Глава 9

Утром изменилась погода. Сперва небо заволокло синей дымкой, потом поднялся ветер, дикий и пустынный, для которого скальный лабиринт Пальца Трупя сделался местом потехи и развлечения. Он приветственно засвистел, запел поверху, словно желая объявить: «Я иду», а после ворвался в путаницу серо-красных скал и показал, на что способен. Подхватил в танце лежащую на земле пыль, рванул сухие травы, загрохотал мелкими камешками. А потом...

Два дня и две ночи они провели в пещерах, вход куда заслонили пледом. Два дня и две ночи Деана то сидела, то лежала на земле, с нее сняли большую часть пут, оставляя связанными лишь колени и лодыжки. Все знали, что выйти наружу означает смерть. В их небольшой пещере теперь сидел атаман со своим рабом и еще четыре бандита. Похоже, предводитель решил лично следить за безопасностью своих узников, не слишком доверяя остальным.

Это были два длинных дня, наполненных тяжелой тишиной и мрачными взглядами, с едва тлеющим на каменном полу огнем да с напряженными шепотками, ползущими по углам. А когда ветер стих и все вышли наружу, Деана не поняла внезапной перемены в настроении бандитов. Мир не слишком-то изменился. Правда, там, где недавно вставали песчаные, в рост человека, холмы, была голая скала, а проход, которым они шли пару дней назад, исчез, засыпанный мелкими камешками и сухими ветками, но ведь вихрь не изменил расположение каменных стен. Только под вечер, когда после дня пути они разбили лагерь в одной маленькой долинке, а атаман разослал большую часть людей во все стороны, лишь тогда Деана, следя, как они возвращаются по одному, по двое, качая головами и разводя руки, поняла, что сделал ветер.

Какие бы знаки ни оставили бандиты среди скал, какие бы следы ни должны были направлять их к новым укрытиям с припасами, ветер их уничтожил. Рассыпал с умыслом разложенные кучки камешков, стер с красноватых скал легчайшие знаки, смел умело разложенные ветки, указывающие на нужные проходы. Словом, у них были проблемы. Особенно у Деаны и переводчика.

В данной ситуации их стоимость как товара резко упала. Бандиты еще этого не сообразили, в бурдюках пока плескалась вода, но, когда они выжмут из козих шкур последние капли, окажется, что иссарская невольница стоит меньше лошади и меньше князя, который пьет мало, но за которого все еще можно получить королевский выкуп. В глазах разбойников еще не появилось обещание смерти и того, что можно сделать с девушкой перед тем, как ее убить, но это был вопрос ближайших дней, а может, и часов.

Глядя, как они садятся в круг и начинают советоваться на своем языке, она склонила голову и произнесла *онаэв* – молитву одного удара.

Владычица, оружие мое сломано, а рука слаба, но враг мой должен умереть, чтобы мои дети и дети моих детей могли прославлять Твое имя до самого дня Прощения. Я не прошу о жизни или конце страдания – прошу о шансе одного удара, что отошлет его души в Твои Руки.

Молитва тех, кому уже нечего терять и кто рассчитывает на чудо.

Посоветовавшись, бандиты затолкали Деану в какую-то расщелину, настолько тесную, что она не могла даже развернуться, а слыша, как они начинают рассаживаться по лошадям, Деана едва не закричала. Даже нож был милосердней, чем оставлять ее здесь, чтобы она умерла от жажды. Но нет, скоро она услышала потрескивание огня и звон посуды. Они поставили лагерь, а часть вновь отправилась на поиски. Проваливаясь в полный дрожи и видений сон, Деана впервые искренне желала им удачи.

* * *

Утро принесло благословенное тепло, разогнавшее ночной холод. Деана вся задеревенела и замерзла, горло и язык ее пересохли, словно мочало. Естественно, вечером она не получила и глотка воды, но, к ее удивлению, прежде чем ее вскинули в седло, старый невольник подошел, поднял, зажмурившись, ее *экхаар* и приложил к губам Деаны глиняный кубок.

– Пей, – пробормотал он тихо – как ни странно, на меекхе. – Потихоньку, потому что больше ты сегодня не получишь.

Вода была теплой и отдавала горечью. Деана после первого глотка отдернула голову.

– Что это?

Старик улыбнулся:

– Я добавил трав, что уменьшат жажду и удержат воду внутри. – Он сделал большой глоток из кубка. – Видишь, это не яд. Но больше ты не получишь до самого вечера, а потому – пей.

Она выпила и, когда он вернул ее повязку на место, поблагодарила его кивком. Старик не ответил.

Палец Трупа поглотил их на долгие часы. Скальные стены плыли вокруг отряда со скоростью идущих шагом лошадей. Похоже, бандиты не хотели мучить животных, разве что по двое-трое отрывались от главной колонны, чтобы галопом исчезнуть в одном из боковых ходов.

Продолжали искать свои спрятанные припасы. И что хуже – дорогу.

Ближе к полудню они сделали остановку, поскольку, несмотря на лежащую между скалами тень, путешествие стало мучительным для людей и лошадей. И Деана впервые заметила изменение в том, как смотрели на нее бандиты. Началось. Один или двое даже подошли к молодому атаману и заговорили, указывая на нее красноречивыми жестами. Он отослал их прочь, но она знала, что утром их придет пятеро, а послезавтра – все.

Жажда – самый безжалостный советчик.

Как и было обещано, до самого вечера она больше не получила воды, и лишь в сумерках слепой переводчик напоил ее половиной кубка горького отвара. Они не говорили, потому что двое бандитов сразу же оттащили его, а потом быстро и грубо проверили ее пути, не отказав себе в удовольствии пощупать и пощипать Деану.

Цена ее уменьшалась с каждым часом.

На следующий день она получила только четверть кубка отвара, горького, словно братоубийственный удар в спину, а перед тем как отправиться в путь, бандиты зарезали всех заводных лошадей вместе с той, на которой ехала и Деана. Ее привязали к лошади невольника и погнали вперед.

Если бы они не продолжали двигаться шагом, она, вероятно, не дожила бы и до полудня.

Потом на нее пожалели даже столько воды, чтобы она могла хотя бы смочить губы, зато стянули пути тщательней, чем обычно, снова завязали ей глаза и вбросили вместе с князем и его слугой в небольшую пещерку. Снаружи Деана слышала суету и перекрикивания.

А потом там сделалось тихо.

– Ищут.

Шепот Оменара прозвучал хрипло, сухо. Она не повернула головы, не желая расходовать силы.

– Они почти уверены, что их укрытие где-то поблизости, нашли нечто, что выглядит как остатки знака... но неверное, затертое... Знаешь, что это значит?

Думать ей было сейчас непросто, но эта загадка оказалась легкой:

– Не они оставили эти припасы... кто-то другой... они просто знали, как читать знаки.

– Да. Много людей впутано в это безумие. Но... Если они найдут воду, мы спасены.

– А если нет?

Тишина. Он даже не шевельнулся.

– Князь стоит столько, чтобы сохранять ему жизнь любой ценой. Остальные – нет.

– Завтра... – прохрипела она. – Завтра утром, а может, даже нынче вечером они придут за мной.

– Верно. Мне не дали для тебя воды. И запретили приближаться.

– Вас не связали?

Он тихо, с мрачный отчаянием, рассмеялся:

– Слепец не опасен, ребенок не сбежит один. Они лишь тебе оказывают уважение.

Она бы сплюнула, если бы было чем.

– Уважение. Будь у меня свободны руки...

– И что тогда? – Молчание сделалось невыносимым. – Со сколькими бы ты справилась?

Если тебя развязать и дать шанс?

У нее не было сил даже смеяться:

– Развязать? Ты видел эти узлы? Будешь распутывать их половину дня.

– Ответь.

Она сделала несколько глубоких вдохов, отыскала внутреннее пламя. *Сани* все еще явился в ней, довольно просто было потянуться за ним.

– Голыми руками... одного. Потом у меня уже будет оружие.

Услышала, как он шевельнулся.

– А потом? Когда добудешь оружие, а то и коня? Что сделаешь?

Деана поняла, о чем он спрашивает:

– Я не оставлю вас. Клянусь.

Он глубоко вздохнул:

– Знаю... верю тебе... Но еще рано. Близятся самые жаркие часы... они скоро вернутся.

Он был прав: не прошло и получаса, а в лагере забили копыта, заорали дикие голоса. Бандиты вернулись радостные и возбужденные. Она не знала, радоваться или бояться.

– Они нашли след второго знака. – Оменар пробормотал слова осторожно, будто полагая, что их кто-то подслушивает. – Но проход замел ветер. Теперь слишком жарко, чтобы его откапывать, сделают это через несколько часов.

Он замолчал на минутку:

– Они довольны... и уверены... и... – Он вдруг замолчал, колеблясь.

Ну конечно. Рискнем ли мы бежать, если вечером у нас снова появятся запасы воды, а мы опять станем ценны для бандитов? А у тех будет вода, без которой мы не выживем. Она сжала зубы. Нет уж, ни один козлиный говнюк к ней больше не притронется.

– Насколько быстро сумеешь меня развязать?

– За несколько минут.

Удивил: ремни, ее связавшие, походили на железные кандалы. Но если уж он так говорит...

– Хорошо, я тебе верю. Но они связали меня крепко. Ладони затекли. Мне понадобится время...

– Мы дадим тебе время и разомнем тебе ладони... Ты уверена?

– Да. А ты? Рискнешь жизнью своего князя?

– Да. Кровь Огня не станет... Нет, скажу иначе. Такова его воля. И все. А теперь постарайся уснуть.

Она хотела насмешливо фыркнуть, но вдруг почувствовала, как покидает ее напряжение. Решение принято, и это оказалось словно бальзам, снимающий любую боль. Что бы ни случилось, у нее появится шанс. Деана прикрыла глаза.

* * *

Она почувствовала прикосновение: легкое, словно крылышки бабочки. Маленькие руки сняли повязку с ее глаз. Переводчик и мальчик уже сидели рядом, и ей показалось, что оба напряженно в нее всматриваются, хотя у одного глаза были прикрыты бельмом.

– Время. Сейчас или никогда, – прошептал слепец.

– Сколько их осталось?

– Двое. Прочие выехали час назад. Если я правильно понял, будут заняты до самой ночи.

– Ты правда сумеешь развязать меня так быстро?

Она перевернулась на бок, показывая стянутые руки. Ременные узлы стали похожи на камень.

А мальчишка открыл рот и сплюнул на землю нечто похожее на черную стеклянную чешуйку в два пальца шириной. Откашлялся, сплюнул снова, кровью, сунул палец в рот и, кривясь, ощупал щеки. Обронил несколько коротких злых слов.

– Мы нашли это на вчерашней стоянке и спрятали – и, как видишь, спрятали хорошо. Князь утверждает, что это был самый длинный день в его жизни и что ты должна ему серьезную услугу. – Оменар мигом нащупал кусочек стекла и приступил к перерезанию пут. – Но, говоря по правде, он впервые в жизни так долго просидел тихо.

– И все это он сказал в одной фразе?

– Верно. Помни, что он князь, а потому ему нет нужды тратить столько слов, сколько тратит простой смертный.

Она засмеялась бы, если б сумела, но как раз в этот момент ремни, стягивающие ее запястья, сдались, и впервые за много часов кровь беспрепятственно начала поступать к ладоням. Словно кто-то сунул ее руки в муравейник.

– Все-все. – Слепец разрезал оставшиеся веревки и аккуратно взял ее за руки. – Постарайся не кричать. По крайней мере не громко.

Массаж был как поливание рук жидким свинцом. Пылающие волны текли вдоль предплечий до локтей, а каждое прикосновение напоминало тыканье раскаленным прутом прямо в кость.

– Потихе... да... хорошая девочка... попытайся шевельнуть пальцами... еще раз... одновременно двигай ногами, пусть кровь циркулирует.

Это продолжалось долго, но в конце концов мурашки в теле сделались сносными. Деана попыталась сжать кулак. Саблю еще не удержать, но, по крайней мере, она уже ощущала каждый палец отдельно и могла ими шевелить.

– Кто остался в лагере?

– Ну что ж... Полагаю, наиболее доверенные люди нашего хозяина. Он бы не оставил абы кого. Мы должны приманить их сюда по одному и убить. Правда?

– Ты опять боишься?

– Извини. – Он улыбнулся странной гримасой, не переставая массировать ее руки. – Я изучал языки, культуры и обычаи разных народов, но их способы взаимного уничтожения как-то прошли мимо меня.

– К тому же твои шутки становятся дурными. – Мурашки уже ушли, но она не отдергивала рук. То, как он к ней притрагивался, было... приятным. Им осталось еще несколько минут, а такая ласка – как капли дождя в пустыне, важна каждая.

Она осторожно села, но голова все равно закружилась. Она получила свободу. Слабая, словно младенец, жажда крутила ей кишки, не хватало оружия, а товарищами ее были слепец и ребенок, но несмотря на это Деана чувствовала себя превосходно. Возможно, свобода ее сводилась к праву выбора, от чьей руки она умрет, но это все равно свобода, свобода человека,

который перестал быть связанным куском мяса, бессильным против чужого прикосновения, злых слов. Она легонько улыбнулась и аккуратно вынула руку из хватки Оменара:

– Скажи князю, чтобы он крепко зажмурился. И не открывал глаз, пока я не позволю.

– Но...

– Скажи.

Несколько слов шепотом – и парень напротив нее зажмурился и заслонился руками так отчаянно крепко, что она почти рассмеялась. Ослабила *экхаар* и сняла его с лица.

– Скажи ему, что он не должен двигаться.

Слепец пробормотал короткую фразу, а Деана наклонилась и запечатлела на щеках и губах молодого князя три быстрых сестринских поцелуя.

Тот скривился, и на миг казалось, что он вот-вот расплчется, а потом машинально вытер щеки рукавом. Она тихонько хихикнула:

– Знаю, это мерзко, мои кузены реагировали точно так же, когда были в твоём возрасте. Теперь – ты.

Оменара она поцеловала медленней, неспешно. Теперь, когда ее уже не бросало в дрожь от его слепых глаз, он выглядел даже симпатично. И прикосновения его были чрезвычайно ласковы. Он казался более оробевшим, чем удивленным.

– Значит ли это то, о чем я подумал?

Она не ответила, занятая надеванием *экхаара*. Закончила и низко поклонилась одному и второму:

– Я была голодна – вы накормили меня, я страдала от жажды – вы напоили меня. Теперь один из вас пролил кровь, чтобы меня освободить. Вы мои *лаагвара* – товарищи по сражению. Никто не приблизится к вашей спине, пока я буду стоять позади.

Она села и еще раз внимательно на них посмотрела. Слепец и ребенок. Если бы кто-то сказал ей, что она именно перед ними произнесет подобные слова, Деана посчитала бы такого человека дураком. Но судьба любит шутки.

– Князь уже может открыть глаза.

Он послушался, подгоняемый тихим шепотом. Что-то негромко произнес и еще раз вытер рукавом щеки.

– Князь говорит, что ты первая девушка, которая его поцеловала. И что это было хуже, чем он мог полагать, но он прощает тебе. Спрашивает еще – что теперь?

Она взглянула на узкий вход в пещеру:

– Теперь мы начнем убивать.

Деана привлекла первого бандита криком и катанием по земле в притворном безумии. Когда он наклонился над ней, освободила руки из неплотно наложенных пут и убила его – быстро, вспоров горло обсидиановым лезвием так умело, словно это был ее собственный *тальхер*. Второй стражник заглянул в пещеру через минуту, обеспокоенный внезапной тишиной, но у нее в руках уже была сабля. И несмотря на то что она себе обещала, умер он быстро, с оружием, которое так и не успел вытащить из ножен.

В конце концов, она не была мстительна.

В лагере они не нашли лошадей, на что она рассчитывала: бандиты забрали всех их на поиски, зато ей удалось, судорожно обыскивая шатры, обнаружить мешочек муки и еще один, наполненный сухофруктами, а также посуду для готовки и даже немаленький запас конского навоза, огниво и сухую пальмовую листву для растопки. Но всего лишь половину баклагы воды. Затхлой и горькой.

И ни капли больше.

* * *

Пещера походила на сотни окрестных дыр, столь привычных для Пальца Трупа. Словно кто-то воткнул в живую скалу широкий клинок, а потом подвигал им вправо-влево, создавая узкий проход и довольно широкую яму: достаточно удобную, чтобы они сумели разместиться там втроем. Вход она заслонила несколькими засохшими кустами, которых полно было вокруг, и потом вновь попятилась в тенистое прохладное нутро.

Убегали они весь вечер и половину ночи. Используя свет луны и звезд, она пыталась отвести их троицу подальше от лагеря, а паутина узких проходов, тропинок, расщелин и яров поглотила и спрятала их. Деана сомневалась, сумели бы даже лучшие следопыты иссарам пойти за ними: каменная почва хорошо скрывала отпечатки ног, затрудняя погоню. И все же она на всякий случай оставила несколько фальшивых следов, а если им повезет и ветер вновь задует между скалами, то и десятитысячная армия не поможет бандитам. Калед Он Берс не отпускает добычу из своих каменных лап.

Она попыталась избавиться от этих мыслей.

Позже они остановились. Были слишком ослаблены, чтобы идти всю ночь, отдых позволил бы им накопить силы. Деана пыталась держать на запад, сама не зная почему: единственной причиной, пожалуй, оставалось то, что с запада три дня назад прилетел ветер, а судя по количеству песка, который он принес, зародился он над барханами открытой пустыни. Естественно, ветер мог миновать и сотни миль, прежде чем ворвался между скалами Пальца Трупа, но направление это было настолько же хорошим, как и любое другое, а кроме того, поставить перед собой хоть какую-то цель гарантировало, что они не будут ходить кругами и не попадут в руки похитителей вновь. Лучше уж поджариться на скалистой сковородке пустыни.

Потому что именно это их и ожидало, если они каким-то чудом не найдут питья. У них была еда, запас топлива и одеяла на ночь, но в баклаге осталось, может, полкварты воды. После короткого отдыха они шли почти до рассвета, потом сделали еще одну передышку, съели часть припасов, выпили по половине кубка воды и отправились дальше. Только рассветное солнце заставило их искать убежище. А поскольку даже глубокие яры не гарантировали укрытия от льющегося с неба жара, они спрятались в пещере.

Деана легла на холодном камне, закуталась в плед и кисло улыбнулась. Возможно, уже скоро они пожалеют, что сбежали. Если бандиты и правда нашли тайник с припасами, в их лагере было бы больше шансов выжить. Единственный шанс. Но если бы не нашли – она и Оменар оказались бы уже мертвы. Как бы там ни было, они получили свободу, она же знала наверняка, что никогда больше не позволит себя связать.

– Спишь? – Шепот мужчины вырвал ее из задумчивости.

– Нет. Думаю. Ты слышал что-нибудь ночью?

– И что я должен был слышать?

– Погоню. Крики, свист, топот лошадей.

Он фыркнул:

– Они бы так не поступили. Будь я на месте главаря, наверняка не послал бы людей бегать ночью вслепую в этом лабиринте. Осмотрев тела, он легко мог понять, как давно мы сбежали. Знал бы: единственное, чего он добьется, – затопчет все следы. Нет, я бы подождал рассвета и тогда бы выступил. Они верхом, мы – пешком, легко наверстают потерянное время. Кроме того, наверняка пришлось бы сперва навести порядок: люди любят бунтовать, когда атаман в чем-то ошибется. Но сейчас... Как далеко мы ушли?

– Восемь – десять миль.

– Всего? За всю ночь?

– Мы шли медленно, петляли. Я выбирала такую дорогу, где под ногами была бы только голая скала. А кроме того...

– А кроме того, – оборвал он с гневом, – ты ведешь слепца и ребенка, верно. Как далеко ты ушла бы одна?

– Восемь – десять миль. Не больше.

Он не стал насмешливо шипеть.

– Ты странная, Деана д'Кклеан, – проворчал он вместо этого. – Большинство из тех, кого я знаю, бросили бы меня и князя и удрали, забрав всю воду.

– Ты рос в странном месте, Оменар Камуйарех, и я бы, пожалуй, не захотела там оказаться. Сложно быть слугой князя?

– Сложней быть князем из крови *авендери*, рожденным благодаря знаниям, столетия передаваемым в книгах, по которым отслеживают мужских потомков родов, носящих в себе хотя бы каплю крови Агара. Потому что традиция гласит, что *авендери* Владыки Огня всегда были мужчинами, все время его пребывания среди людей он никогда не одаривал Объятием женщин. А потому в Белом Коноверине нет княжон Крови Огня, а женщины ничего не значат в его политике. Может, за исключением тех, что занимают высокое место в Библиотеке и, – вздохнул он тяжело, – Королевы Невольников. Мать князя прибыла во дворец с закрытым лицом и постоянно носила вуаль, даже во время... акта зачатия и позже, при беременности. Как видишь, не только иссарам скрывают лица. А когда – в счастье или несчастье – родила мальчика, ей вручили плату и выставили из города. Потому что наша традиция гласит, что князья рождены из огня и крови Агара, а не вытолкнуты в мир между бедрами вопящих и ругающихся смертных, а потому ни одна женщина в мире не может носить титула матери Наследника Огня. Впрочем, попробайся кто из них, ее ожидает встреча с Оком, как сперва и делали с ними, пока триста лет тому не оказалось, что линия крови слабеет. Нужно было изменить... подход, поскольку Око отвергало новых кандидатов. Тогда вспыхнула гражданская война, начатая Соловьями, – и она расколола королевство Даэльтр'эд на несколько княжеств и смела с лица земли несколько Родов Войны. Я... прости, что говорю так хаотически... Князь никогда не жаловался на свою судьбу.

– А если рождается девочка?

– Ее отсылают в провинцию, а Храм и Библиотека вписывают ребенка в Книги Крови. Может, через пару поколений ее дочка или внучка приедет во дворец с закрытым лицом.

Деана не выдержала:

– Я слышала, что на севере, в Меекхане, таким образом разводят лошадей.

Он рассмеялся:

– Да. Ты права. Именно поэтому лучше быть слугой князя, а не им самим. Нынче Лавенерес второй в очереди на трон, роль его сводится к поездкам улицами города на спине слона и в приветствии толп, остальное время он проводит в попытках не влипнуть в паутину, которую выплетают Храм Огня, *аф'гемиды* Соловьев, Буйволов и Тростников, или в дворцовые ссоры, связанные с купеческими гильдиями, ремесленными цехами и старой аристократией. И даже – с Великой Библиотекой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.